

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ МОСКВЫ,
ПОДМОСКОВЬЯ И КРЫМА
В ДОКУМЕНТАХ АРХИВОВ
МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ

МАТЕРИАЛЫ АРХИВНО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОСКВА, 19 МАЯ 2021 г.

МОСКВА
2022

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия)

Центр краеведения, москвоведения и крымоведения

Главное архивное управление Московской области

ГКУ МО «Центральный государственный архив Московской области»

ГБУ МО «Московский областной архивный центр»

Московское краеведческое общество

Российское общество по изучению Крыма

**«ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
МОСКВЫ, ПОДМОСКОВЬЯ И КРЫМА
В ДОКУМЕНТАХ АРХИВОВ
МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ»**

*Материалы архивно-краеведческой
научно-практической конференции*

Москва, 19 мая 2021 г.

Москва
2022

УДК 980
ББК 26.89
И90

Издается по решению Ученого совета Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия)

Редакционная коллегия:

*Ю. Н. Герасимова, В. Ф. Козлов, А. Г. Смирнова (отв. редактор),
К. А. Смирнова (составитель)*

И90 **История и культурное наследие Москвы, Подмосковья и Крыма в документах архивов Москвы и Подмосковья : Материалы архивно-краеведческой научно-практической конференции (Москва, 19 мая 2021 г.)** [Электронное сетевое издание] / Отв. ред. А. Г. Смирнова, сост. К. А. Смирнова. — М. : Институт Наследия, 2022. — 224 с. — DOI 10.34685/НИ.2022.72.37.002. — ISBN 978-5-86443-389-8.

В настоящий сборник вошли материалы архивно-краеведческой научно-практической конференции «История и культурное наследие Москвы, Подмосковья и Крыма в документах архивов Москвы и Подмосковья», прошедшей в Москве в Российском НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия) 19 мая 2021 г. Конференция была организована Центром краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия совместно с Главным архивным управлением Московской области и подведомственными ему архивными учреждениями, а также с общественными краеведческими объединениями. В ней приняли участие представители научно-краеведческого и архивного сообщества из Москвы, Подмосковья и Республики Крым.

В сборнике в двух тематических разделах опубликовано 14 статей, посвященных вопросам церковного краеведения, усадебоведения, крымоведения, изучению истории рода, истории музейного строительства, истории краеведческих объединений в Москве и Подмосковье, реконструкции исторической топографии отдельных территорий, изучению биографий персоналий и т. д. Основу источниковой базы исследований составляют архивные документы.

Материалы сборника будут полезны специалистам: краеведам, историкам, архивистам, преподавателям, музейным сотрудникам, а также всем интересующимся историей и культурным наследием Москвы, Подмосковья и Крыма.

УДК 980
ББК 26.89

ISBN 978-5-86443-389-8

© Коллектив авторов, 2022
© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Раздел I

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МОСКОВСКОГО КРАЯ

<i>В. Ф. Козлов (Москва)</i> Материалы по истории старообрядческих общин, их храмов и моленных в первой трети XX в. в ЦГАМО (в связи с подготовкой дополненного переиздания книги «Москва старообрядческая»).....	11
<i>А. Г. Смирнова (Москва)</i> Документы по регистрации старообрядческих общин Москвы в 1906—1910-х гг. из фондов ЦГА г. Москвы как источник историко-биографических сведений о московском старообрядчестве.....	22
<i>К. А. Смирнова (Москва)</i> Социальные учреждения и заведения московской Преображенской старообрядческой общины в первые десятилетия XX в. (по материалам ЦГА г. Москвы и ЦГАМО).....	42
<i>В. В. Зыбин (Москва)</i> Использование документов московских и подмосковных архивов и музеев в изучении истории рода (к вопросу о публикации воспоминаний Н. Т. Каштанова (1874—1950)).....	58
<i>Ю. Н. Герасимова (Москва), Т. И. Любина (Пушкино, Московская обл.)</i> Документы по истории подмосковной усадьбы Демьяново в Центральном государственном архиве Московской области.....	67
<i>Е. Г. Петрова (Москва)</i> Архивные документы по истории подмосковной усадьбы Михалково (опыт краеведческого исследования).....	76
<i>С. И. Ярославцева (Москва)</i> Предыстория подмосковного села Знаменского-Садки, построенного на месте сельца Ярцова (по материалам РГАДА).....	89

<i>Л. Г. Ерёмкина (Москва)</i>	
Из истории организации краеведческого музея и краеведческого общества в поселке Ленино (Царицыно) в 1920-е гг. (по материалам ЦГАМО, ОР РГБ и частных архивов)	108
<i>А. В. Постников (Москва)</i>	
Музеи в московских палатах Юсуповых в Харитоньевском пер. (1919–1927 гг.): архивные исследования	119
<i>А. А. Овчинникова (Пушкино, Московская обл.)</i>	
Значение архивных документов Московского областного комитета Красного Креста для краеведческого изучения Москвы и Подмосковья (1932–1984 гг.)	135

Раздел II АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В КРЫМОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Т. М. Фадеева (Москва)</i>	
Важная находка в РГАДА. Письма княгини А. С. Голицыной графу М. С. Воронцову как источник по истории освоения русскими Южного берега Крыма в первой трети XIX в.	145
<i>Е. Н. Гореликова-Голенко, И. Г. Голенко (Москва–Симферополь, Республика Крым)</i>	
К проблеме изучения биографии и творческой деятельности губернского таврического архитектора О. Г. (А.) Клаузена (1848/1849(?)–1891): по архивным материалам	162
<i>В. И. Готов (Москва)</i>	
Документы по истории Крыма 1920–1950-х гг. в Центральном государственном архиве Московской области	179
<i>А. С. Сиренко (Москва)</i>	
История коллекции И. М. Саркизова-Серазини живописных и графических произведений (по документам Историко-спортивного музея Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма)	189
Сведения об авторах	203
Список сокращений	205
Приложения	207

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает материалы архивно-краеведческой научно-практической конференции «История и культурное наследие Москвы, Подмосковья и Крыма в документах архивов Москвы и Подмосковья», состоявшейся в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институте Наследия) 19 мая 2021 г. Помимо Института Наследия и непосредственно его Центра краеведения, москвоведения и крымоведения (ЦКМК), в числе организаторов конференции — Главное архивное управление Московской области, ГКУ МО «Центральный государственный архив Московской области» (ЦГАМО), ГБУ МО «Московский областной архивный центр» (МОАЦ), Московское краеведческое общество (МКО), Российское общество по изучению Крыма (РОПИК). Это уже четвертая подобной тематики научная конференция, объединяющая научно-краеведческое и архивное сообщество. Первая прошла в марте 2012 г. в Москве в ЦГАМО (Первые областные историко-краеведческие архивные чтения «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»). К 75-летию со дня образования Центрального государственного архива Московской области), вторая — в октябре того же года в Подольске (Вторые областные историко-краеведческие чтения «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»). К 200-летию Отечественной войны

1812 г.)¹ и третья — в октябре 2013 г. в Пушкино (в Мамонтовке) в Государственном архиве историко-политических документов Московской области (Третьи областные историко-краеведческие архивные чтения «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области». К 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского).

Конференция 2021 г. прошла в здании Института Наследия — уникальном памятнике XVII — начала XVIII в., средневековых палатах думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневке. Здесь находятся ЦКМК, а также РОПИК.

В историко-краеведческих исследованиях, как и вообще в любых гуманитарных научных исследованиях, основополагающую роль играют исторические источники, составляющие базу научного поиска. Значительная часть документального наследия, сосредоточенного в различных архивохранилищах Москвы и Подмосковья, так или иначе связана с проблемами истории и культуры и Московского региона, и в силу его «столичности» — других территорий страны. Работа с этими архивными материалами, введение их в научный оборот — важнейшее направление деятельности архивно-краеведческого сообщества. И подтверждением важности и актуальности этого направления являются три предшествующих архивно-краеведческих форума и введенный по их итогам в научный оборот и в круг краеведческой историографии солидный комплекс оригинальной

---

¹ Материалы первых двух Чтений изданы: Материалы Первых областных историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»: К 75-летию образования Центрального государственного архива Московской области. (Москва, 29 марта 2012 г.); Материалы Вторых историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»: К 200-летию Отечественной войны 1812 года (Подольск, 25 октября 2012 г.) / отв. ред. П. М. Петров, сост. А. Г. Смирнова. — М., 2013. — 240 с.

историко-культурной информации по Москве и Московской области.

Расширение географического диапазона научной тематики конференции по сравнению с форумами 2012–2013 г., включение в программу вопросов, касающихся роли архивных документов в крымоведческих исследованиях объясняется неизменным интересом научного сообщества к проблемам истории, культуры, богатейшего наследия Крыма, и вызванной этим необходимостью выявления, систематизации и изучения источников по теме, в первую очередь, хранящихся в архивах Московского региона. Одновременно проблемы крымоведения являются одним из главных направлений научных исследований ЦКМК Института Наследия, созданного в начале 2018 г. и ныне ставшего одним из известных научно-методических центров Москвы и страны в этой сфере, и основным содержанием работы РОПИК, воссозданного в 2011 г. и ныне работающего в тесном сотрудничестве с ЦКМК и на его базе.

Программа конференции состояла из двух тематических блоков: «Проблемы краеведения Московского региона в документах архивохранилищ Москвы и Подмосковья» и «Документы по истории и культурному наследию Крыма в фондах московских и подмосковных архивов». Всего прозвучало 19 докладов. Выступавшие представляли ЦКМК Института Наследия, ЦГАМО, МОАЦ, а также подразделения РАН, московские вузы и музеи.

В настоящий сборник включены материалы 14 докладов. Их авторы представляют Москву, Пушкино (Московская обл.) и Симферополь (Республика Крым). Статьи основаны на различного рода источниках, хранящихся в ЦГАМО, Центральном государственном архиве (ЦГА) г. Москвы, Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), в фондах музеев: Отделе письменных источников Государственного Исторического музея

(ОПИ ГИМ), Серпуховского историко-художественного музея (СИХМ), музея истории Главного военного клинического госпиталя имени Н. Н. Бурденко, историко-спортивного музея Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (РГУФКСиТ) и др.

По содержанию статьи сборника отражают основные направления современного научного краеведения и изучаемые в их рамках проблемы усадьбоведения, церковного краеведения (конкретно история и культурное наследие московского старообрядчества), истории музейного строительства в Москве и Подмосковье, изучения истории рода, научной реконструкции исторической топографии территорий, крымоведения (история Крыма, его отдельных территорий, памятников, биографий людей) и проч. Авторы включенных в сборник статей вводят в научный оборот значительный объем оригинальной информации по этой проблематике и одновременно характеризуют отдельные документы или их комплексы, находящиеся в московских и подмосковных архивохранилищах, с точки зрения их ценности в московедческих и крымведческих исследованиях.

Составители сборника надеются, что его материалы обогатят современную научно-краеведческую историографию и станут стимулом для продолжения и поступательного развития научного сотрудничества краеведческого и архивного сообществ Москвы и Подмосковья.

Редколлегия

Раздел I

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МОСКОВСКОГО КРАЯ

**Материалы по истории старообрядческих общин,
их храмов и моленных в первой трети XX в. в ЦГАМО
(в связи с подготовкой дополненного переиздания книги
«Москва старообрядческая»)**

История старообрядчества как важнейшей части русского православия сегодня все более привлекает внимание широкой общественности. Возрождение старообрядческой жизни, храмов и моленных староверов в последние три десятилетия вызвали появление значительного числа научных и научно-популярных работ по этой теме. Все чаще исследователи обращаются к первоисточникам, хранящимся в архивах и отделах рукописей библиотек. Наибольшее число современных трудов по староверию издается в Москве. Это не случайно, ибо Москва была и остается духовным центром отечественного староверия. В Москве в середине XVII в. началось народное сопротивление церковным реформам, зародилось то, что позже назовут старообрядчеством. Здесь в 1771 г. возникли 2 больших духовных центра — Рогожское и Преображенское кладбища, а за их пределами — многочисленные моленные. В канун октября 1917 г. в Москве насчитывалось около 50 храмов и моленных общественного и частного характера, принадлежавших основным согласиям старообрядчества — поповцам (Белокриницкой иерархии и неокружникам), беглопоповцам, беспоповцам (старопоморцам-федосеевцам, поморцам, филипповцам).

Если информации о дореволюционном старообрядчестве Москвы вполне достаточно в опубликованных источниках (в первую очередь, в периодике) для составления очерков по истории староверческих храмов и моленных, то совершенно иная ситуация с периодом гонений, особенно 1920—1930-х гг. Именно в этот катастрофический для старообрядчества период были закрыты почти

все его храмы, репрессированы почти все архиереи, священники, наставники. К началу Великой Отечественной войны в Москве действующими оставались лишь 3 храма, то есть по одному у основных согласий: поповцев Белокриницкой иерархии, беспоповцев-федосеевцев и беспоповцев-поморцев.

Собирая в начале 1990-х гг. материал о судьбах старообрядческих храмов для многотомника «Москва православная», автор столкнулся с почти полным отсутствием информации и печатных материалов об обстоятельствах, мотивах их ликвидации.

Лишь в архивах удалось обнаружить дела о регистрации в начале 1920-х гг. религиозных общин и о взятии ими храмов по договору с властями, а также материалы об их ликвидации¹. С того времени, то есть с начала 1990-х гг., в нескольких архивохранилищах Москвы были выявлены несколько десятков дел и комплексов материалов, позволяющих проследить с разной степенью полноты судьбу практически всех старообрядческих храмов и моленных. На основании систематизации этих материалов к концу 1990-х гг. автором был составлен и опубликован обширный аннотированный перечень (с указанием архивных источников) старообрядческих храмов, моленных, существовавших в первой трети XX в.² Были и другие касающиеся отдельных храмов и моленных публикации на эту тему с использованием архивных материалов.

В начале 2000-х гг. на основании печатных и неопубликованных источников был составлен значительный по объему труд «Москва старообрядческая: История. Культура. Святыни» (480 с.), который

---

¹ См. первую основанную на архивных источниках публикацию автора: Козлов В. Ф. Судьбы старообрядчества. 1920-е годы // Московский журнал. — 1992. — № 7. — С. 33–40; *Он же*. Судьбы старообрядчества. 1930-е годы // Там же. — № 9. — С. 36–40.

² Козлов В. Ф. Московское старообрядчество в первой трети XX в. (храмы, молельни, общественные организации и учреждения // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. Е. И. Юхименко. — М., 1999. — С. 190–239.

удалось опубликовать только в 2011 г. В этой книге среди прочего даны основанные на источниках очерки о большей части староверческих храмов и моленных столицы. Книга быстро разошлась, и по просьбе митрополита РПСЦ Корнилия (Титова) автором была подготовлена и в 2021 г. издана дополненная (на $\frac{1}{3}$ объема) и переработанная книга «Москва старообрядческая...»¹. Основу ее составляют описания Рогожского и Преображенского некрополей, а также собранные в отдельные главы исторические очерки о 39 наиболее крупных и известных старообрядческих храмах и моленных поповцев, беспоповцев и беглопоповцев (в первом издании «Москвы старообрядческой» таких очерков было 27).

Дореволюционная часть этих очерков написана, главным образом, на основе немногочисленных печатных работ (в первую очередь, публикаций в журнале «Церковь»), а послереволюционная часть — на базе материалов, хранящихся в трех архивах: ЦГАМО, ЦГА г. Москвы (ОХД после 1917 г.) и ГАРФ. Все эти материалы отложились в результате деятельности в 1920—1930-е гг. надзорных за религиозными организациями местных и центральных советских органов, в данной ситуации — подразделений Моссовета: административного и юридического отделов, а также Комиссии по делам культов при Мособлисполкоме, Секретариата ВЦИК и Постоянной комиссии по делам культов при этом Секретариате.

Наибольший по объему комплекс этих источников хранится в ЦГАМО и сосредоточен, главным образом, в фондах Моссовета (Ф. 66) и Административного отдела при Московском уездном исполнительном комитете (Ф. 65). В фонде 66 (Оп. 18) выявлено 12 дел, относящихся к различным сторонам деятельности 12 городских старообрядческих храмов, в том числе 8 поповских, 3 беспоповских, 1 беглопоповского. Прибавим к этому еще 5 дел о старообрядческих храмах и моленных, расположенных

---

¹ Козлов В. Ф. Москва старообрядческая: История. Духовные центры. Наследие. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М., 2021. — 656 с.

в 1920—1930-е гг. в Московском уезде, а ныне находящихся в границах Москвы. В последнем случае речь идет о делах 5 храмов и моленных в подмосковных селениях: Коломенском, Борисово, Новинках, Курьяново, Печатниках. Таким образом, в этих двух фондах (65 и 66) сосредоточены дела, касающиеся 17 староверческих храмов и моленных Москвы (в современных границах). Объем этих архивных единиц хранения сравнительно невелик — от 10—13 до 35—45 листов. Особняком стоит большое архивное дело (219 л.) о федосеевской общине и ее моленных Преображенского кладбища.

Названия архивных дел, данные еще в 1920-е гг. в делопроизводстве подразделений Моссовета, далеко не всегда соответствуют содержанию дела в целом, зачастую они относятся к отдельному документу. Так, в качестве типового названия 12 упомянутых дел использовано название, пожалуй, наиболее часто встречающегося типового документа — «Договора с группой верующих» о передаче им храма или имущества общины. Типографские экземпляры этих договоров находятся в большинстве дел — заключались они в первые годы советской власти между группой верующих храма или молитвенного дома и Моссоветом в лице отдела Юстиции и состояли из 13 пунктов. Верующие письменно обязывались «беречь» передаваемые им (по описи) церковные помещения и имущество. Часть пунктов договора закрепляла требования и политического характера, предъявляемые государством общине: верующие обязывались не допускать: «а) политических собраний враждебного Советской власти направления; б) раздачи или продажи книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против Советской власти или ее представителей; в) произнесения проповедей и речей, враждебных Советской власти, или ее отдельным представителям; г) совершения набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти, ввиду чего мы обязуемся подчиниться всем распоряжениям Местного Совдепа относительно распорядка пользования колокольнями»¹.

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 26. — Л. 9—9об.

Наиболее важная часть хранящихся в старообрядческих делах договоров — подписи лиц, заключивших этот договор с указанием Ф.И.О. и точного адреса проживания. Так, например, 26 чел. верующих храма апостола Матфея (ул. 1-я Мещанская, 43) 6 мая 1919 г. заключили договор с Моссоветом. По их подписям можно определить весь актив этой общины. Подписавшие договор проживали в основном в двух «кузнецовских» домах на 1-й Мещанской (№ 43 и 74). В доме № 43 как раз и находилась моленная апостола Матфея. Среди подписавших — ближайшие родственники известного старообрядца-предпринимателя Матвея Сидоровича Кузнецова — Александр Матвеевич, Николай Матвеевич, Николай Николаевич¹.

Подобные договоры имеются в большинстве старообрядческих дел. К договору обязательно прилагалась и опись церковного имущества — уникальный для историков старообрядчества документ. Так, например, в архивном деле по Екатерининской моленной Карасевых в Девкином пер. (ныне ул. Бауманская) хранится 6 описей и актов, касающихся церковного имущества самой моленной, а также предметов, переданных как в другие храмы, так и после закрытия моленной советским учреждениям. В главной описи подробно расписано около 190 икон, в том числе датируемых XVII в.² В описях некоторых храмов и актах с подробностями указаны иконы, стоящие на учете Комиссии по охране памятников. Так, например, в деле старопоморского Братского двора на Покровке (д. № 51)³ находится несколько описей моленных этого Двора. В Спасской моленной, по описи, находилось 11 икон XVI в. и 39 — XVII в. По описи второй, Казанской, моленной Братского двора, там находилось 5 икон XV—XVI вв. и 15 икон XVII в., а в третьей, Успенской, моленной — более 20 икон XV—XVI вв. Всего же

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 26. — Л. 3.

² Там же. — Д. 101. — Л. 3–5.

³ Там же. — Д. 135.

в моленных и других помещениях Братского двора было взято на учет 150 старинных церковных памятников¹. Моленные были закрыты к 1922 г., судьба уникальных икон неизвестна.

Еще больше памятников древнерусской живописи хранилось в многочисленных моленных Преображенского кладбища. В упомянутом архивном деле старопоморской общины этого известного духовного центра Москвы² сохранились описи икон, церковной утвари, книг и другого имущества всех 7 палатных моленных и главного Крестовоздвиженского храма. По описям, в них хранились многие сотни икон, в числе которых специалисты называли не менее двух сотен икон XV—XVII вв. Дело общины Преображенского кладбища — самое обширное и содержит еще множество различных документов: протоколы собраний общины, мандаты ревизоров Моссовета на обследование моленных, выписки из протокола заседания Бауманского райсовета (1922 г.) о закрытии части моленных, переписка общины с органами власти и т. д. В целом, эти виды документов также часто встречаются и в других делах о старообрядческих храмах.

Материалы упомянутого выше большого дела из ЦГАМО, а равно и другие документы о старообрядческих храмах восточных районов Москвы — Преображенского и Семеновского, тщательно изучены и частично опубликованы К. А. Смирновой³.

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 26. — Л. 2—11.

² Там же. — Д. 13 (1918—1923 гг.). — 219 л.

³ Смирнова К. А. Старообрядцы московского Преображенского кладбища. 1918—1923 гг. (по материалам ЦГАМО) // Мат-лы Первых областных ист.-краевед. архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»: К 75-летию образования Центрального государственного архива Московской области. (Москва, 29 марта 2012 г.); Мат-лы Вторых областных ист.-краевед. архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»: К 200-летию Отечественной войны 1812 года. (Подольск, 25 октября 2012 г.) / отв. ред. П. М. Петров. — М., 2013. — С. 54—64;

Важной составляющей частью старообрядческих дел ЦГАМО являются и прилагаемые к договору списки верующих. Они гораздо более обширны, чем списки подписавших договор. Так, в списке прихожан Преображенской старообрядческой общины числятся около 230 чел., в Тихвинской общине — 38 чел.¹ и в общине храма свв. Сергия и Вакха — 62 чел.² В большинстве дел есть документы, содержащие сведения о священнослужителях и наставниках храмов и общин с краткими их биографическими данными и адресами проживания, как, например, о настоятеле храма свв. Сергия и Вакха известном старообрядческом священнике Григории Карабиновиче³, священнике моленной св. апостола Матфея Прокопии Сорокине, священнике Тихвинского храма Ефимии

Она же. Московская Преображенская старообрядческая община в 1918–1919 гг. (документальное наследие из фондов Центрального государственного архива Московской области) // Вестник РГГУ. Научный журнал. — № 17. — М., 2014. (Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение»). — С. 199–224; *Она же.* Документы Центрального государственного архива Московской области о ликвидации моленных Преображенской старообрядческой общины в начале 1920-х гг. // Первые ист.-краевед. науч.-просвет. Преображенские Ковылинские чтения «Историческое, культурное и духовное наследие Преображенского» (Москва, 10 октября 2014 г.) / отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. — М., 2017. — С. 67–82; *Она же.* Православные центры бывшего села Преображенского (Москва) как объекты культурного наследия // Вестник РГГУ. Научный журнал. — № 10. — М., 2016 (Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»). — С. 60–84; *Она же.* Старообрядческие храмы и моленные в контексте православной жизни Преображенского (XVIII–XXI вв.) // Третьи Ковылинские Преображенские чтения (Москва, 28 октября 2021 г.). Сб. мат-лов / гл. ред. М. Б. Пашинин. — М., 2021. — С. 151–164; *Она же.* Православные памятники исторических территорий Москвы: Преображенского, Черкизово, Богородского, Семеновского и Благуши: аннотированный справочник. — М., 2021. — 248 с.

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 33. — Л. 21–23.

² Там же. — Д. 322. — Л. 1–9.

³ Там же. — Д. 33. — Л. 10.

Александрове. По последнему вообще в деле имеется подробная печатная «Анкета для служителей религиозного культа» из 23 вопросов¹. В деле общины старопоморцев-федосеевцев на Покровке есть «Список служителей культа Московского религиозного общества христиан старопоморского согласия», включающий 6 чел. с указанием должности и возраста: 1. Зимина Е. И. — настоятельница, 2. Турбина Е. М. — зам. настоятельницы, 3. Головина В. Т. — зам. настоятельницы, 4. Карасева Е. А. — уставщица, 5. Тишечкина В. А. — уставщица, 6. Ефимова М. — головщица².

За старообрядческими храмами и моленными городские власти в лице своих представителей — ревизоров, инспекторов, осуществляли строгий надзор. В делах сохранилось множество актов осмотра храмов и моленных с описанием недвижимого и движимого имущества, устройства моленных, иногда с характеристиками некоторых членов общин, упоминанием организаций и учреждений, ходатайствовавших о закрытии молитвенных зданий. Как правило, осмотр, а затем и ликвидацию храмов и моленных в первой половине 1920-х гг. производил по мандату Отдела управления Моссовета ревизор Кулешов, а вывоз ценного в историко-художественном отношении церковного имущества (в первую очередь, старинных икон) осуществлял по акту А. А. Глазунов. Самому акту закрытия храма или моленной предшествовала переписка. Разрешение на ликвидацию предварительно давали чиновники Адмотдела и Отдела управления Моссовета.

Ликвидация храмов — самый трагический момент в их истории, поэтому так важен каждый документ об их судьбе. Наиболее обеспечен архивными материалами процесс ликвидации части моленных на Преображенском кладбище. В упоминаемом большом деле Преображенской беспоповской общины хранится переписка 1922—1923 гг. Бауманского райсовета, Наркомюста, Юриче-

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 33. — Л. 29–29об.

² Там же. — Д. 338. — Л. 14.

ского отдела Моссовета, ВЦИК, общины старообрядцев о ликвидации части моленных и заселении их помещений инвалидами¹. В ЦГАМО в старообрядческих делах находятся отдельные документы о закрытии в 1923 г. храмов Петра и Павла в Шелопутинском пер. (выписка из протокола № 18 заседания Президиума Моссовета от 11 сентября 1923 г. о ликвидации этого храма и передаче его Губсоцстраху)², свв. Сергия и Вакха в Гжельском пер. (акт о ликвидации от 22 октября 1924 г. и жалоба верующих во ВЦИК)³, св. Сергия Радонежского по Измайловскому шоссе (акт о ликвидации от 17 апреля 1924 г.)⁴. Выписка из протокола Президиума Мособлсполкома от 23 марта 1933 г. о закрытии Покровского храма по Малому Гаврикову пер. хранится в одном из дел Московской областной комиссии по делам культов⁵.

Уникальны по своей информации находящиеся в фонде Московской областной комиссии по делам культов материалы о судьбах надгробных памятников Рогожского кладбища. Сохранилась небольшая переписка 1933–1934 гг. Пролетарского райсовета и похоронного ведомства Моссовета по вопросам «разрушения и хищения... беспорядочной реализации материалов... разбития памятников... бессистемного уничтожения памятников и могил...» на Рогожском кладбище⁶.

Укажем также на 2 небольших по объему, но также уникальных архивных дела, посвященных деятельности в 1925–1927 гг. «Музея старообрядческого быта при Рогожском кладбище»⁷. Этот небольшой музей стал создаваться в середине 1920-х гг.,

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 13. — Л. 143–184, 209–211.

² Там же. — Д. 196. — Л. 28.

³ Там же. — Д. 322. — Л. 19.

⁴ Там же. — Д. 331. — Л. 19.

⁵ Там же. — Ф. 4570. — Оп. 1. — Д. 32. — Л. 15–18.

⁶ Там же. — Д. 56, 188, 194.

⁷ Там же. — Ф. 966 (МОНО). — Оп. 4. — Д. 1036, 1052.

занимал помещение под колокольной, где ранее размещалась библиотека. Находился музей в ведении Губмузея, подчинявшегося Московскому отделу народного образования. Его ликвидировали в конце 1927 г.

Завершая обзор материалов ЦГАМО по теме, укажем на хранящиеся в фонде 65 несколько небольших по объему дел, содержащих сведения о старообрядческих храмах и моленных. В этих делах есть разрозненные материалы, относящиеся к деятельности религиозных общин староверов в подмосковных селениях Коломенском¹, Новинках², Печатниках³, Курьянове⁴, Борисове⁵, ныне входящих в состав Москвы.

Во многом благодаря документам ЦГАМО удалось ликвидировать «белые пятна» в истории многих старообрядческих храмов и значительно дополнить очерки о них в упоминаемой книге «Москва старообрядческая».

Необходимо отметить, что к сожалению, в свое время при формировании архивной сети и распределении фондов по архивохранилищам Московского региона материалы Моссовета, в том числе Административного отдела, были искусственно разделены, и часть дел по церковной тематике оказалась в городском государственном архиве (в разные годы последовательно назывался: ЦИАМ, ЦГАОРиСС, ЦАГМ и ныне — ЦГА г. Москвы. ОХД после 1917 г.) в фонде 1215 (Административный отдел Моссовета). Здесь сосредоточены дела 1918—1930 гг., относящиеся к истории Рогожского кладбища, храмов и моленных: Введения на М. Андроньевской, Введения на ул. Генеральной, Введения на ул. 2-й Брестской, Воскресения Христова и Покрова в Токмаковом пер., Покрова на

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 65. — Оп. 1. — Д. 240.

² Там же. — Д. 122.

³ Там же. — Д. 242.

⁴ Там же. — Д. 241.

⁵ Там же. — Д. 114.

ул. Новокузнецкой, Казанской иконы Божией Матери на ул. Лужнецкой, Тихвинской иконы Божией Матери на ул. Хавской.

Небольшой комплекс дел за 1933—1935 гг., связанный с закрытием последних действующих старообрядческих московских храмов: Николы в Лефортовском пер., Николы в Гавриковом пер., Покровского Каринкинского в Факельном пер., Успения на Апухтинке и Успенской моленной на Преображенском кладбище, находится в ГАРФ в фонде Постоянной комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИК (Ф. 5263). Материалы ЦГА г. Москвы и ГАРФ позволили информативно расширить очерки по отдельным храмам и моленным при подготовке переиздания книги «Москва старообрядческая» и в целом существенно дополняют картину гонений на московское старообрядчество в первые десятилетия советской власти.

**Документы по регистрации старообрядческих общин Москвы
в 1906–1910-х гг. из фондов ЦГА г. Москвы как источник
историко-биографических сведений о московском
старообрядчестве**

История и культура старообрядчества, в частности, московского уже давно привлекает внимание исследователей. Современная историография пополняется различными работами (статьями, монографиями, справочными изданиями), посвященными как отдельным центрам старообрядчества, персоналиям или старообрядческим династиям, так и в целом культурному наследию московских старообрядцев как особому феномену в истории России и Москвы¹. Первый

---

¹ См., например: *Горячева Т. Д.* Материалы по истории московской Рогожской старообрядческой общины (Обзор фонда 246 Отдела рукописей РГБ) // Мир старообрядчества. — М., 1995; Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов : опыт родословия / сост. Н. Филаткина, М. Дроздов. — М., 1995; *Иванова Л. В.* Топография владений Морозовых в Москве // Труды Первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России». — Ногинск, 1996; Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря / сост. С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. — М., 1996; *Петров Ю. А.* Династия Рябушинских. — М., 1997; *Агеева Е. А.* Староверы предприниматели Кузнецовы в контексте русской жизни второй половины XIX — начала XX в. // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). — Вып. 3. — М., 2004; Старообрядчество. Иллюстрированная энциклопедия. — Изд. 2-е, испр. и доп. / координатор проекта иерей Алексей Лопатин. — М., 2005; *Юхименко Е. М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставой. — М., 2005; *Она же.* Рахмановы : купцы-старообрядцы, благотворители и коллекционеры. — М., 2013; *Горшкова Е. Л.* Матвей Сидорович Кузнецов — почетный гражданин Москвы. — М., 2006; *Трындин Е. Н., Морозова С. Г.* Трындины. О представителях этой известной московской купеческой фамилии (конец XVIII — начало XX века) // Московский журнал. — 2010. — № 3; *Баутдинов Г. А.* Морозовы — предприниматели и благотворители. — М., 2017; *Смирнова К. А.* Православные памятники исторических территорий Москвы : Преображенского, Черкизова, Богородского, Семеновского и Благуши : аннотированный справочник. — М., 2021 и др.

и пока единственный опыт комплексного историко-краеведческого исследования наследия московских староверов в таком ракурсе принадлежит В. Ф. Козлову, чьи работы основаны на широком привлечении архивных материалов, многие из которых введены им в научный оборот впервые¹.

В 2021 г. в Центре краеведения, москвоведения и крымоведе-ния Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва была начата разработка научной темы «Культурное наследие московского старообрядчества (XVIII–XXI вв.)», имеющая целью подготовку базы данных (научного справочно-информационного контента) по сохранившимся и утраченным объектам культурного наследия основных направлений старообрядчества (поповства, беспоповства, беглопоповства) и их главных центров в границах современной Москвы (то есть, включая исторические территории Московского уезда). База данных будет содержать информацию о старообрядческих храмах, моленных, социальных учреждениях, а также и о памятниках и/или местах, где находились ныне утраченные памятники, связанных с персоналиями старообрядческих деятелей: духовенства, благотворителей, наиболее известных прихожан. Отметим, что задача локализации в современной городской историко-культурной среде объектов, связанных не только с наиболее известными представителями старообрядчества, но и с членами старообрядческих общин, ставится впервые.

Одним из самых ярких и плодотворных периодов в истории московского староверия стали полтора десятка лет в начале XX в.

---

¹ Козлов В. Ф. Московское старообрядчество в первой трети XX в. (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). — М., 1999; *Он же*. Московское старообрядчество. Духовные центры, храмы, моленные, некрополи. — М., 2008; *Он же*. Москва старообрядческая. История. Культура. Святыни. — М., 2011; *Он же*. Москва старообрядческая : История. Духовные центры. Наследие. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М., 2021.

после дарования свобод, включая свободу вероисповедания. Уже Указ 17 апреля 1905 г. принципиально изменил и облегчил положение старообрядцев (именно это наименование было узаконено вместо прежнего «раскольники»), возвестил о столь долгожданном разрешении распечатать алтари храмов Рогожского кладбища. Затем уже в полной мере права старообрядцев, как и других вероисповеданий, были закреплены дарованием свободы совести Манифестом императора Николая II 17 октября 1905 г. Ровно через год, 17 октября 1906 г., был издан еще один Указ — «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов», узаконивший церковно-общественную организацию старообрядческого сообщества и положивший начало процессу создания старообрядческих общин с юридическим статусом, чья деятельность в последующие годы продемонстрировала богатейший духовный и социально-культурный потенциал староверия. В Москве с 1908 по 1915 г., по подсчетам В. Ф. Козлова, назвавшего эти годы «“золотым” периодом расцвета староверия»¹, было освящено «15 новых храмовых зданий (11 — Белокриницкой иерархии, 2 — беспоповцев, 2 — беглопоповцев)»².

В Центральном государственном архиве (ЦГА) г. Москвы в Отделе хранения документов (ОХД) до 1917 г. в фонде 54 Московского губернского правления (1775—1917 гг.) отложился целый комплекс документов, связанных с государственной регистрацией вновь образующихся старообрядческих общин. Здесь сформированы отдельные дела по каждой зарегистрированной общине, которые включают типовые документы: заявления, прошения, уведомления, протоколы и выписки из протоколов общих собраний старообрядцев, документы Московского губернского правления (входящие

¹ Козлов В. Ф. Москва старообрядческая... — 2021. — С. 30.

² Там же. — С. 227.

и исходящие), списки членов общин, паспортные книжки духовенства и проч. Часть документов выполнена машинописным способом, иногда с рукописными фрагментами, есть документы (заявления, протоколы) полностью рукописные, большинство документов содержат рукописные автографы (нередко развернутого характера — полностью имя, отчество, фамилия, часто с указанием сословной принадлежности и адреса). И машинописные, и рукописные тексты есть и подлинные, и копийные.

Помимо того, что эти источники дают разнообразную информацию об истории самих старообрядческих обществ, об их храмах и моленных, они еще в очень значительной степени интересны, как с точки зрения сведений о персональном составе общин и их руководящих органов, о духовенстве, так и в смысле характеристики социального статуса членов общин, установления мест их проживания, точных адресов и т. д. Постараемся охарактеризовать именно эту информационную составляющую указанного документального комплекса.

Обратимся к документам отдельных общин старообрядцев Белокриницкой иерархии (поповцев), в частности: Замоскворецкой, Свято-Никольской, Николо-Смоленской, Успенской и общины Рогожского кладбища, а также в Московском уезде — общин Казанской (д. Новинки) и Троицкой (с. Борисово), и к учредительным документам беглопоповцев — Никольско-Рогожской общины, и беспоповцев — Московской общины христиан древле-православно-кафолического исповедания старопоморского благочестия¹.

---

¹ Эти архивные комплексы подробно изучал В. Ф. Козлов при написании книги «Москва старообрядческая» (2011, 2021 гг.), и значительная часть информации введена им в научный оборот. Однако формат и задачи монографического исследования не предполагают включения в текст подробных справочных сведений, содержащихся в документах, обо всех (или многих) персоналиях. Подобную задачу может ставить перед собой лишь соответствующее научно-справочное издание.

Прежде всего, ценную информацию содержат заявления и прошения старообрядцев (они отложились в делах всех старообрядческих общин), адресованные Московскому губернскому правлению на предмет регистрации общины. В этих документах излагаются основные сведения о юридических основаниях образования общины, о побудительных мотивах, об общем собрании, принявшем соответствующее решение (время его проведения, участники, повестка дня и т. д.), о задачах и важнейших направлениях деятельности старообрядческого общества, а также, что наиболее ценно для нас, сообщается информация о моленных и храмах, существующих и предполагающихся к постройке, об избранных священниках-настоятелях; к документам прилагаются списки членов вновь образуемой общины, часто с подробными адресами и указанием рода занятий или принадлежности к тому или иному социальному слою.

В качестве одного из примеров приведем сведения о Замоскворецкой общине старообрядцев Белокриницкой иерархии, в числе первых официально оформившей свой юридический статус согласно новому законодательству¹. Официальное название религиозного общества — «Замоскворецкая старообрядческая община в г. Москве». Устав общины был утвержден 27 июля 1906 г. Учредительное собрание состоялось 8 октября того же года, а в декабре в Московское губернское правление поступило Прошение разрешить «учреждение настоящей общины, зарегистрировать таковую, принять к сведению заявление... об избрании совета и ревизионного органа и выдать о том надлежащее удостоверение». В Прошении сообщается о наличии молитвенного дома, который находился «временно в Пятницкой части, 2 участка, по Лужницкой улице, в доме Полежаевой». Также указывается, что вновь образуемая община

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 2. Об учреждении Замоскворецкой старообрядческой общины в г. Москве (1907–1914 гг.) (далее, поскольку речь идет только об одном архивохранилище и об одном архивном фонде, эти повторяющиеся сведения в ссылках опускаются).

будет распространять свою деятельность на район, включающий «берег реки Москвы от Андреевской Богадельни (Серпуховской части) до конца Даниловской слободы, от этой слободы по Камер-Коллежскому валу до Калужской заставы и Андреевскому проезду до первоначального пункта реки Москвы»¹.

Из Прощения, а также прилагающегося Протокола общего собрания², состоявшегося в доме Волковой в 5-м Монетчиковом пер. (Пятницкая часть)³, можно узнать, что в Совет общины были избраны сроком на 3 года «клинский купец Гавриил Васильевич Конюков с назначением его церковным старостою и казначеем по молитвенному дому, московский купеческий сын Николай Сергеевич Мусорин и боровский купеческий сын Георгий Петрович Полежаев, с назначением их попечителями молитвенного дома», были избраны также 2 кандидата в Совет: личный почетный гражданин Иван Дмитриевич Бочаров, потомственный почетный гражданин Сергей Тарасович Соловьев. Членами ревизионной комиссии стали 2 московских мещанина и московский купец Василий Дмитриевич Александров⁴. Настоятелем храма избрали Михаила Мироновича Волкова («50 лет, происходящего из крестьян Ярославской губернии и уезда, Путятинской волости, деревни Подосинки»)⁵, к тому времени уже исполнявшего церковное богослужение у членов этого общества.

В Прощении содержатся рукописные автографы всех 18 участников первого общего собрания общины, которые дополняют круг информации о подписантах (указан возраст, место жительства — в основном это адреса Якиманской и Пятницкой полицейских частей Москвы). Из присутствовавших на собрании староверов к ку-

---

¹ Оп. 104. — Д. 2. — Л. 1об.

² Там же. — Л. 10–10об.

³ Там же. — Л. 9.

⁴ Там же. — Л. 1, 10об.

⁵ Там же. — Л. 1–1об.

печескому сословию принадлежали уже упомянутые Г. В. Конюков, Н. С. Мусорин, Г. П. Полежаев, В. Д. Александров — все они проживали в собственных домах в Замоскворечье, в Пятницкой и Якиманской частях (указан полный адрес), среди членов общины были также потомственные почетные граждане, мещане, крестьяне.

Сведения о купцах — членах Замоскворецкой старообрядческой общины, можно также почерпнуть из имеющегося в деле «Списка членов Замоскворецкого старообрядческого общества, удовлетворяющих условиям, означенным в § 9 Устава»¹ и в «Списке лиц, входящих в состав Совета и ревизионного органа Замоскворецкого старообрядческого общества, переименованного в Замоскворецкую старообрядческую общину»². О священнике М. М. Волкове персональная информация дополняется также сведениями из его паспортных книжек 1904 г.³ и 1907 г.⁴, отложившихся в архивном деле. А об избрании общиной нового диакона в 1914 г. свидетельствует «Выписка из протокола годичного собрания Замоскворецкой старообрядческой общины, бывшего 2 марта 1914 г. в квартире Ивана Евдокимовича Смирнова», где присутствовали 32 члена общины⁵. В документе сообщается об избрании диакона Сергея Прохорова Пронина и о необходимости его официальной регистрации в этом качестве. Здесь же прилагается копия его паспортной книжки 1912 г., из которой узнаем, что диакон был родом из Дулево Покровского уезда Владимирской губернии, происходил из крестьянской среды и до Замоскворецкой общины был диаконом Дулевской старообрядческой общины. С. П. Пронин был женат, и в 1912 г. ему было 26 лет⁶.

---

¹ Оп. 104. — Д. 2. — Л. 5–6об.

² Там же. — Л. 7–7об.

³ Там же. — Л. 56–57.

⁴ Там же. — Л. 77–78.

⁵ Там же. — Л. 152.

⁶ Там же. — Л. 153.

Бланки документов общины содержат адрес местопребывания Совета общины — «Пятницкая, Мал. Болвановский пер., д. Кониюкова».

Выписки из протоколов собраний, заявления в Московское губернское правление, отложившиеся в архивном деле, дают возможность проследить персональный состав руководящего органа общины вплоть до 1916—1919 гг. (выборы проходили раз в трехлетие) и, соответственно, выявить данные о местожительстве, в отдельных случаях о профессиональном образовании членов Совета (так, например, из документов 1913 и 1916 гг. узнаем, что избранный товарищем председателя Замоскворецкой старообрядческой общины личный почетный гражданин, московский купец Владимир Петрович Мусорин был инженером-механиком и имел звание кандидата коммерции¹).

Комплекс архивных документов, связанный со следующей по времени образования Свято-Никольской старообрядческой общиной «старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, но не приемлющих Окружного послания»² (неокружников), также содержит немало важных для нас сведений по истории общины и персональных данных ее членов. Прошение в Московское губернское правление о регистрации общины было подано 24 ноября 1906 г. (за 67-ю подписями — автографы), а разрешение на регистрацию было получено 21 декабря того же года. Среди подписавших прошение об учреждении общины абсолютное большинство составляли крестьяне (все они имели место жительства в Москве, в том числе в собственных домах), представителями купеческой корпорации были московский купец Михаил Иванович Щукин и московский купеческий сын Николай Николаевич Яковлев, отметим также подпи-

---

¹ Оп. 104. — Д. 2. — Л. 106, 158.

² Там же. — Д. 27. Об учреждении Свято-Никольской старообрядческой общины в г. Москве (1907—1917 гг.).

си лиц духовного звания — священника протоиерея Иоанна Селезнева, священно-архидиакона Феодора Осетрова и причетника Никона Трифонова Демина¹. Согласно представленным в Московское губернское правление сведениям, Свято-Никольская старообрядческая община распространяла свою деятельность на «г. Москву и Московскую губернию в частях большинства ея уездов»². Первое общее собрание учрежденной общины прошло 21 января 1907 г., на нем присутствовали 43 чел.³

Так же как и в архивных документах Замоскворецкой старообрядческой общины, в деле Свято-Никольской общины содержатся сведения о храме во имя Святителя Николы Чудотворца Мирликийского (он находился «в доме общества I уч. Басманной части, по Лефортовскому переулку под № 8»⁴; в деле сохранились документы с информацией о пожертвовании московской мещанкой Пелагеей Васильевной Стрельцовой земельного участка для строительства нового храма, о его постройке и т. д.), о священнослужителях (в деле есть паспортная книжка от 1908 г. священно-протоиерея, настоятеля храма Свято-Никольской общины Иоанна Афанасьевича Селезнева, 1870 года рождения⁵, полицейский протокол со стандартными сведениями о священнике⁶ и др.), о местожительстве членов общины. Кстати, по поводу последнего можно констатировать, что география расселения в Москве Свято-Никольского общества неокружников была широка. Так, в адресных сведениях указаны полицейские части Москвы, как непосредственно связанные с местоположением храма, так и весьма отдаленные от него: Басманная, Лефортовская, Пятницкая, Рогожская, Сретенская, Сущевская,

---

¹ Оп. 104. — Д. 27. — Л. 1.

² Там же. — Л. 3.

³ Там же. — Л. 17–18.

⁴ Там же. — Л. 17.

⁵ Там же. — Л. 185–186.

⁶ Там же. — Л. 41.

Яузская, Мещанская, Арбатская, Пресненская, Тверская, а также ряд волостей Московского уезда.

В протоколах общих собраний и в заявлениях, поданных в Московское губернское правление, зафиксированы результаты выборов в руководящий орган общины. Так, например, на втором общем собрании, состоявшемся в январе 1907 г., в члены Совета были избраны: подполковник Федор Егорович Колонтаев (председатель Совета), М. И. Щукин (товарищ председателя), Г. Ф. Куделин (казначей), С. С. Гаврилов (заведующий имуществом общины), К. И. Сорокин (церковный староста), О. П. Зарядин (помощник церковного старосты)¹. 2 июня 1907 г. вместо отказавшегося от должности председателя совета полковника Ф. Е. Колонтаева председателем стал московский 2-й гильдии купец М. И. Щукин².

Сведения о благотворителях Свято-Никольской общины также содержатся в протоколах общих собраний. Так узнаем, что, «принимая во внимание неусыпные заботы и щедрые пожертвования членов общины: Пелагии Васильевны и Алексея Федоровича Стрельцовых на благо и процветание как храма, так и всего... общества», члены общины единогласно постановили «усиленно просить Пелагею Васильевну и Алексея Федоровича Стрельцовых принять в знак глубокого уважения от всего общества звание “Почетных членов”» пожизненно³.

Крупнейшей общиной староверов, зарегистрированной Московским губернским правлением 25 января 1907 г., была Московская старообрядческая община Рогожского кладбища, подавшая прошение о регистрации в декабре 1906 г. (Протокол общего собрания выборных и кандидатов от прихожан Рогожского богаделенного дома и кладбища в г. Москве от 17 декабря)⁴. Положительное решение

---

¹ Оп. 104. — Д. 27. — Л. 19–19об.

² Там же. — Л. 48.

³ Там же. — Л. 17об.

⁴ Оп. 177. — Д. 2580. — Л. 8.

о регистрации общины было принято 25 января 1907 г.¹, а первое общее собрание состоялось 1 апреля 1907 г.² Большой интерес для нас представляет многостраничный список учредителей общины³, содержащий полные имена, звания, адреса и личные подписи 117 членов-учредителей. Среди них встречаем имена многих известных деятелей из среды старообрядцев Белокриницкой иерархии, как, например: пот. поч. гражданина И. Д. Морозова (Яузский б-р, д. Рифарт), коммерции советника М. С. Кузнецова (ул. Мещанская, собственный дом (далее — с. д.)) и его сыновей — пот. поч. граждан Н. М., А. М., С. М., Г. М. Кузнецовых (адрес тот же), московского купца А. Ф. Свешникова (ул. Ново-Благословенная, с. д.), московского купеческого сына Н. С. Мусорина (ул. Кузнецкая, с. д.), пот. поч. граждан Н. П. и Д. П. Варыхановых (Садовники, с. д.), пот. поч. гражданина С. Т. Соловьева (Б. Якиманка, д. Дмитриевой), московского купца П. Ф. Бобкова и московского купеческого сына С. П. Бобкова (ул. Солянка, с. д.), московского купца Д. И. Баулина (Дурной пер., с. д.), пот. поч. гражданина И. К. Рахманова (ул. М. Дмитровка, с. д.), приват-доцента Императорского Московского университета Г. К. Рахманова (ул. Покровская, с. д.), пот. поч. гражданина П. Е. Трындына (ул. Б. Лубянка, с. д.), коммерции советника С. Е. Трындына (Хамовники, с. д.), пот. поч. гражданина А. Ф. Ныркова (Милютинский пер., д. Флеевых), клинского купца Г. В. Конюкова (ул. Кузнецкая, с. д.), пот. поч. гражданина П. О. Трегубова (Госпитальный пер., с. д.), пот. поч. граждан С. П. и П. П. Рябушинских (ул. М. Никитская, с. д.; Пречистенский б-р, с. д. — соответственно), московского купца И. А. Пуговкина (ул. Семеновская, с. д.), крестьянина М. И. Бриллиантова (Рогожская застава, с. д.) и др. Даже это, далеко не полное, перечисление сведений об учредителях Общины

¹ Оп. 177. — Д. 2580. — Л. 17.

² Там же. — Л. 31.

³ Там же. — Л. 2–7об.

Рогожского кладбища позволяет понять, насколько широка была география их московских адресов, сколь представительен состав по социальному (велика доля потомственных почетных граждан, купцов, есть также личные почетные граждане, мещане и значительное число крестьян) и имущественному положению. Добавим, что учредители также представляли и Подмоскovie: Павловский Посад, Бронницы, Богородский уезд, Клинский уезд (Солнечногорская волость), Московский уезд — волости Нагатинская, Выхинская (д. Ново-Андроновка), д. Граворнова, Батюнино, Перервинская слобода, Люберцы, Новинки, с. Царицыно, станция Кучино и др.

Заявление в Московское губернское правление от 12 апреля 1907 г. содержит сведения о составе Совета Общины: М. С. Кузнецов (председатель), А. И. Морозов (товарищ председателя), П. П. Рябушинский (товарищ председателя), И. А. Пуговкин (казначей), И. П. Трегубов (староста храмов), С. П. Рябушинский («блюститель всех благотворительных учреждений»). В Совет также входили члены: священник Е. Т. Мелехин, С. М. Кузнецов, Н. С. Мусорин, Г. К. Рахманов, С. Е. Трындин, П. С. Расторгуев, Н. М. Кузнецов, Н. М. Мусорин, Н. Т. Кацепов, Е. Т. Малышев, А. М. Кузнецов, П. О. Трегубов, А. Ф. Нырков, С. Т. Соловьев, И. К. Рахманов, М. И. Бриллиантов, Н. П. Расторгуев, Н. П. Варыханов, Г. В. Конюков, Я. М. Филатов, Г. М. Кузнецов, С. А. Морозов, П. А. Морозов, Ф. Е. Мельников, Ф. В. Татарников, П. В. Федотов, Г. А. Антонов, П. В. Иванов, И. Д. Морозов, К. А. Птицын, А. Ф. Свешников, Д. П. Варыханов, П. А. Птицын, Н. П. Рыбаков¹.

Нетрудно заметить, что многие из поименованных в списке учредителей Общины Рогожского кладбища, одновременно были учредителями, руководителями или активными деятелями других московских старообрядческих общин Белоокриницкой иерархии.

¹ Оп. 177. — Д. 2580. — С. 31.

Архивное дело Рогожской общины отличается от прочих тем, что в нем содержатся сведения по другим московским общинам (что объясняется положением вновь созданной Общины, преемственно, как в предшествующие периоды и Рогожское кладбище (Рогожский богаделенный дом), являвшейся духовным, административным центром московского старообрядчества Белокриницкой иерархии). Приведем сведения о московских общинах староверов и их численном составе, собранные к марту 1910 г.: «Из бывшего Рогожского старообрядческого кладбища возникло восемь общин, зарегистрированных губ. пр[авле]нием: ...1) Введенская, по записям и фактически состоящая из 78 человек; 2) Замоскворецкая — 63 человека; 3) Каринкинская — 85 человек; 4) Покровско-Успенская — 89 чел. / прихожан около 500 ч.; 5) Остоженская — 86 человек / изъявили желание вступить в члены общины с 1910 г. 12 человек; 6) Сергиево-Вакховская — 56 человек; 7) Тверская — 81 чел. и 8) Успенская 53 чел. / прихожан 300 ч.»¹. Эту информацию дополняют списки членов старообрядческих общин (того же времени): Остоженской², Замоскворецкой³.

Представляют интерес «Список паспортов духовенства», где содержатся сведения о духовных лицах Общины Рогожского кладбища⁴, а также и сами паспортные книжки. Приглашение новых священников на Рогожское кладбище зафиксировано постановлениями общих собраний, в документах приводятся и сведения, связанные с духовным служением этих лиц⁵. Информация личного биографического характера, в том числе и о членах семей священнослужителей, есть в заявлениях, поданных ими для получения паспортных книжек.

---

¹ Оп. 177. — Д. 2580. — Л. 217.

² Там же. — Л. 207.

³ Там же. — Л. 210–212.

⁴ Там же. — Л. 59.

⁵ См., например: Там же. — Л. 459.

Сохранились списки членов Совета и кандидатов Старообрядческой общины Рогожского кладбища, относящиеся к разным периодам: 1910 г., 1913 г., 1916 г.¹

Примерно тот же набор документов со сходной информацией отложился и в других делах фонда, связанных с регистрацией московских и подмосковных старообрядческих общин Белокрыницкой иерархии: Успенской старообрядческой общины в Рыкуновом пер. в Москве² (решение о регистрации общины Московское губернское правление приняло на заседании 21 декабря 1907 г.³); Казанской старообрядческой общины в д. Новинки⁴ (Нагатинская волость Московского уезда), зарегистрированной 4 августа 1909 г.⁵ и распространившей свою деятельность на деревни, села и слободы Нататинской и Царицынской волостей⁶; Троицкой старообрядческой общины⁷ в с. Борисово (Царицынская волость Московского уезда), зарегистрированной 13 января 1912 г. и имевшей приход в ряде селений тех же волостей (Нататинской и Царицынской) и др.

Отметим также дело об учреждении Никольско-Рогожской старообрядческой общины в Москве⁸, представлявшей белгородское направление в староверии («старейшее согласие древлеправославных христиан старообрядцев, приемлющих священство, переходящее от Великороссийской церкви»⁹; ныне — Русская Древлеправославная Церковь). Как следует из заявления, поданного для регистрации общины, она состояла из лиц,

---

¹ Оп. 177. — Д. 2580. — Л. 218–218об.; 448–448об.; 681–681об.

² Там же. — Д. 3006.

³ Там же. — Л. 7.

⁴ Там же. — Д. 3146.

⁵ Там же. — Л. 11.

⁶ Там же. — Л. 9.

⁷ Там же. — Д. 3142.

⁸ Оп. 105. — Д. 10.

⁹ Там же. — Л. 1.

«жительствовавших в г. Москве и Московском уезде в селах: Коломенском и Дьякове, деревнях: Нагатине, Кожухове, Печатникове, Батюнине, Садовниках и Хохловке»¹. Зарегистрирована Никольско-Рогожская община была 7 марта 1908 г.², а первое общее собрание ее членов состоялось 27 апреля того же года³. Община объединяла разные социальные слои: купцы, мещане, крестьяне (в том числе Пензенской, Владимирской, Тамбовской, Смоленской губерний, г. Нижнего Новгорода). Указанные в документах адреса проживания относятся к Рогожской, Пречистенской, Лефортовской, Мясницкой, Таганской, Мещанской, Сретенской и другим частям Москвы, местностям Черкизову, Благуше, Кожевникам, за Дорогомиловской заставой, Петровскому парку и проч. Упоминаются Собачья площадка, улицы Мясницкая, Покровка, Пречистенка, Трубная, Малая Грузинская, Большая Серпуховская, 2-я Рогожская, Огородная, Красносельская, Сокольничья, Суворовская, Ирининская, Посланников пер. и др.⁴

В документах сохранились сведения о священниках Никольско-Рогожской общины: о Андрее Михайловиче Дмитриевском (в документах сообщается, что он проживал на ул. Гороховой в доме Болдырева⁵), о Максиме Матвеевиче Гореве (63 лет, грамотном⁶, проживавшем на ул. Ирининской при фабрике Ясашнова⁷; †1910⁸), о Александре Васильевиче Ковалевском (избран 23 августа 1909 г.)⁹.

---

¹ Оп. 105. — Д. 10. — Л. 1.

² Там же. — Л. 6, 7.

³ Там же. — Л. 9.

⁴ Там же. — Л. 1–3об.

⁵ Там же. — Л. 9, 15, 16.

⁶ Там же. — Л. 18.

⁷ Там же. — Л. 9. Михаил Федорович Ясашнов, московский купец, был председателем Никольско-Рогожской общины.

⁸ Там же. — Л. 59.

⁹ Там же. — Л. 48.

Архивные материалы позволяют проследить адреса, по которым в разное время располагался Совет Никольско-Рогожской общины (они указаны на типовых бланках общины и упоминаются непосредственно в текстах документов). Так, 15 сентября 1908 г. Московское губернское правление сообщало, что Никольско-Рогожская община находится по адресу: ул. Воронья, дом наследников Худяковых¹, на бланке Совета общины (документ от 20 сентября того же 1908 г.) указан другой адрес: Девкин пер., дом Тарасова №21, кв. 8²; на заявлении Совета общины в Московское губернское правление от 22 июня 1910 г. на бланке зачеркнут адрес: ул. Покровка, д. 40, кв. 1, и от руки подписан другой адрес: угол 3-й Рогожской и Малой Андроньевской улиц, собственный дом³, в других документах уточняется номер дома — 20–21 (или 20), а также он обозначается как дом «б[ывший]. Карасева»⁴; с 1912 г. этот адрес уже официально указывается на бланках (ул. 3-я Рогожская, д. 20).

Документы также свидетельствуют о результатах выборов руководителей и членов Совета Никольско-Рогожской общины вплоть до трехлетия 1914–1917 гг.

Для полноты картины в рамках интересующей нас проблемы охарактеризуем также большое дело, сформированное из документов старообрядцев-беспоповцев — «Об учреждении Московской общины христиан древле-православно-кафолического исповедания»⁵. 11 марта 1907 г. общим собранием «прихожан храма при Преображенском богаделенном доме в Москве» было единогласно принято решение: «1) Общину утвердить для г. Москвы и Московского уезда. 2) Приходским храмом сделать соборную Крестовоздвиженскую (церковь — А. С.). 3) Признать за общиной наимено-

---

¹ Оп. 105. — Д. 10. — Л. 19.

² Там же. — Л. 20.

³ Там же. — Л. 42.

⁴ Там же. — Л. 41.

⁵ Оп. 104. — Д. 32.

вание, означенное в вопросе 3-м (Московская община христиан древле-православно-кафолического исповедания старопоморского благочестия — А. С.)...»¹.

Заявление об учреждении Общины подписал 151 чел.², в том числе уполномоченные: московский купец Владимир Иванов Ананьин (живущий на ул. Б. Семеновской в собственном доме), крестьянин Григорий Егорович Смирнов (живущий на ул. Пименовской в доме Кузьмина) и московский купец Николай Константинович Сухов (живущий во 2-м участке Хамовнической части). Московская топография членов Общины такова: Хамовническая, Сретенская, Лефортовская, Яузская, Тверская, Мещанская, Рогожская, Сушевская части и др.; значительная часть адресов связана с Черкизовым, Богородским, Преображенским, Благушей, Новой Андроновкой. Даны адреса по улицам: Б. Алексеевской, 1-й Петровской, Б. Никитской, 3-й Тверской-Ямской, Боженинова, Семеновской (Таганка), Старой Басманной, Каретной-Садовой, Петровке, Гончарной, Остоженке, Дангаузеровской, Б. Дворянской, Кузнецкой, Б. Татарской (Руновский пер.), Девятой роте, Суворовской, у Рогожской заставы, на Введенской пл., по переулкам Введенскому (Покровка), Фурмановому, 2-му Волхонскому (Самотека), у Немецкого рынка, по Покровскому бульвару, у Покровских ворот, Петровских ворот, на Раушской наб., Краснохолмской наб., Щипке и др.

31 марта 1907 г. Московское губернское правление приняло решение и 4 апреля зарегистрировало Московскую общину христиан древле-православно-кафолического исповедания старопоморского благочестия. Но, спустя полгода, на общем собрании Общины, состоявшемся 7 октября, было принято решение изменить ее название, о чем и было подано соответствующее ходатайство в Московское губернское правление. В результате решением регистрирующего органа

---

¹ Оп. 104. — Д. 32. — Л. 8—8об.

² Там же. — Л. 1—6.

от 10 ноября 1907 г. в реестр было внесено новое название — Московская община христиан древле-православно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского согласия¹.

На первом общем собрании Общины, состоявшемся 8 апреля 1907 г., помимо прочего, были проведены выборы настоятеля — им по единогласному решению стал С. Е. Грузинцев (из с. Кодомки Воскресенской волости Вольского уезда Саратовской губернии)². В первый состав Совета без баллотировки (единогласно) вошли известные деятели Г. К. Горбунов, В. И. Ананьин, Г. Е. Смирнов. В результате выборов членами Совета стали: А. Н. Кудряшов, В. Г. Челноков, А. В. Дороднов, М. С. Сидоров, К. М. Маравев, В. Е. Быков. Кандидатами в Совет избрали Н. К. Сухова, Я. И. Шишкина, И. А. Александрова. В Ревизионную комиссию вошли: И. М. Круглов, А. И. Ленивов, Н. Н. Бузников. Старостой был избран Ф. А. Константинов³.

Среди прочих материалов дела безусловный интерес представляют 2 документа — «Список наставников Московской общины христиан древле-православно-кафолического исповедания старо-поморского благочестия»⁴ и «Список духовных наставников Московской общины христиан древле-православно-кафолического исповедания старо-поморского благочестия»⁵. Перечислим приведенные в первом списке фамилии (они были утверждены на первом общем собрании Общины 8 апреля 1907 г.⁶): Бутасов Тарас Тимофеевич, 72-х лет, крестьянин; Белов Василий Яковлевич, 62-х лет, крестьянин; Васьков Емельян Степанович, 71-го года, крестьянин; Грузинцев Семен Ерофеевич, 67-и лет, крестьянин; Замятин

---

¹ Оп. 104. — Д. 32. — Л. 42.

² Там же. — Л. 15.

³ Там же. — Л. 15об.

⁴ Там же. — Л. 13.

⁵ Там же. — Л. 27.

⁶ Там же. — Л. 15.

Никита Агапович, 67-и лет, крестьянин; Иванов Сергей Иванович, 75-и лет, крестьянин; Кузнецов Федор Степанович, 82-х лет, крестьянин; Рожков Григорий Григорьевич, 43-х лет, крестьянин; Рыгалов Михай Фелиппович, 72-х лет, крестьянин, Савичев Иван Михайлович, 68-и лет, крестьянин; Терентьев Зосима, 74-х лет, московский цеховой ленточного цеха; Тимофеев Василий Тимофеевич, 52-х лет, крестьянин; Цыганов Николай Сергеевич, 70-и лет, мещанин Павловского Посада; Чугунов Константин Семенович, 78-и лет, крестьянин. В этом списке, помимо приведенных выше имен и фамилий 14 наставников с указанием их возраста и социального положения (из 14 чел. подавляющее большинство записано как крестьяне, 1 московский цеховой и 1 мещанин), даны также места их «прописки» (Москва, Московская, Курская, Калужская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Самарская, Тверская губернии). Второй список идентичен первому — те же наставники, за исключением одного (вычеркнута фамилия В. Т. Тимофеева с пометкой «умер 18 апреля 1907 г.»), однако здесь указаны места их непосредственного проживания в Москве: в отношении 9 чел. — это «Лефортовской части 2-го участка по Камер-Коллежскому валу Преображенский богаделенный дом № 336», и еще 4 адреса — «Лефортовской ч. 2 уч. Боженинова ул. д. Волкова; Лефортовской ч. 2 уч. Суворовск[ая] ул. д. Константинова; Грузины Средний Кондратьевс[кий] пер. д. Быкова; Бутырки Вятская ул. д. Лебедева».

В деле также отложились экземпляры печатных годовых отчетов Общины с 1909 по 1912 г., содержащие сведения о членах общины, выборах руководства и проч. Ту же информацию за 1913—1915 гг. находим в документах, направленных Советом Общины в Московское губернское правление по итогам очередных выборов¹.

Мы привели здесь лишь общий (выборочный и далеко не полный) обзор документов фонда 54 в ЦГА г. Москвы,

¹ Оп. 104. — Д. 32. — Л. 518—520об.

представляющих несомненный интерес для изучения персоналий московского старообрядчества, выявления исторической московской и подмосковной топографии старообрядческих общин, установления адресов проживания их членов, духовных лиц и т. д. Даже на этой стадии исследовательской работы анализ полученных сведений позволяет уточнить целый ряд вопросов, касающихся социального состава общин староверов в начале XX в., локализовать на современной карте города места сосредоточения разных групп старообрядцев, по выявленным адресам установить сохранившиеся и утраченные здания, связанные с персоналиями и в целом с историей московского старообрядчества. Дальнейшая работа в этом направлении с документами фонда (а также с фондами других архивов, в том числе ЦГАМО) позволит существенно пополнить разрабатываемую справочно-информационную базу по объектам культурного наследия основных согласий московского старообрядчества.

**Социальные учреждения и заведения московской
Преображенской старообрядческой общины
в первые десятилетия XX в.
(по материалам ЦГА г. Москвы и ЦГАМО)**

В 2021 г. исполнилось ровно 250 лет со дня основания Преображенского кладбища на востоке Москвы. Оно появилось в 1771 г. из-за свирепствовавшей в это время в Москве эпидемии чумы. Основателем кладбища был старообрядец-беспопoveц федосеевского согласия Илья Алексеевич Ковылин (1731—1809), купец второй гильдии, владелец лавки и кирпичных заводов за Семеновской заставой. Преображенское кладбище (с 1809 г. — Преображенский богаделенный дом) быстро стало общероссийским центром старообрядцев-беспоповцев, является таковым и сегодня.

В истории Преображенского кладбища (Богаделенного дома) немало ярких и интересных страниц. Мы же остановимся лишь на одной из них, на одном из интереснейших периодов, который можно назвать расцветом Преображенского кладбища (1906—1917 гг.).

В результате дарованных свобод в 1905—1906 гг. федосеевцами была юридически оформлена в 1907 г. «Московская община христиан древле-православно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского согласия». С этого момента за пределами Богаделенного дома стали появляться его важнейшие социальные учреждения и заведения: богадельня, училище, типография и больница. По этим объектам социально-культурной жизни в архивах общины имеется немало оригинальных документальных источников. Вообще по истории старообрядческого Преображенского есть целые документальные комплексы в архивах РГАДА, ГАРФ, ЦГА г. Москвы, ЦГАМО. На некоторых материалах двух последних архивохранилищ мы и остановимся.

Особый интерес для нас представляют ежегодные отчеты федосеевской общины¹ начала XX в., где есть сведения о благотворительной деятельности Общины (раздел «Благотворительность»), содержится много интересной и полезной информации об училище (раздел «Училище Общины»), богадельне (раздел «Переход в ведение и управление Общины “Христианской старообрядческой богадельни, учрежденной мануфактур-советником Г. К. Горбуновым при Преображенском кладбище в Москве”») и больнице (раздел «Врачебная помощь в Общине»). Также интерес представляют хранящиеся в ЦГАМО описи имущества Общины за 1918–1923 гг.², где содержатся сведения, касающиеся богадельни Г. К. Горбунова и старообрядческой больницы.

Еще в 1809 г. по указу Александра I кладбище стало называться «Преображенским богаделенным домом» с правами частного благотворительного заведения. Был утвержден его Устав на 18 листах (хранится в ЦГА г. Москвы³). Собственно сам Богаделенный дом играл важную социальную роль в жизни старообрядцев Преображенского и окрестностей.

1 октября 1908 г. на Преображенском кладбище состоялся Всероссийский съезд старообрядцев-беспоповцев старопоморского согласия, одним из результатов которого стало открытие 17 октября 1909 г. в Преображенском мужского и женского училищ на средства, пожертвованные М. И. Соколовой и главным жертвователем, старообрядцем-благотворителем Михаилом Петровичем Сергеевым (†1908). Надо сказать, что благотворительность была очень важной составляющей в деятельности Общины: на завещанные М. П. Сергеевым средства осуществлялись бесплатные

¹ Отчеты Московской общины христиан древлеправославного католического исповедания за 1909–1912 год. — М., 1910–1913 // ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32.

² ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 13.

³ ЦГА г. Москвы. — Ф. 157. — Оп. 1. — Д. 49 «Устав Преображенского богадельного дома в г. Москве».

погребения неимущих христиан, за счет Общины приобретались и все необходимые для погребения предметы; из этих же средств выделялись пособия на проезд неимущих христиан из провинций; ремонтировались и строились новые молитвенные дома на разных территориях России; часть средств уходила на оплату проживания неимущих; осуществлялось бесплатное обучение бедных детей грамоте и церковному уставу с предоставлением бесплатных учебников и учебных пособий, также детей кормили бесплатными завтраками «...во время полуденного перерыва учения»; осуществлялся сбор пожертвований на слепых и глухонемых; оказывалась бесплатная юридическая помощь для «неимущих христиан»¹.

Во исполнение воли И. А. Ковылина Совет Общины представлял окрестному населению бесплатное лечение и выдачу лекарств из лечебницы Общины².

Остановимся подробнее на истории и повседневной жизни училищ Общины.

Училища (начальные школы) размещались недалеко от Преображенского кладбища в одноэтажном деревянном доме (не сохранился), принадлежавшем купцу В. П. Москвину, рядом с современным домом № 16 по ул. Девятая Рота. В книге исследователя и жителя Преображенского В. Н. Ясинской есть воспоминание с подробным описанием этого дома: «Это был добротный, сложенный из бревен дом, глубоко уходивший внутрь двора. Входов было два: в середине дома и с веранды, выходившей во двор. Двор был тихий, очень зеленый, в глубине его стоял двухэтажный деревянный дом с большим красивым крыльцом — он принадлежал активному члену Общины Ивану Михайловичу Максимову»³.

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 236об., 365–365об., 444.

² Там же. — Л. 236об.

³ Ясинская В. Н. Улица Девятая Рота. Из истории московской улицы. — М., 2009. — С. 97.

Благодаря «Отчетам» Общины можно получить более или менее полное представление об этом начальном училище: узнать о числе обучающихся в разные годы, об их сословной принадлежности, о преподаваемых предметах, о фамилиях учителей, о распорядке дня обучающихся, их болезнях и пропусках занятий по этой причине, о рождественских подарках и т. д.

Чтобы поступить в училище, нужно было предоставить метрическое свидетельство и свидетельство о привитии оспы. Сюда принимались дети 7—13 лет, обучение при этом было бесплатным¹. Главной особенностью училища был состав учащихся — это было первое училище беспоповцев.

Учебный год начинался в 20-х числах августа и заканчивался в 20-х числах мая. В день окончания учебного года в помещении училищ служили благодарственные молебны, после чего настоятель Общины о. Григорий Григорьевич Рожнов давал детям и их родителям нравоучительные наставления. Затем детям сообщались сведения об их успеваемости и поведении, а также раздавались гостинцы, и до начала следующего учебного года они отпускались на каникулы. За день до начала учебного года во всех палатах Преображенского богаделенного дома служили панихиды по М. П. Сергееву и совершали литии на его могиле. После этого в помещении училищ служили молебны, а затем духовный отец Константин Семенович Чугунов обращался с нравоучительными наставлениями к вновь поступившим и преподавательскому составу. По окончании дети отпускались домой до следующего дня, до начала занятий².

Еще одной особенностью училища было преподавание дисциплин религиозного цикла, а также ежедневная молитва за М. П. Сергеева, ученики регулярно совершали крестный ход на его могилу. В остальном же училище мало чем отличалось от

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 236об., 238.

² Там же. — Л. 237—238.

других московских образовательных учреждений: те же предметы светского цикла, тот же социальный состав, такие же бытовые условия.

По окончании первого года существования училища, то есть в мае 1910 г., из 56 учащихся (28 мальчиков и 28 девочек) 44 были переведены во второй класс, 12 чел. (6 мальчиков и 6 девочек) — оставлены на второй год «...частью по малоуспешности в науках, частью же по малолетству»¹.

В начале 1910/1911 учебного года училище приняло 51 вновь поступившего: 1-й класс — 26 девочек и 9 мальчиков, 2-й класс — 12 девочек и 4 мальчика, таким образом, к началу учебного года в училище было 100 учащихся (64 девочки и 36 мальчиков), поскольку 7 чел. (5 мальчиков и 2 девочки) выбыли. Теперь в 1-м классе учились 31 девочка и 16 мальчиков, а во 2-м — 33 девочки и 20 мальчиков. Все учащиеся в основном были из «бедных христиан» (около 75 %)².

К 1 января 1911 г. в училище обучалось 97 учеников (35 мальчиков и 62 девочки), 3 чел. выбыли по домашним обстоятельствам. Учащиеся представляли три сословия: мещане (18 чел.), цеховые (4 чел.), крестьяне (75 чел.). К 1 января 1912 г. уже было 106 учащихся (36 мальчиков и 70 девочек), причем сословная структура, несколько изменилась: мещане (27 чел.), цеховые (14 чел.), крестьяне (65 чел.). А еще через год, 1 января 1913 г., обучалось 109 чел. (45 мальчиков и 64 девочки). Среди учеников были выходцы и из купеческого сословия³.

Скажем несколько слов об учебной программе училища и о расписании занятий. В 1-м классе дети изучали 4 предмета: Закон Божий, арифметику, русский язык и чистописание.

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 237об.

² Там же. — Л. 238об.— 238.

³ Там же. — Л. 238—238об.; 445; 446—447об.

В 1910/1911 учебном году во 2-м классе добавились новые предметы — церковно-славянское письмо и духовное (крюковое) пение¹.

Занятия проходили с понедельника по субботу, начинались они в 9 ч. утра и заканчивались у 1-го класса в 13 ч., у 2-го в 14 ч. Интересно отметить, что первые два урока продолжались по 55 мин. с пятиминутным перерывом. Третий урок шел ровно час, затем был 30-минутный перерыв на завтрак и, наконец, последний урок был коротким — всего 30 мин. Завтракали ученики в особом помещении, снятом в соседнем владении И. М. Максимова, где каждому давали по розанчику, а в постные дни — по калачу².

Для преподавания русского языка, арифметики и чистописания в 1-м классе были приглашены учителя Александра Константиновна Жаркова и Алексей Иванович Першин³.

С осени 1911 г. в училище было уже три класса, добавлялся еще один новый предмет — отечествоведение. Были приглашены новые учителя: Лидия Витальевна Соколова (русский язык, отечествоведение, арифметика, чистописание) и Агафья Михайловна Михайлова (духовное чтение). На тот момент для училища требовалось новое специальное здание, которое отвечало бы всем требованиям школьной гигиены, поскольку в старом уже не было свободных комнат, и оно не удовлетворяло своему назначению. В связи с этим Совет Общины снял две квартиры в соседнем владении И. М. Максимова⁴. Училище начало функционировать в полном составе классов.

Вот, как оценивали успехи своих учеников сами учителя: «Теперь же ученики и ученицы вторых классов основательно ознакомлены с христианским порядком; свободно читают псалтырь и часовник, некоторые из них даже стоят на клиросе; по-русски

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 239.

² Там же. — Л. 238об.—239.

³ Там же. — Л. 239об.

⁴ Там же. — Л. 367, 368об.

вполне удовлетворительно читают, знают главные грамматические правила; у некоторых вырабатывается очень недурный почерк; по арифметике справляются со всеми четырьмя действиями в пределах тысячи и даже более»¹.

3 сентября 1912 г. состоялось открытие 4-го класса, однако программа училища была не расширена, а только углублена².

Из «Отчетов» Общины следует, что учащиеся часто болели, из-за чего происходило большинство пропусков. Среди болезней отмечались: инфлюэнца, кашель, анемия (малокровие), жаба (стенокардия), болезни ушей, глаз. Известен один случай туберкулеза, окончившийся смертью. Больше всего больных отмечалось в сентябре и октябре³. В 1912 г. с одним из учеников 1-го класса произошел несчастный случай: Федор Климов 19 февраля пошел посмотреть ледоход и пропал без вести⁴.

Жизнь обучающихся состояла и из приятных моментов. Например, в 1911 г. на Рождество Христово все дети и низшие служащие Училища получили по теплomu шерстяному платку, все дети также получили от Ивана Федоровича Москвина гостинцы, завернутые в ситцевые платки, М. И. Соколова раздала учащимся 8 пальто, 18 пар валенок, 9 пар сапог, 12 пар башмаков, 9 шапок, 7 пар варежек, 4 рубахи и 4 пары штанов⁵.

Однако в целом социальная политика Общины по отношению к училищу ничем не отличалась от светской. О бытовых условиях учащихся было известно еще до написания «Отчетов», однако только через два года после открытия училища все ученики получили на завтрак дополнительно «горячий сбитень с ломтем

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 239об.

² Там же. — Л. 445.

³ Там же. — Л. 238об.—239.

⁴ Там же. — Л. 445об.

⁵ Там же. — Л. 12—14.

черного хлеба»¹. В Общине было много богатых людей, но лишь И. Ф. Москвин дарил гостинцы всем ученикам. Только лишь седьмую часть нуждавшихся можно было одеть и обуть в вещи, подаренные М. И. Соколовой.

За время существования училища в нем было всего два выпуска — в 1912 и 1916 г. В мае 1912 г. для многих начиналась взрослая жизнь. Но существовала одна проблема: большинство выпускников, вступая в практическую жизнь, не имели по разным причинам возможности продолжать свое образование.

Дети московских купцов, так же как и купцов-беспоповцев, учились в привилегированных заведениях или получали домашнее образование. Короткая жизнь училища, его судьба были зеркальным отражением московской жизни начала XX в. И даже его особая религиозная направленность была отражением все той же социальной закономерности, разделявшей как общество в целом, так и Общину старопоморцев на богатых и бедных.

После закрытия училища в 1920 г. помещения в этом доме стали коммунальными квартирами.

В связи с училищем следует упомянуть и об «учительских классах для подготовки христианских учителей и учительниц», открытых при нем. Заведующим начальными училищами Общины С. В. Сокольниковым был разработан проект устава этих классов (13 параграфов). Цель классов — «...доставлять педагогическое образование лицам обоего пола, желающим посвятить себя учительской деятельности в христианских начальных училищах»². Проект предусматривал два отделения классов: мужское и женское, причем в мужском занятия должны проводить преподаватели, а в женском — преподавательницы. Слушатели и слушательницы должны были быть одного согласия с Общиной и не моложе 16 лет, иметь свидетельства о знании полного курса

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 369.

² Там же. — Л. 240об.

городского училища, уездного училища, Мариинского женского училища, прогимназии или других учебных заведений, курс которых не ниже двухклассных училищ Министерства народного просвещения. Ученики, имевшие подобные свидетельства, принимались без экзаменов¹.

Прием в классы осуществлялся два раза в год (в августе и в январе). Поступающим в январе нужно было выдержать экзамен по пройденным в классах предметам. Учебный процесс длился с 1 сентября по 1 июня, за исключением двух недель Рождественских и двух недель Пасхальных каникул. Предметы были следующие: Закон Божий, крюковое пение, церковно-славянское письмо, русский и церковно-славянский языки, методика русского языка, арифметика, методика арифметики, геометрия (необязательный предмет), история, география и чистописание. Все предметы, за исключением первых трех, преподавались в объеме программ, составленных Испытательным комитетом управления Московского учебного округа, по учебникам, указанным в этих программах².

Обучение в учительских классах занимало 2,5 года, занятия были вечерние и делились на теоретические и практические (уроки в начальном училище Общины под руководством преподавателей). Ответственным за ведение дела в учительских классах и за порядок был заведующий классами. На вступительных и выпускных экзаменах присутствовала Испытательная комиссия: настоятель Общины, два члена Совета, весь педагогический персонал учительских классов и один член общины с образованием не ниже среднего. По окончании классов учащиеся, успешно выполнившие все теоретические и практические занятия, проходили предварительное испытание в знании пройденного материала. Если все было нормально, они получали свидетельство об успешном прохождении учительских

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 240об.—241.

² Там же. — Л. 241.

классов и держали окончательные экзамены при Московском учебном округе на звание начальных учителя или учительницы¹.

Особо стоит отметить деятельность учреждений и заведений известного старообрядца, почетного потомственного гражданина мануфактур-советника Григория Климентьевича Горбунова (1836—1920). С 1907 по 1917 г. он являлся председателем Совета Общины.

В 1908—1909 гг. Горбуновым на средства, завещанные одной состоятельной прихожанкой, была открыта старообрядческая типография. Для этого был выстроен трехэтажный дом, в подвале которого и разместилась типография, на втором этаже находились спальни и столовая рабочих типографии. В 1910—1911 гг. рядом с трехэтажным появился двухэтажный дом, в нем был очень глубокий подвал с окнами на уровне земли, здесь размещался типографский склад бумаги. На первом этаже была квартира управляющего и контора. Второй этаж занимал сам хозяин владения. Оба дома соединяли ворота и калитка.

С 1909 г. в типографии Преображенская община стала издавать в виде брошюр ежегодные отчеты о своей деятельности. А в училище Горбунов жертвовал книги своей типографии — псалтири, часословы, евангелия². Благодаря архивным документам мы имеем представление о внутреннем устройстве типографии. Сохранилось подробное описание ее машин и оборудования.

В июне—июле 1911 г. все владение Горбунова огородили забором, а в домах появилось электрическое освещение. К 1912 г. строительство всего ансамбля было завершено, типографию оснастили новыми станками, она имела 8 типографских скоропечатных двухкрасочных машин фирмы «Альберт и Гольдберг», золотарный пресс для корешков, переплетный деревянный стан и другое механическое оборудование³. В упомянутых нами описях, хранящихся

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 241—241об.

² Ясинская В. Н. Указ. соч. — С. 102.

³ ЦГА г. Москвы. — Ф. 179. — Оп. 62. — Д. 2668. — Л. 1—56.

в ЦГАМО, есть сведения, что одно время на складе и в лавке имелись книги большого и маленького размера, толстые, тонкие и среднего размера (всего 3866 экз.); книг без переплета разного формата — 205 468 экз. Кроме того, имелся шрифт (370 пудов), печатные машины, два прессы, резальная машина, рубильник и тискальный пресс¹.

В первые месяцы после революции типография была национализирована. Бывшие владения Г. К. Горбунова до сих пор можно видеть на ул. Девятая Рота (д. 16 и 16, стр. 2—5). Многие годы комплекс зданий находился в запустении, в 2017 г. ансамбль усадьбы получил охранный статус объекта культурного наследия регионального значения. Сегодня в доме 16 (стр. 4) размещается Гостевой дом «Рублевъ», остальные же строения так и пустуют.

Еще одно «горбуновское» заведение — богадельня, было пожертвовано им Общине в 1910 г. (документы есть в ЦГА г. Москвы и ЦГАМО). Сам Горбунов на собрании Общины в 1912 г. сказал о назначении богадельни: «...мною, с помощью Божиею, выстроена богадельня для призрения и упокоения нуждающихся в том больных и престарелых наших христиан, и для обеспечения необходимого содержания этой богадельни выстроен доходный дом и при нем типография. Все это владение с типографией, стоимостью 180, 790 р., я жертвую в собственность богадельни. В настоящее время я решил привести богадельню в официальное положение, для чего написан проект устава... Желая, дабы наша богадельня была примкнута к Преображенскому нашему кладбищу и была бы в ведении не гражданской власти, но своей христианской общины...»². 22 октября 1910 г. Министерством внутренних дел был утвержден Устав богадельни.

В описи за 1 октября 1918 г. в богадельне числились иконы без окладов и в окладах, кресты, иконы в киотах — всего 29 икон,

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 13. — Л. 26.

² ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 246об.

а также столы, кровати, матрацы, шкафы, стулья, табуреты и скамейки¹.

Еще одним важным социальным учреждением Преображенской старообрядческой общины была больница. Надо сказать, что врачебная помощь всем призреваемым в Богделенном доме, служащим обители, а также бесплатный прием всех больных независимо от вероисповедания с выдачей лекарств два раза в неделю (по понедельникам и четвергам) осуществлялись еще до постройки самой больницы. В «Отчетах» Общины содержатся интересные и довольно подробные сведения о числе больных, их социальном положении, заболеваниях и т. д. Болезни было принято делить на три группы: острые заразные (корь, скарлатина, тиф, дизентерия и др.), хронические заразные (бугорчатка легких, сифилис, перемежающаяся лихорадка), общие незаразные и болезни различных систем органов (анемия, злокачественные и доброкачественные новообразования, чесотка, алкоголизм, грыжа, различные невралгии, болезни уха, глаз, кожи, костей, печени и почек, сердца, сосудов и др.)².

Среди больных, обращающихся за помощью в лечебницу, были дворяне, лица духовных и купеческих званий, цеховые, мещане и крестьяне³. Постепенно количество обращений за медицинской помощью и советами увеличивалось, врачебная деятельность в Общине развивалась. Если в 1909 г. общих обращений за врачебной помощью было 790, а за врачебными советами с повторным обращением — 1972, то уже в 1910 г. — 1160 и 3078⁴. Это было связано с притоком в амбулаторию приходящих больных, она почти полностью обслуживала жителей соседнего Черкизова (по данным на 1910 г. — 234 чел.), а также далеких местностей Москвы⁵.

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 13. — Л. 26.

² ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 242–242об.

³ Там же. — Л. 243.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — Л. 243об.

В связи с этим возникла необходимость устройства своей собственной полноценной больницы.

Весной—летом 1910 г. члены Совета Общины В. Е. Быков, А. Н. Кудряшов, Г. Е. Смирнов, Н. К. Сухов вместе с врачом Общины А. Ф. Малининым и известным архитектором Л. Н. Кекушевым ознакомились с устройством больницы Рогожской общины и Евангелического общества (Воронцово поле), а также осмотрели частную хирургическую лечебницу доктора Руднева. После этого А. Ф. Малининым был составлен черновой проект здания больницы и разработан проект Устава¹.

Больница «для неимущих христиан» должна была обслуживать преимущественно больных Преображенского богаделенного дома и прихожан Обители. Для иногородних и жителей Москвы планировалось устройство платного отделения с общими палатами и отдельными комнатами.

Благодаря документам, хранящимся в ЦГА г. Москвы и ЦГАМО, можно подробно узнать о самом здании больницы, ее внутреннем устройстве, имуществе и медицинском оборудовании, больничном персонале и т. д.

22 апреля 1912 г. состоялась закладка больницы Преображенской общины. После молебна в Богаделенном доме был совершен крестный ход к месту закладки. В этом же году за пределами Преображенского богаделенного дома, рядом со входом на Женский двор Л. Н. Кекушев построил специально для больницы трехэтажное кирпичное здание (ул. Преображенский вал, 19 стр. 2). Здание выстроили при финансовой поддержке одного из членов Общины — М. М. Мальшева.

Здание больницы с боковыми широкими коридорами было оснащено центральным водным отоплением низкого давления и искусственной вентиляцией. На первом этаже размещались вентиляционная камера, система отопления, кухня, прачечная

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 243об.

и дезинфекционная камера. Также здесь находилось помещение для служащих: одна комната для двух служителей и вторая — для 5—6 сиделок; приемная и кабинет врача, аптека. На первом этаже размещалось и заразное отделение: два изолированных пространства, в каждом из которых — по две отдельных палаты (всего на 8—10 чел.). Второй этаж был занят внутренним отделением: кабинет главного доктора, кабинет врачей и лаборатория, гидротерапевтическое отделение и электрический кабинет; 4 палаты, разделенные на мужские и женские отделения, в каждом из которых одна палата на 2—3 кровати, другая — на 2 (всего на 8—10 чел.); 1 палата на 2 кровати для слабых и беспокойных больных; платное отделение: 2 палаты (всего на 4—6 чел.). Третий этаж занимало хирургическое отделение: стерилизационная, операционная, перевязочная. В мужском и женском отделении по две палаты для размещения 8—10 больных. Здесь же размещались 4 комнаты для платных больных, квартира фельдшерицы и 1 палата на 2 кровати для слабых больных. На всех этажах имелись уборные и ванны¹.

Таким образом, больница была рассчитана на 24—30 мест и имела собственное хирургическое отделение и внутреннее отделение, которое в свою очередь состояло из двух строго разделенных «учреждений»: «...одно для общих острых неприлипчивых болезней (воспаление легких, ревматизм, воспаление почек и т. п.) и другое для остро-заразных больных (дифтерит, скарлатина, рожа, сыпной тиф и т. п.)»². Кроме того, больница имела маленький анатомический театр, ледник, часовню, служебные помещения³. В моленной при больнице находились иконы в ризах, без риз, подручники, подсвечники, лампы, кадило, паникадило, покров, пелена, платки для аналоя и др.⁴

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 244—244об.

² Там же. — Л. 244.

³ Там же. — Л. 244об.

⁴ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 13. — Л. 18.

Больница была оснащена современным медицинским оборудованием: автоклавом, аппаратом для наркоза, капельницей, молотком «Перкусион», щипцами Мюзо, двумя приборами Контани, аппаратами для дезинфекции и многим др.¹

Персонал больницы состоял из главного доктора и заведующего внутренним общим и заразным отделением. В хирургическом отделении работали: хирург, заведующий отделением, фельдшер и 1 служащий. Внутренним отделением заведовал фельдшер, который одновременно заведовал и аптекой. Кроме того, в больнице работали: сестра милосердия в заразном отделении, кастелянша и экономка, 1 служащий при амбулатории и внутреннем отделении, 5—6 сиделок и кухарка с помощницей².

Сразу после начала Первой мировой войны больница предоставила отстроенный корпус на 75 коек для раненых.

В 1917—1918 гг. Преображенский богаделенный дом, как социально-жилищное заведение, богадельня, был закрыт. А больница вскоре перешла в ведение Мосздравотдела, с 1929 г. здесь располагался противотуберкулезный диспансер, освободивший здание после пожара 2014 г. В 2017 г. старинное строение было возвращено старообрядцам.

Подводя итоги, констатируем, что введение религиозных свобод в начале XX в. способствовало началу нового периода в жизни Преображенской старообрядческой общины, который можно охарактеризовать как прогрессивный. Возникшие здесь учебные, просветительские, медицинские и благотворительные учреждения и заведения оказали серьезное влияние на развитие социокультурной среды Преображенского. К 1917 г. Преображенский богаделенный дом с его старообрядческими благотворительными и учебно-просветительными учреждениями стали иметь все большее значение в социокультурной жизни окраин на востоке Москвы. С появлением

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 13. — Л. 21—22.

² ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 104. — Д. 32. — Л. 244об.

этих заведений было связано строительство зданий, которые сегодня можно рассматривать как памятники, относящиеся к истории одного из центров старообрядчества Москвы и к истории современного московского района «Преображенское».

К сожалению, не все сооружения, о которых шла речь, мы можем сегодня увидеть (утрачен дом, где располагалось училище). А ряд построек, дошедших до наших дней и представляющих интерес, в первую очередь, с точки зрения истории и архитектуры, ныне заняты различными учреждениями или пустуют, и память об их прошлом не является достоянием широкого круга жителей района, ни на одном из них нет мемориальных или охранных досок с исторической информацией. Как раз документы, доступные для изучения в фондах ЦГА г. Москвы и ЦГАМО, могут быть исключительно полезны при реконструкции истории этих социальных учреждений, при решении проблем с памятными знаками, а возможно, и при создании музейной экспозиции (или ее специального раздела).

**Использование документов московских и подмосковных архивов и музеев в изучении истории рода
(к вопросу о публикации воспоминаний
Н. Т. Каштанова (1874–1950))**

Трагедии отечественной истории XX в. прямо затронули семью, к которой автор этих строк имеет честь принадлежать. Нас развело от рвов Бутовского полигона в Москве до русских крестов на кладбище Батиньоль в Париже, где в одной из могил покоится Николай Тимофеевич Каштанов (5 марта 1874 — 7 апреля 1950) — крупный суконный фабрикант, банкир, московский купец 1-й гильдии, общественный деятель, благотворитель, коллекционер старинных рукописей и манускриптов. До недавнего времени это имя было известно лишь очень узкому кругу специалистов, изучающих социально-экономическую историю России рубежа XIX–XX вв. После 1917 г. Н. Т. Каштанов оказался во Франции, а на родине его ждало забвение.

История семьи — история России. Дома часто говорили о прошлом, не вспоминая и не озвучивая конкретные события. Но с того момента, когда на основе выявленных архивных документов стала открываться семейная история, немногие сохранившиеся фотографии, личные вещи и предметы интерьера ушедшей эпохи, окружающие автора с самого детства, не просто заговорили, они закричали.

Предок автора Н. Т. Каштанов был директором-распорядителем товарищества суконной мануфактуры «Братья Каштановы» в Серпухове, членом Московского биржевого комитета, председателем правления Московского промышленного банка (соратником Н. А. Второва), учредителем и председателем Всероссийского общества суконных фабрикантов (с 1910 г.). За деятельность по объединению отечественной шерстяной промышленности импера-

торское правительство наградило Н. Т. Каштанова почетным званием мануфактур-советника, а Военное министерство в 1916 г. за работу по мобилизации промышленности в начале Первой мировой войны представило его к ордену св. Владимира. Это награда давала фабриканту Н. Т. Каштанову право на потомственное российское дворянство.

По словам В. П. Рябушинского, делового партнера и личного друга Каштанова, он «унаследовал от своих отцов деловитость, твердость, настойчивость в делах и глубокую веру в Бога и любовь к церкви».

Н. Т. Каштанов жил в переломную эпоху нашей истории, связанную с революциями и Гражданской войной. С 1918 г. он оказался на Юге России, был связан с Белым движением, активно занимался экономической деятельностью при А. И. Деникине и П. Н. Врангеле, имел право решающего голоса на совещаниях по экономическим вопросам.

Эмигрировав во Францию в 1920 г., он, как и в России, продолжил заниматься экономическими вопросами и общественной деятельностью, был членом Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза, одним из основателей в 1925 г. и товарищем председателя общества «Икона» в Париже, делегатом Российского зарубежного съезда в 1926 г. от русской эмиграции во Франции. В Париже Николай Тимофеевич вошел в Учредительный комитет Сергиевского подворья (в составе финансовой комиссии), стал членом приходского совета и жертвователем Александро-Невского собора. Имел в Париже на ул. Ренн антикварный магазин «Москва».

В 1942 г. в оккупированном немцами Париже Н. Т. Каштанов написал очень интересные воспоминания: «О суконном фабриканте Н. Т. Каштанове и его торгово-промышленной, финансовой и общественной деятельности, как в России, так и за границей, в эмиграции». Приведенные нами выше биографические сведения о Н. Т. Каштанове как раз и стали известны благодаря этим

воспоминаниям. Сегодня происходит долгожданное возвращение памяти о «суконном фабриканте» Н. Т. Каштанове на его родине: в начале 2021 г. общественный Издательский центр «Краеведение» по инициативе автора статьи опубликовал воспоминания Н. Т. Каштанова. Книга «В России и в эмиграции. Воспоминания Николая Тимофеевича Каштанова (1874–1950), предпринимателя и общественного деятеля»¹ включает текст мемуаров Н. Т. Каштанова 1942 г. с научным комментарием, а также развернутый биографический очерк о нем и редакционное предисловие.

Рукопись мемуаров (машинописный авторский текст) хранится в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (США). Сотрудники архива любезно предоставили ксерокопию текста воспоминаний, по которой и была подготовлена их первая публикация. Объем рукописи составляет 77 машинописных страниц (в среднем по 40 строк текста на каждой странице). К тексту приложен наклеенный на лист писчей бумаги большой фотопортрет Н. Т. Каштанова с его автографом. Над фотографией рукой Каштанова написано: «На добрую память Андрею Пельцеру о нашей работе в шерстяной промышленности в Москве». Структурно воспоминания разбиты автором на 7 частей: «Суконная промышленность в России», «Суконные фабриканты Каштановы», «Н. Т. Каштанов», «Торгово-промышленная и финансовая деятельность Н. Т. Каштанова в России», «Общественная деятельность Н. Т. Каштанова в России», «Торгово-промышленная деятельность Н. Т. Каштанова на Юге России и за границей в эмиграции», «Общественная деятельность Н. Т. Каштанова на Юге России и в эмиграции за границей».

---

¹ В России и в эмиграции. Воспоминания Николая Тимофеевича Каштанова (1874–1950), предпринимателя и общественного деятеля / под общ. ред. В. Ф. Козлова, науч. ред., коммент. А. Г. Смирнова; сост., вступ. ст. В. В. Зыбин, вступит. ст., коммент. Б. В. Арсеньев. — М. : ИЦ «Краеведение», 2021. — 240 с. : ил.

Публикация воспоминаний стала лишь первым шагом в изучении биографии Н. Т. Каштанова. Многие моменты его жизни и деятельности уже на стадии подготовки книги потребовали уточнения, выявления дополнительной информации. Кроме того, отдельные сюжеты биографии мемуариста в тексте воспоминаний представлены лишь набросками, неразвернуто (следует учитывать, что воспоминания, начинающиеся с истории рода Каштановых, с описания жизни старшего поколения — отца и дядей Николая Тимофеевича, писались спустя очень много лет после упоминаемых в них событий, что не все эти события были на личной памяти мемуариста, что, по всей вероятности, если он и пользовался какими-то документами и записями прошлых лет, то полноценного семейного архива в его распоряжении не было).

Обозначенная в воспоминаниях топография рода Каштановых и семьи самого Николая Тимофеевича стала отправной точкой для архивных поисков. Автором были привлечены материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного архива (ЦГА) г. Москвы, Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА; Санкт-Петербург), музея истории Главного военного клинического госпиталя имени Н. Н. Бурденко и Серпуховского историко-художественного музея (СИХМ).

Серпуховские предприниматели Каштановы оставили по себе память в этом старинном русском городе, с Серпуховом и его окрестностями была в значительной степени связана и жизнь Николая Тимофеевича. Важный документальный комплекс был выявлен при работе с архивным фондом СИХМ — Ф-30 (Фонд документов купцов Каштановых (1866—1913 гг.)). Упомянем следующие документы, послужившие ценными источниками информации: цветной печатный рекламный листок суконной фабрики торгового дома «Братья Тимофей, Леонтий и Василий старш. Каштановы» (конец

XIX — начало XX в.)¹, завещание Тимофея Ивановича Каштанова (октябрь 1903 г.)², «Страховой план с описанием и оценкой строений в с. Мосолово Алексинского уезда Тульской губернии, принадлежащих Т. И. Каштанову» (09.06.1904 г.; копия; бумага, чернила, рукопись, печать, акварель)³, счет магазина «Белье. Готовое и по заказу. Луи Крейцер... Николаю Тимофеевичу Каштанову на сумму 311 руб. 40 коп. 27.04.1913 г.»⁴, счет магазина акционерного общества Жирардовских мануфактур Гилле и Дитриха Е. Ф. Каштановой на сумму 108 руб. 95 коп. 22.05.1913 г.⁵, баланс торгового дома «Братья Тимофей, Леонтий и Василий старш. Каштановы» на 22.04.1907 г.⁶, приглашение на бал в день бракосочетания серпуховского купца 2-й гильдии Ивана Харитоновича Шилова с Пелагеей Ивановной Каштановой (дочерью Ивана Васильевича Каштанова) 24.10.1879 г.⁷

Серпуховские корни Н. Т. Каштанова и его рода заставили также обратиться к метрическим книгам Серпуховского уезда, хранящимся в ЦГА г. Москвы (Ф. 203. Оп. 780. Д. 1694, 1720). Здесь была найдена информация о вступлении в брак, социальном статусе, возрасте, поручителях на свадьбе, датах рождения и крещения детей,

¹ СИХМ. — КП-3514/1 док. — 3438. №ГК 22991059. — Ф. 30. — Оп. 1. — Д. 6.

² Там же. — КП-8331/3 док. — 4242. №ГК 22988013. — Ф. 30. — Оп. 1. — Д. 1.

³ Там же. — КП-8331/20 док. — 4259. №ГК 22988021. — Ф. 30. — Оп. 1. — Д. 4.1.

⁴ Там же. — КП-8331/79 док. — 4318. №ГК 22991607. — Ф. 30. — Оп. 1. — Д. 5.

⁵ Там же. — КП-8331/84 док. — 4323. №ГК 22991062. — Ф. 30. — Оп. 1. — Д. 5.

⁶ Там же. — КП-8331/100 док. — 4339. №ГК 22991076. — Ф. 30. — Оп. 1. — Д. 6.

⁷ Там же. — КП-14726 док. — 4234. №ГК 22991055. — Ф. 30. — Оп. 1. — Д. 1.

именах восприемников за 1879 и 1883 гг. В частности, в метрической книге Распятской церкви г. Серпухова 1879 г. за 24 октября была выявлена запись: «Брак: жених — Серпуховской купец 2-й гильдии Иван Харитонов Шилов 41 год; невеста — Серпуховская мещанка Пелагея Ивановна Каштанова 16 лет; поручители по жениху: Серпуховские мещане Василий Алексеевич Иконников и Александр Николаевич Иконников; поручители по невесте: Серпуховские купцы 2-й гильдии Василий Иванович и Тимофей Иванович Каштановы»¹. В метрической книге той же церкви 1883 г. за 17 (19) сентября есть еще одна запись, относящаяся к истории рода Каштановых: «Родилась Пелагея. Родители: Серпуховской купец Иван Харитонов Шилов и законная жена Пелагея Ивановна. Восприемники: города Серпухова 1-й гильдии купец Тимофей Иванов Каштанов и купеческая сестра девица Евдокия Харитоновна Шилова».

В ЦГА г. Москвы была выявлена и другая биографическая информация, касающаяся Каштановых, непосредственно братьев Николая Тимофеевича — Ивана и Тимофея. Так, об Иване Тимофеевиче мы узнали, что он был принят в Московский университет в 1894 г.² В университетском деле сохранились аттестат зрелости И. Т. Каштанова, выданный 1 июня 1894 г.³; его фотография, сделанная 19 марта 1898 г. у фотографа Румянцевского музея Митрейтера (дом Хомяковых на углу Кузнецкого пер. и ул. Петровки)⁴; его студенческий билет 1898 г. за № 115⁵. Среди документов Т. Т. Каштанова — его фотография 1907 г.⁶;

---

¹ ЦГА г. Москвы. — ОХД до 1917 г. — Ф. 203. — Оп. 780. — Д. 1694. — Л. 622об. — 623.

² Там же. — Ф. 418. — Оп. 308. — Д. 442. О принятии в студенты Каштанова Ивана.

³ Там же. — Л. 2.

⁴ Там же. — Л. 18—18об.

⁵ Там же. — Л. 9.

⁶ Там же. — Ф. 228. — Оп. 3. — Д. 2862. — Л. 16Аоб.

свидетельство о приписке к призывному участку¹; студенческая книжка Т. Т. Каштанова — студента Московского сельскохозяйственного Института (20 февраля 1909 г.)².

Сведения об отбытии Н. Т. Каштановым воинской повинности нами были найдены в фондах РГВИА («Послужной список состоящего в запасе армейской кавалерии прапорщика Николая Каштанова. Составлен 20 сентября 1901 г.»³ и документы о производстве в прапорщичьи запаса⁴).

Профессиональная деятельность Н. Т. Каштанова, связанная с суконной промышленностью и различными корпоративными организациями и союзами, заставила обратиться к материалам двух архивов: РГИА и ГАРФ. В РГИА был найден документ 1916 г., связанный с «Товариществом бр. Каштановых»⁵. В ГАРФ выявлен целый комплекс документальных материалов, в основном связанный уже с советским периодом и частично с эмиграцией, которые дают достаточно широкое представление о различных направлениях деятельности Николая Тимофеевича и в Москве, и в Белом Крыму и в целом на Юге России, и за границей. Документы связаны с сотрудничеством Н. Т. Каштанова с крупнейшим промышленником

---

¹ ЦГА г. Москвы. — ОХД до 1917 г. — Ф. 228. — Оп. 3. — Д. 2862. — Л. 16.

² Там же. — Л. 17.

³ РГВИА. — Ф. 400. — Оп. 17. — Д. 14981. — Ч. 2. Послужные списки. — Л. 147–152об.

⁴ Там же. — Оп. 9. — Д. 30114. О производстве нижних чинов в прапорщичьи запаса по Петербургскому Военному округу. Январь 1901 г. — июль 1902 г. — Л. 752, 764–767об.

⁵ РГИА. — Ф. 23. — Оп. 15. — Д. 589. Документооборот Отдела тонких сукон с Комитетом по делам Суконной промышленности и Русским государственным комитетом о содействии к отправке машин, заказанных товариществом Бр. Каштановых у завода Джон Гетернигтон и Сыновья (Манчестер, Англия) через посредство Т-ва С. Г. Мартин и К^о (Москва) по заказам за № 384 и 393. — Л. 1, 2–3, 4–5, 6–7, 8–13, 14–15.

и финансистом Н. А. Второвым и с участием в создании «Московского промышленного банка» в 1915 г. (на основе бывшего банка «Юнкер и К^о»), где Николай Тимофеевич занимает пост председателя Правления¹. В архиве сохранились и свидетельства активного участия Н. Т. Каштанова в 1921 г. в деятельности Российского финансового, промышленного и торгового союза («Торгпрома») — он входил в состав его руководства², и связи с белоэмигрантскими организациями (пригласительное письмо и билет на освящение нового помещения Христианского союза молодых людей и русского христианского студенческого движения в Париже³, уведомление о новом адресе Русской секции Христианского союза молодых людей⁴ и т. д.).

Еще раз подчеркнем, что начатая в процессе подготовки к публикации мемуаров Н. Т. Каштанова работа по изучению его биографии и истории рода Каштановых не только не завершена, но требует дальнейших поисков материалов в российских и, возможно, зарубежных архивах. При этом те архивные фонды, которые были рассмотрены в настоящей статье, уже дали немало материалов, позволивших уточнить факты биографии и профессиональной деятельности самого Николая Тимофеевича и его родственников, а также наметить направления дальнейшей работы.

Презентация книги в различных организациях, в том числе библиотеках, музеях в Москве, Серпухове, Пушкино (Московская обл.), связанные с этим выступления автора, введение в научный оборот сведений биографического характера из архивных документов, имеют уже практические результаты — появилась возможность популяризировать деятельность Н. Т. Каштанова, привлечь внимание не только к самой его личности, но и к местам

---

¹ ГАРФ. — Ф. 5783. — Оп. 1. — Д. 504. — Л. 48.

² Там же. — Ф. 5894. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 6–10, 11–12.

³ Там же. — Ф. 5881. — Оп. 1. — Д. 331. — Л. 1.

⁴ Там же. — Л. 2.

и памятникам, связанным с его жизнью и деятельностью (особняк Н. Т. Каштанова в Москве на Садовой-Самотечной, д. 14, особняк и торговая лавка дяди Л. И. Каштанова на М. Ордынке, д. 35, частично сохранившиеся корпуса фабрики Каштановых в Серпухове, усадьба в Пущино и др.).

Автор надеется, что публикация воспоминаний Н. Т. Каштанова, дальнейший поиск и введение в научный оборот ранее неизвестных документов из московских и подмосковных архивов и музеев, помимо прочего, помогут лучше узнать ту сложную, во многом трагическую эпоху, в которую жил Н. Т. Каштанов, а также ярче высветят личность автора мемуаров — подлинного патриота, неутомимого труженика на благо Отечества.

Имя Николая Тимофеевича Каштанова не просто «вернулось» на Родину и зазвучало, но спустя столетие забвения — активно участвует в восстановлении исторической памяти России.

Ю. Н. Герасимова (Москва),
Т. И. Любина (Пушкино, Московская обл.)

Документы по истории подмосковной усадьбы Демьяново в Центральном государственном архиве Московской области

Центральный государственный архив Московской области (ГКУ Московской области ЦГАМО) принадлежит к числу крупнейших областных архивов России: здесь сосредоточено свыше 4 тыс. фондов (их объем превышает 1,2 млн ед. хр.). Архив, который ведет свою историю с 20 мая 1937 г., содержит немало ценнейших исторических документов и материалов по истории русских усадеб, в том числе усадьбы Демьяново.

Эта усадьба расположена на территории Государственного мемориального музыкального музея-заповедника П. И. Чайковского (г. Клин, Московская обл.). В настоящее время она находится в руинированном состоянии, ее территория не огорожена.

Усадьба упоминается с 1625 г. В 1883 г. она была приобретена Владимиром Ивановичем Танеевым (1840—1921) — известным адвокатом, социологом и философом, именно при нем усадьба активно ремонтировалась и достраивалась. Что касается его общественно-политической позиции, можно отметить, что К. Маркс, которому он был лично известен, характеризовал его как «преданного друга освобождения народа»¹.

Свидетельства по истории усадьбы имеются в нескольких фондах. Это фонды Московского областного Совета народных депутатов и его исполнительного комитета (Ф. 2157), Управления культуры Мособлисполкома (Ф. 7148), Главного управления культурного

---

¹ Маркс К. Письмо М. М. Ковалевскому в Москву 9 января 1877 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 34. — М., 1960. — С. 185.

наследия Московской области (Ф. 2753), личный фонд клинского краеведа Владимира Михайловича Баранова (Ф. 822).

В них сосредоточены разнообразные документы многоаспектного содержания. Это личные и служебные письма, акты, заключения, решения органов исполнительной власти, справки, охранные грамоты, записки, планы мероприятий, сметы, отчеты, проектные задания. Значительную часть составляет управленческая документация.

В фондах архива отложилась информация об истории усадьбы, в том числе о главном доме, о ее владельцах, об их социально-политических взглядах, оценках ситуации вокруг усадьбы со стороны сына В. И. Танеева, представителей органов власти, крестьян окрестных деревень.

Привлекает внимание содержащийся в фонде Мособлсовета комплекс документов по увековечиванию памяти В. И. Танеева в связи со 100-летием со дня его рождения, 25-летием и 30-летием со дня его смерти. Сохранилась копия письма колхозников Клинского района Председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову от 24 сентября 1938 г. с просьбой об увековечивании памяти В. И. Танеева. В обращении крестьяне колхозов имени Карла Маркса и «Верный путь» просят в память о «друге народа» отметить 100-летие со дня его рождения «по достоинству»¹. Представляет интерес характеристика, данная В. И. Танееву колхозной общественностью и занимающая большую часть письма. На страницах документа сосед крестьян предстает как материалист, широко образованный ученый и революционно настроенный человек, лично знавший Маркса, сторонник изъятия земли у помещиков и «сам добровольно передавший землю крестьянам для выпаса скота в безвозмездное пользование». «За [все] время со стороны В. И. Танеева, — утверждает в документе, — не было никаких

---

¹ ЦГАМО (далее повторяющееся название архива опускается). — Ф. 2157. — Оп. 1. — Д. 2072. — Л. 129–133.

притеснений соседних крестьян... и В. И. Танеев ни разу не обращался ни к помощи полиции, ни в суд с жалобами на крестьян»¹.

Судьба письма неизвестна. В целом обращение — яркий документ эпохи, отдельные сюжеты которого, с одной стороны, свидетельствуют о триумфе классового подхода, с другой, предполагают некоторую гибкость (друг или не друг народа) в принятии решений о судьбе человека.

В архиве хранится часть статьи известного философа и литературоведа академика Ивана Капитоновича Луппола «Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским», автор которой также характеризует социально-политические взгляды В. И. Танеева, но уже в более резкой форме²: «В. И. [Танеев] разделял все население на три класса: разбойников или людоедов, хамов и рабочий скот. Себя как адвоката он причислял к хамам, а приобретя небольшое имение в Московской губернии, он говорил, что стал теперь разбойником. Однако этот хам и разбойник думал о счастливом будущем “рабочего скота”»³. На этот афоризм В. И. Танеева И. К. Луппол, являвшийся директором Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, ссылается в своей рекомендации о необходимости почтительного отношения к памяти В. И. Танеева и компенсации за переданные им советскому государству библиотеку и коллекцию гравюр.

Особое место среди документов по увековечиванию памяти В. И. Танеева в связи со 100-летием со дня рождения занимает решение исполкома Мособлсовета от 10 сентября 1940 г. № 1100/11 «Об увековечении памяти В. И. Танеева», принятое в соответствии с решением совещания заместителей председателя Совнаркома РСФСР от 7 февраля 1940 г.⁴ Согласно документу, предполагалось

¹ Ф. 2157. — Оп. 1. — Д. 2072. — Л. 129.

² Там же. — Л. 127–128, 134–135.

³ Там же. — Л. 128, 134.

⁴ Там же. — Л. 101.

присвоить имя В. И. Танеева клинской средней школе № 3, установить мемориальные доски на доме, где жил бывший владелец, и на его могиле, отремонтировать дом за счет бюджета области, подготовить радиопередачу. А на упомянутом совещании заместителей председателя Совнаркома РСФСР было решено выдать Павлу Владимировичу Танееву — сыну В. И. Танеева — единовременное пособие в размере 15 тыс. руб. и установить персональную пенсию в размере 500 руб. в месяц¹.

Ответ на вопрос, что же было сделано, содержит датированная 1946 г. справка о выполнении решения исполкома Мособлсовета от 10 сентября 1940 г. № 1100/10². Так, мемориальные доски были изготовлены, но не установлены, деньги на ремонт в сумме 30 тыс. руб. выделены, ремонт произведен, но «никем ремонт не был принят, и акт о ремонте не представлен».

В связи с тем, что за время Великой Отечественной войны дом был частично разрушен (выбиты окна, вынуты оконные и дверные рамы, пострадали пол и крыша), было снова выделено 10 тыс. руб., «но полностью восстановительные работы не произведены... Клинская стройконтора отказывается ремонтировать дом из-за отсутствия рабочей силы в связи с наличием больших ремонтных работ»³.

Заслуживают внимания и те документы исполкома Мособлсовета, в которых содержатся относящиеся к 1946 г. сведения о парке в усадьбе Демьяново, например, справка о состоянии парка в усадьбе с. Демьяново Клинского района Московской области⁴. Она дает представление об основных принципах устройства регулярной части парка, планировке, границах, наличии и состоянии водоемов — прудов, возрасте и посадке деревьев (липовых аллей, липовых и березовых рощах, в том числе, по обеим сторонам

---

¹ Ф. 2157. — Оп. 1. — Д. 2072. — Л. 106.

² Там же. — Д. 2709. — Л. 54–55.

³ Там же. — Л. 54.

⁴ Там же. — Л. 43.

пруда к северу от главного дома). Документ содержит информацию о бесконтрольном уничтожении деревьев парка совхозом «Демьяново», Клинским тубдиспансером и Клинской машинно-тракторной станцией. Так, чтобы построить здание для Клинского тубдиспансера, была выкорчевана самая старая часть парка — «30 липовых деревьев в возрасте 200—250 лет, ... (в главной части парка). МТС для своего навеса срубила более 25 деревьев в липовой части парка»¹.

«Все три учреждения, — продолжал автор справки, — уничтожают деревья без всякого контроля: когда Клинскому тубдиспансеру были нужны зимой дрова, директор распорядился срубить более 100 деревьев в одной из аллей липового парка; когда у Клинского тубдиспансера украли бревна для стройки, директор приказал спилить в парке более 10 саженных лиственниц; совхоз “Демьяново” рубит старые липы на топливо — для кухни, для яслей — по мере надобности. В парке пасут крупный скот, лошадей, коз, устраивают огородные участки, делают в нем уборные, сваливают мусор, выливают нечистоты, а главным образом, он служит как запас древесины на дрова и постройку. Парк никем не караулится, и никто его не оберегает от истребления»².

Примечательно, что документ, составленный безвестным советским чиновником, содержит заключение о необходимости сохранить оставшиеся ценные старые деревья и устроить парк отдыха для жителей Клина.

В фонде исполкома Мособлсовета имеется копия охранной грамоты В. И. Танееву, подписанной В. И. Лениным и управляющим делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичем 26 апреля 1919 г. и предписывавшей всем властям «оказывать гражданину Владимиру Ивановичу Танееву содействие в деле охраны как его самого, так и его семьи, жилища и имущества». Сохранилась также копия

¹ Ф. 2157. — Оп. 1. — Д. 2709. — Л. 43.

² Там же.

подписанной В. И. Лениным охранной грамоты от 8 марта 1922 г., в которой устанавливается, что охранный грамота от 26 апреля 1919 г. сохраняет свой статус в части, касающейся семьи В. И. Танеева после его смерти в 1921 г.¹

Очередные мероприятия по увековечиванию памяти В. И. Танеева, намечавшиеся в 1946 г., были приурочены к 25-летию со дня его смерти. Сохранились планы мероприятий, отражающие масштабность задуманного, в том числе открытие дома-музея В. И. Танеева².

Основной документ — решение Мособлисполкома от 31 августа 1946 г. № 1435 «О проведении мероприятий, посвященных памяти В. И. Танеева в связи с 25-летием со дня его смерти» — снова обязывал исполком Клинского райсовета установить мемориальные доски, присвоить клинской школе № 3 имя В. И. Танеева, а также провести торжественные заседания, опубликовать информацию о В. И. Танееве, подготовить радиопередачу и т. д. Также было решено израсходовать 40 тыс. руб. из средств областного бюджета на восстановительный ремонт и организацию парка культуры и отдыха и просить Совет Министров РСФСР утвердить это решение³.

В сентябре 1947 г. на территории усадьбы начались строительные работы⁴. Однако, судя по заявлению П. В. Танеева на имя председателя исполкома Клинского райсовета А. Н. Ипатова от 14 июля 1951 г., даже к 30-летию со дня смерти В. И. Танеева парк культуры и отдыха так и не был организован. Кроме того, Павел Владимирович просил «закончить ремонт дома-усадьбы»⁵. Вместе с тем следует отметить, что 20 августа 1951 г. отдел культурно-

---

¹ Ф. 2157. — Д. 2072. — Л. 125, 138–139, 144.

² Ф. 7148. — Оп. 1. — Д. 1а. — Л. 4–7.

³ Ф. 2157. — Оп. 1. — Д. 2709. — Л. 34.

⁴ Ф. 7148. — Оп. 1. — Д. 1а. — Л. 12.

⁵ Там же. — Л. 21об.

просветительной работы исполкома райсовета взял на себя охранное обязательство по содержанию территории усадьбы¹.

В письме заместителя начальника Управления культуры Мособлисполкома Н. Парубца председателю Мособлисполкома А. П. Волкову от 25 июня 1955 г. отмечалось, что решение Мособлисполкома от 31 августа 1946 г. в части создания парка культуры и отдыха не было выполнено, и «усадьба Танеева постепенно пришла в запущенное состояние». Предлагалось «вывести с территории усадьбы МТС, совхоз и диспансер и очистить территорию от захламления и временных деревянных построек»².

21 ноября 1955 г. сотрудниками Управления культуры исполкома Мособлсовета и отдела по делам архитектуры при исполкоме была составлена справка «о состоянии бывшей усадьбы Демьяново и мерах по приведению её в порядок»: «Весь архитектурный комплекс, — указывалось в документе, — в целом очень запущен: здание требует капитального ремонта, парк делится на мелкие участки, застраивается сараями, деревья вырублены на 70 %, ... пруды обезвожены»³. Рекомендовалось приспособить территорию усадьбы под городской парк или организовать там дом отдыха для рабочих местных промышленных предприятий⁴.

Особое место среди документов и материалов об усадьбе Демьяново занимает проектно-реставрационная документация. Документы и материалы были сданы в составе проектной документации Главного управления культурного наследия Московской области по сдаточной описи за 1943—1990 гг. в количестве 9 условных единиц.

Это графические и текстовые документы, а также альбомы фотографий, в которых зафиксированы процесс и результаты

---

¹ Ф. 7148. — Оп. 1. — Д. 1а. — Л. 27, 27об.

² Там же. — Л. 39—40.

³ Там же. — Л. 41.

⁴ Там же. — Л. 43.

осуществления проекта консервации с фрагментарной реставрацией памятника архитектуры XVIII в. Успенской церкви усадьбы Демьяново. Работы были выполнены архитектурно-реставрационной мастерской кооператива «Арис» в 1989—1990 гг.

Комплект документации сохранился почти полностью и состоит из исторической записки, обмерных чертежей, инженерного заключения о состоянии конструкций, эскизных проектов реставрации, рабочих чертежей по консервации с фрагментарной реставрацией, рабочих чертежей по укреплению конструкций, сметы на реставрационные работы, альбомов фотофиксаций.

Намного меньше осталось исторических свидетельств о стремлении органов власти восстановить бывший главный дом усадьбы Демьяново.

Среди таких документов — проектное задание Министерства сельского хозяйства РСФСР на восстановление каменного двухэтажного жилого дома в совхозе «Демьяново» (г. Клин Московской области)¹.

Были также обнаружены архитектурно-строительные чертежи фасадов главного дома усадьбы Демьяново за 1980 г. — часть подготовительной работы, выполненной Производственным и научно-исследовательским институтом по инженерным изысканиям в строительстве².

И, наконец, проект зон охраны бывшей усадьбы Демьяново г. Клина Московской области, разработанный в 1982 г. трестом «Мособлстройреставрация» Главмособлстроя при исполкоме Мособлсовета. К сожалению, сохранился лишь альбом фотографий³.

---

¹ Ф. 2753. Проектное задание Министерства сельского хозяйства РСФСР на восстановление каменного 2-этажного жилого дома в совхозе «Демьяново» (г. Клин Московской области).

² Там же. Архитектурно-строительные чертежи фасадов главного дома усадьбы «Демьяново» за 1980 г.

³ Там же. Альбом фотографий.

В нем представлены фотоматериалы, воспроизведенные с негативов, фотографий, этюдов и картин, находящихся на хранении в Государственном биологическом музее имени К. А. Тимирязева, в музее-квартире художника Аполлинария Васнецова, в личном собрании семьи Васнецовых, в личном собрании внучки С. И. Макеева — Е. П. Макеевой, в отделе рукописей Российской государственной библиотеки и в ЦГАМО.

Эти фотографии в какой-то мере помогают наглядно представить себе утраченный облик усадьбы с ее архитектурными сооружениями, парком, прудами, малыми архитектурными формами, а также ее окрестности. Авторы фотографий — Ф. Комаров и Ф. Андреев. Отпечатки с негативов музея выполнены В. Тихомировым.

Таким образом, документы ЦГАМО содержат многоплановую информацию по истории возрождения—разрушения главного дома усадьбы Демьяново и увековечивания памяти её бывшего владельца.

Дальнейшее выявление и анализ этих источников, вне всякого сомнения, откроют новые перспективы научно-исследовательской работы историков и архивистов по изучению истории усадеб в Подмосковье.

Архивные документы по истории подмосковной усадьбы Михалково (опыт краеведческого исследования)

Ни одно полноценное историческое научное исследование, в том числе и краеведческое, невозможно без активного привлечения архивных материалов. В этом смысле, конечно, не являются исключением исследования такого важного общественного и культурного явления жизни дореволюционной России как дворянские усадьбы. И хотя сами эти усадьбы после их национализации в большинстве своем подверглись разорению и оказались в запустении, в российских государственных архивах разного территориального уровня и подчинения сохранился значительный пласт самых разнообразных исторических документов, имеющих как прямое, так и косвенное отношение к формированию и развитию усадебных комплексов. Это касается и многочисленных дворянских имений, когда-то располагавшихся в ближайших окрестностях Москвы; нередко их называли просто «подмосковные», употребляя это прилагательное в значении существительного. В данной статье показаны возможности и результаты архивного поиска, представлены найденные архивные источники, относящиеся к подмосковной усадьбе Михалково (в состав Москвы ее территория вошла только во второй половине 1920-х гг.).

Трудности сбора исторических материалов по усадьбе Михалково обусловлены, в первую очередь, тем, что ни в одном архиве не выделено отдельного, специально посвященного ей фонда, в котором были бы сосредоточены такие документы. Они оказались рассредоточены между разными архивами и фондами, в которых и приходилось проводить поиск необходимых источников, в зависимости от временного периода и конкретных тематических направлений (разделов) исследования. Тем не менее, автору удалось

обнаружить в архивах и ввести в научный оборот целый ряд ранее не публиковавшихся ценных документов, связанных с этим именем и его владельцами.

История формирования усадьбы Михалково в XVIII в. в период владения ею княжеским родом Дашковых, а затем графами Паниными исследовалась, в основном, по материалам Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Интереснейшие документы, относящиеся к усадьбе Михалково, были найдены в нескольких фондах РГАДА.

Очень важным источником информации для исследования дворянского и помещичьего землевладения в России в целом являются вошедшие в РГАДА материалы бывшего архива Межевой канцелярии (Архивохранилище фондов межевых учреждений). Межевой архив был официально создан в 1768 г., впоследствии в него были переданы документы нескольких межеваний, произведенных на основе инструментальной съемки. Сюда вошли материалы Генерального межевания, проводившегося с 1765 г. до середины XIX в. в различных губерниях России и закрепившего за дворянами огромное количество самовольно захваченных земель. Кроме того, в этот архив поступил большой комплекс материалов так называемого Елизаветинского межевания середины XVIII в. по ряду уездов Московской губернии, а также Специального межевания, осуществлявшегося со второй половины 1830-х гг. Отдельный массив документов составили результаты топографической съемки центральных губерний России, проведенной Межевым корпусом совместно с Генеральным штабом. Помимо собственно топографических планов и других картографических документов, в межевом отделе РГАДА хранятся также экономические примечания к ним, представляющие собой своеобразные пояснительные записки, содержащие ценную информацию для исследователей. В этих примечаниях указывались фамилии владельцев, сведения о составе и размере угодий, качестве почв и грунтов, глубине и ширине рек и другие дополнительные сведения о земельных участках. Значительно облегчает работу

в межевых фондах и позволяет быстро проводить поиск нужных архивных документов разработанный здесь справочный аппарат, включающий алфавиты дач, алфавиты владельцев, табели и другие подобные указатели.

Ценным картографическим источником является самый первый план имения Михалково, датированный 1761 г. и, судя по этой дате, относящийся еще к Елизаветинскому межеванию. В это время владельцем усадьбы был уже четвертый представитель рода Дашковых — князь Михаил Иванович Дашков. Он больше известен как супруг знаменитой сподвижницы Екатерины II, президента и директора двух российских академий — Екатерины Романовны, урожденной Воронцовой. План дает уникальную возможность представить, какой была усадьба при Дашковых, поскольку никаких других — живописных или графических, ее изображений того периода не сохранилось. На плане хорошо видна структура земельных угодий, соотношение лесов и пашни, показаны все имевшиеся дороги и существовавшие на тот момент строения (господский дом и 5 крестьянских дворов). Из всего комплекса Головинских прудов на плане показаны только 2: современные Верхний и Малый, а Большого Головинского пруда в то время еще не было. Почти правильным прямоугольником к северо-востоку от парадного двора усадьбы обозначен плодовый сад, а в нем — двумя вытянутыми прямоугольниками — 2 копаных пруда. Эти пруды сохранились до наших дней, и план 1761 г. подтверждает их давнюю историю.

Хранящаяся в РГАДА «Ведомость к геометрическому плану размежевания земель части Московского уезда с данными о наименовании сел, деревень, их принадлежности, расстоянии каждого селения от Москвы, числе душ мужского пола, об удобной и неудобной земле и с собранными по межевой инструкции экономическими приложениями»¹ содержит и самое первое описание этого имения. В нем приводятся лишь краткие статистические сведения,

---

¹ РГАДА. — Ф. 1274. — Оп. 1. — Ед. хр. 1090.

дополняющие упомянутый выше план. Сообщается, что в сельце Михалкове князя Михаила Дашкова, расположенном в 9 верстах от Москвы, насчитывается 17 душ мужского пола. Указан состав и размер земельных угодий: пашни — 55 дес. 1245 саж., сенокосу — 7 дес. 98 саж., перелогу — 77 дес. 2014 саж., под поселением — 6 дес. 900 саж., неудобных мест — 12 дес. 1821 саж., итого — 159 дес. 1281 саж. Сопоставив приведенную информацию с современной структурой и размерами парка усадьбы Михалково, можно оценить, насколько кардинально изменились ее ландшафты за прошедшие столетия. Уже во второй половине XX в. более двух третей усадебной земли оказались поглощены городской застройкой и транспортной инфраструктурой, в частности, — комплексом сооружений Московской окружной железной дороги (современное МЦК).

Архивные материалы позволяют также понять, как и почему усадьба Михалково перешла от Дашковых к ее следующему владельцу графу Петру Ивановичу Панину. Соответствующие документы были обнаружены автором в довольно большом фонде «Панины и Блудовы, графы, помещики Московской, Нижегородской, Смоленской, Ярославской и других губерний»¹. Этот фонд, насчитывающий 3396 ед. хр., включает целый ряд интересных документов, имеющих непосредственное отношение к усадьбе Михалково и ее владельцам. Так, в нем хранятся материалы по опекунству П. И. Панина вместе со старшим братом Никитой Ивановичем над малолетними детьми, имуществом и долговыми обязательствами князя М. И. Дашкова после его смерти. Дашков приходился графам Паниным внучатым племянником (его бабушка по материнской линии и мать Паниных были родными сестрами).

В этом фонде был выявлен очень ценный документ от 15 августа 1764 г.: собственноручная предсмертная записка М. И. Дашкова. В ней он обращается к Н. И. Панину и поручает его попечению

---

¹ РГАДА. — Ф. 1274.

свою семью и «долг, которого от неосторожности много нажил»¹. Полностью эта уникальная записка была впервые опубликована в книге автора «Усадьба Михалково»².

Панины опеку принимают. Среди документов фонда сохранился указ Екатерины II «о препоручении в опеку осиротевших во младенчестве детей» князя М. И. Дашкова «до возраста их» графам Н. И. и П. И. Паниным и княгине Е. Р. Дашковой от 8 февраля 1765 г.³, а также другие материалы по этому делу. Напомним, что князь М. И. Дашков скончался от горячки на 28-м году жизни 17 августа 1764 г. в Пулавах (Польша), куда он был направлен Екатериной II во главе особого отряда для поддержания избрания в короли Станислава Августа Понятовского.

И еще одно архивное открытие позволяет прояснить вопрос со сменой владельцев усадьбы. Речь идет о перечне имений П. И. Панина, который он составил в сентябре 1785 г. Замыкает этот список «сельцо Михалково, Московского наместничества и той же округи». Чрезвычайно важным является указание самого Панина, каким образом к нему перешло это имение: «Оное сельцо куплено мною на имя второй моей жены Марьи Родионовны Вейделевой, а по ее смерти осталось за мною с детьми»⁴. Очевидно, овдовевшая и нуждавшаяся в деньгах княгиня Дашкова уступила дяде, вышедшему к тому моменту в отставку и подыскивавшему себе подмосковную резиденцию, одно из своих поместий. Этот документ опровергает распространенную в некоторых публикациях, но ничем не подтвержденную версию о том, что Михалково П. И. Панину якобы подарил старший брат.

Следующий важный комплекс документов XVIII в. из того же фонда РГАДА дает представление о том, как протекала жизнь

---

¹ РГАДА. — Ф. 1274. — Оп. 1. — Ед. хр. 3378.

² См.: Петрова Е. Г. Усадьба Михалково. — М., 2017. — С. 13.

³ РГАДА. — Ф. 1274. — Оп. 1. — Ед. хр. 1010.

⁴ Там же. — Ед. хр. 1077.

в усадьбе при П. И. Панине и позднее — при его сыне Никите Петровиче, который унаследовал Михалково в 1789 г. после смерти отца. Интересные бытовые подробности мы узнаем из обширной переписки, которую последовательно вели оба графа Паниных с управляющими их имениями, а также из многочисленных хозяйственных документов. Так, в письмах П. И. Панина управляющему имением Дугино Смоленской губернии, доставшимся ему в наследство от старшего брата, перечисляются различные предметы, плетеная мебель, съестные припасы и даже 3 дойные коровы, которых он просит прислать ему в Михалково «на летнее содержание там для моего стола». Среди пересылаемых вещей: «четыре пушки с их лафетами», «канопе, кресла и стулья, которые в Дугине сделаны», а также «подушки как на сидения, так и на спинки из лакированной буди можно зеленой, а буди нельзя, то из черной кожи». В свою очередь, Н. П. Панин выписывает себе «всю псовую охоту», верховых лошадей и «четыре дойные из лутших коров». Кроме того, он приводит в письмах целый список книг и картин, «которые потребны из Дугина в сельцо Михалково»¹.

На исходе XVIII в. жизнь дворянской увеселительной резиденции для усадьбы Михалково заканчивается. В 1797 г. Н. П. Панин продает имение смоленскому помещику Ивану Малафеевичу Алонкину (Олонкину). Все картины и другие ценные предметы были при этом возвращены обратно в Дугино, где был похоронен П. И. Панин согласно его духовному завещанию², составленному за 3 года до смерти и также хранящемуся в РГАДА. Н. П. Панин провел в Дугино последние годы своей жизни и, как и отец, нашел здесь свой последний покой.

После продажи усадьбы Алонкину сюда была переведена ситцевая фабрика купца В. С. Турчанинова, прежде находившаяся в с. Мишневе Тульской губернии. Эта фабрика и Михалково того

¹ РГАДА. — Ф. 1274. — Оп. 1. — Ед. хр. 1078.

² Там же. — Ед. хр. 7 (Духовная П. И. Панина).

периода вошли в описание Московского уезда за 1800 г., которое сохранилось в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА): «На суходоле дом госпоцкый деревянной с флигелями. Сад регулярный. В селении вновь заведенная ситцовая фабрика московского первой гильдии купца Владимира Турченинова, на коей работа производится крепостными господина Алонкина людьми. Материалы доставляются и ситец продается в Москве. Сколько же вырабатывается в год, по новости заведения неизвестно. При фабрике копаной пруд. В нем сажена рыба. Пороси лес растет дровяно. Грунт земли иловатой. Показанной хлеб родится средственно. Покосы хороши. Крестьяне на пашне состояния средственного. Женщины упражняются в домашних рукоделиях»¹.

В 1803 г. имение Михалково у И. М. Алонкина покупают купцы Грачевы, к которым переходит и ситцевая фабрика Турченинова. Грачевы прибыли в московское купечество из бывших крепостных графа Н. П. Шереметева, из с. Иванова, где они владели крупными ситцевыми мануфактурами еще в свою бытность крепостными крестьянами. Они значительно расширили производство, выпускаемые ткани — ситец и миткаль, успешно продавались в самом центре Москвы в их собственных лавках. С начала 1830-х гг. красильным мастером, а затем управляющим на фабрике Грачевых в Михалково работал приехавший из Пруссии Василий Иванович (Вильгельм) Йокиш, который переориентировал это предприятие на производство сукна. В 1838 г. он основал по соседству собственную красильную мастерскую, выросшую со временем в крупную суконную мануфактуру².

Дальнейшая история Михалкова неразрывно связана с В. И. Йокишем и его семьей. В июне 1860 г. он, став к тому

---

¹ РГВИА. — Ф. 846 Военно-ученый архив. — Ед. хр. 18861.

² Петрова Е. Г. Не без пользы для России. История и география семьи и мануфактуры Йокиш: Германия—Москва—Михалково. — М., 2012. — 192 с.

времени уже купцом 1-й гильдии, выкупил у Грачевых за 35 тыс. руб. серебром «вторую часть сельца Михалкова»¹, где располагалась его фабрика и проживала семья. По данным предварительно проведенного в мае того же года специального межевания, «на сем месте в натуре состояло каменное и деревянное строение фабричного заведения»². Позднее, в самом конце XIX — начале XX в., вся остальная территория имения была также постепенно выкуплена основанным им и его сыновьями Товариществом суконной мануфактуры «Йокиш». «Материалы генерального и специального межевания Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Московской губернии 1755—1916 гг.»³ позволяют проследить в точном хронологическом порядке весь процесс перехода имения от Грачевых к В. И. Йокишу и его наследникам. Они стали последними владельцами усадьбы Михалково, провели реставрацию архитектурных сооружений, привели в порядок парк и поддерживали усадьбу в должном состоянии вплоть до революции 1917 г.⁴

История усадьбы XIX — начала XX в. исследовалась, главным образом, по материалам ЦГА г. Москвы. Множество интересных документов было выявлено в различных фондах этого архива: Московской купеческой управы (Ф. 3), Управления генерал-губернатора (Ф. 16), Канцелярии московского губернатора (Ф. 17), Московского губернского правления (Ф. 54), Московской духовной консистории (Ф. 203) и др. Помимо этого, были привлечены и некоторые личные архивы, в которых сохранились уникальные фотографии.

---

¹ Центральный государственный архив (ЦГА) г. Москвы. — Ф. 16. — Оп. 23. — Д. 3223.

² РГАДА. — Ф. 1320. — Оп. 6. — Ед. хр. 3616.

³ Там же. — Ф. 1320.

⁴ Подробнее о семье Йокиш см.: *Петрова Е. Г.* Не без пользы для России...

Самое первое по времени из найденных на данный момент упоминаний В. И. Йокиша в московских архивах — это запись от 17 августа 1839 г. о принятии им присяги на подданство российскому престолу. В соответствующей ведомости Московского губернского правления сообщаются следующие сведения о нем: холост, суконных дел мастер, прусский подданный, прибыл в Россию в 1832 г., «после учинения присяги ...объявил желание приписаться к купеческому сословию»¹. Другие архивные источники, также найденные в фондах ЦГА г. Москвы, фиксируют и все остальные важные события его жизни. В их числе — запись в метрической книге храма Воскресения Слоущего, что на Успенском Вражке о венчании с мещанкой московской Голутвенной слободы Анной Гармут; метрические записи о рождении и крещении детей; документы о причислении его вместе с женой в Московское купечество, об открытии Торгового дома «Василий Йокиш с сыновьями» и др.

Архивные документы органов административного управления Москвы и Московской губернии, таких как Управление генерал-губернатора, Канцелярия московского губернатора и Московское губернское правление, фиксируют различные этапы становления и развития суконной мануфактуры В. И. Йокиша в Михалково. В первую из этих инстанций он дважды обращался, чтобы получить «дозволительные свидетельства»: сначала на содержание своего отделочного и красильного заведения, а затем — после его преобразования в 1851 г., прядильной, ткацкой и сукноотделочной фабрики².

В Канцелярии московского губернатора Йокиш регулярно запрашивал свидетельства на участие в промышленно-художественных выставках, которые проводились каждые 4 года в России, а также за рубежом. Архивные источники сообщают об успешном состоянии фабрики, росте различных ее показателей, производимых

---

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 54. — Оп. 177. — Д. 58.

² Там же. — Ф. 16. — Оп. 24. — Д. 4153.

на ней усовершенствованиях и полученных на этих выставках наградах за отменное качество выпускаемых тонких шерстяных тканей. Первая такая награда — большая серебряная медаль «за превосходную отделку и хорошую окраску сукна»¹, была присуждена В. И. Йокишу в 1843 г. на Третьей выставке российских мануфактурных изделий в Москве. В дальнейшем он был еще много раз отмечен: большой серебряной и несколькими золотыми медалями с надписью «За полезное» и «За трудолюбие», почетными дипломами Всемирной Парижской (1867 г.) и Всемирной Венской (1873 г.) выставок. Трижды фабрика Йокиша удостоилась высшей награды для промышленных предприятий: права употреблять на своих вывесках и изделиях изображение государственного герба Российской Империи — двуглавого орла. Три «орла» красовались до революции, не только на всех официальных документах Товарищества «Йокиш», но и на фабричных воротах в Михалково.

После покупки В. И. Йокишем той части имения, где располагалась его фабрика, на ее территории регулярно велись строительные работы. Возводились фабричные корпуса, а также жилые дома для рабочих и служащих. Поскольку любое новое строительство и проектные чертежи необходимо было согласовывать со Строительным отделением Московского губернского правления, в фонде Московского губернского правления можно обнаружить соответствующие дела, в которых фиксировались все вновь возводимые постройки. По этим документам легко проследить различные этапы формирования архитектурного комплекса мануфактуры. Так, в 1863 г. был построен главный четырехэтажный фабричный корпус. К сожалению, на сохранившихся чертежах нет фамилии спроектировавшего его архитектора. В 1871 г. по проекту А. С. Каминского выстроен двухэтажный особняк для В. И. Йокиша и его семьи, а также небольшая одноэтажная постройка, где когда-то размещался фабричный сторож. Оба эти здания признаны объектами культурного

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 17. — Оп. 22. — Д. 69.

наследия (ОКН). В 1873 г. на восточном берегу Малого Головинского пруда М. К. Геппенером сооружен одноэтажный жилой корпус для рабочих. Он положил начало созданию здесь небольшого рабочего городка, которое было завершено в начале XX в. уже другим архитектором — Д. П. Суховым. В 1890-е гг. появилось еще несколько одноэтажных фабричных зданий и двухэтажный сушильный корпус. Автором всех этих сооружений был еще один известный московский архитектор — М. Г. Пиотрович. В 1902 г. Д. П. Сухов построил небольшое нарядное здание фабричной конторы (оно также признано ОКН), а в 1909 г. украсил главный фабричный корпус изящной башенкой для водяного бака.

Важно подчеркнуть, что все эти фабричные здания были сосредоточены на очень небольшой территории и, самое главное, — новое строительство не затрагивало исторический архитектурный ансамбль усадьбы и парк. Краснокирпичные корпуса фабрики, украшенные белым декором, по своему внешнему виду гармонировали с архитектурой усадьбы. Сами усадебные постройки во времена В. И. Йокиша и его преемников не использовались для фабричных целей, а лишь выполняли социальные функции для рабочих и служащих. На основе роскошных зданий усадьбы для них был создан настоящий социальный комплекс. В одном из усадебных флигелей помещалась школа для детей рабочих, в другом — квартиры служащих; в боковом служебном корпусе была устроена заводская больница, а второй корпус хозяйственных служб был отведен под магазин, просуществовавший там до 1950-х гг. Фабрика Товарищества «Йокиш» в Михалково располагала практически всей необходимой социальной инфраструктурой. Там был родильный приют, аптека, своя баня и прачечная, артельная кухня, а также библиотека и даже театр, в котором сами рабочие ставили спектакли¹. Вход в большой ухоженный парк с великолепными липовыми аллеями и каскад-

---

¹ Век нынешний и век минувший. Рассказы рабочих суконной фабрики имени Петра Алексеева. Запись Ю. П. Злыгостева. — М., 1937. — 320 с.

ными прудами, изящными беседками-ротондами был открыт для рабочих и служащих, местного населения и дачников, часто там для них играла музыка. Зимой в парке устраивались горки для детей.

После революции фабрика и усадьба были национализированы. В усадьбе Михалково до Великой Отечественной войны располагался детский парк, а в послевоенный период там был создан парк культуры и отдыха. Фабрика Товарищества «Йокиш» в 1920-е гг. была переименована в Московскую тонкосуконную фабрику имени Петра Алексеева, которая продолжала работать вплоть до июня 2011 г.

Парковая часть усадьбы, дом В. И. Йокиша, а также фабричная контора и сторожка являются ОКН регионального значения, усадебные постройки XVIII в. — ОКН федерального значения. Остальные фабричные здания признаны ценными градоформирующими объектами и находятся на территории объединенной охранной зоны ОКН. К глубокому сожалению, после закрытия предприятия над зданиями бывшей фабрики нависла угроза разрушения: обанкротившийся проект их реконструкции под апартаменты в модном стиле «лофт» привел к бедственному положению. Дальнейшая судьба фабричных зданий пока неясна, они вновь под угрозой в связи с готовящейся застройкой территории бывшей фабрики многоэтажными жилыми домами. Вызывает определенную тревогу и судьба рабочего городка, поскольку бывшие дома для рабочих, а также дом В. И. Йокиша были включены в программу реновации московского правительства. Хочется верить, что все эти здания, крепкие кирпичные стены которых могут послужить еще долгие годы, будут сохранены и им будет найдено достойное применение. В доме В. И. Йокиша можно было бы разместить, например, культурно-досуговый центр и краеведческий музей, которого так не хватает этому району с богатой историей. Дома для рабочих вполне могут быть отремонтированы и использоваться по своему прямому назначению, либо для каких-то социальных нужд.

Сохранение комплекса зданий Товарищества суконной мануфактуры «Йокиш» как подлинного исторического окружения усадьбы Михалково и ее исторической части очень важно со всех точек зрения. Намеченное сооружение в непосредственной близости от усадьбы домов повышенной этажности, во много раз превышающих допустимые высотные отметки, полностью убьет историческую среду и нарушит ценные видовые характеристики ОКН федерального значения. Это необходимо предотвратить, а все исторические здания обязательно должны быть сохранены и отреставрированы.

**Предыстория подмосковного села Знаменского-Садки,
построенного на месте сельца Ярцова
(по материалам РГАДА)**

Три года назад при составлении плана летних походов на 2018 г. клуба краеведов «Волость» при Музее Зюзинской волости Дмитрий Игоревич Гладков, постоянный проводник группы краеведов в походах по Битцевскому лесу, предложил включить в летние маршруты 2018 г. поход по Комаровской балке. По Комаровской балке мы еще не ходили, и ничего тогда о ней не знали. А в клубе краеведов «Волость» был заведен обычай: в пути по запланированному маршруту излагать краеведам подробную историческую справку о тех местах, где проводим группу, показываем чертежи, планы, карты наблюдаемой территории, по возможности, от XVII до XX в.

И нам понадобился длительный архивный поиск в межевом отделе РГАДА, чтобы найти необходимую информацию об этой территории за последние 300 лет. Комаровская балка — это Ярцовский овраг, левый приток р. Битцы, а располагавшаяся в долине оврага одноимённая пустошь, с запада была смежной с землями с. Ясенева. Межа между землями Ясенева и Ярцовской пустоши, д. Садков и пустоши Максимовской проходит по древней дороге Лукомке, соединявшей некогда дьяковские городища на Москве-реке и на р. Пахре в городище Луковне (примерно в VII—XVII вв.)¹.

В XVII в. Ярцовская пустошь, как оказалось, стала частью земель с. Знаменского, и нынешние Комаровские пруды при образовании усадьбы в сельце Ярцове были устроены тогда в небольшом отвершке близ устья оврага при его впадении в Битцу.

---

¹ РГАДА. — Ф. 1354. — Д. 256. — Л. 3–12. 1771 г.

Сегодня никто не помнит о значении обширной лесной Ярцовской пустоши в истории возникновения с. Знаменского, второе название которого «Садки» отсылает историков и краеведов к этой деревне.

Русский историк и археолог барон Дмитрий Оттович Шеппинг в своей работе «Древний Сосенский стан Московского уезда» Ярцовскую пустошь упомянул лишь вскользь («Фёдор Абрамович Ладыженский прикупил в 1636 г. пустошь Ярцево на овраге того же имени 51 ч. у вдовы умершего пять лет перед тем кн. Ивана Барятинского»), а абзацы, посвященные упразднённой к тому времени д. Садки, завершил фразой: «Только несколько лет тому назад эта подмосковная продана правнучкой его (князя Дмитрия Юрьевича Трубецкого — С. Я.) княгиней Орловой И. П. Шаблыкину, а им перепродана М. Н. Каткову. Быть может, найдутся ещё старожилы, которые в состоянии указать селище Коровкино и самую деревню Садки, если она не занимала места нынешней Знаменской усадьбы; во всяком случае, следя по берегу Обицы, встречаем сначала деревню Садки, а при совпадении Обицы с Ярцовским оврагом и деревушку Коровкино»¹.

Ответа на возникший вопрос: занимала ли исчезнувшая д. Садки место Знаменской усадьбы, — Шеппинг тогда, как видно, не нашёл. А ведь, судя по архивным документам, на месте усадьбы с. Знаменского находилась не д. Садки, а селцо Ярцево.

В писцовых книгах 1627–1629 гг. с. Знаменского Садки тож ещё не существовало.

На правом берегу р. Обицы располагалось старое поместье Обросима Иванова сына Лодыженского: Чермнева стана деревня Садки, а Верхнее тож на речке на Обице, с примыкавшей к ней с запада пустошью Максимовской Мотовилово тож, размещённой

---

¹ Шеппинг Д. Древний Сосенский стан Московского уезда. — М., 1895. — С. 30–32. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : file: //C:/Users/HP/Downloads/Shepping_D_O_Drevnij_Sosenskiy_stan_Moskovskogo_uezda_1895.pdf.

по левому берегу Садковского оврага, правого притока р. Обитцы. По той переписи, в д. Садки «двор помещиков, живут деловые люди — Офонко Коцыбеев, двор прикащиков — Ромашка Зиновьев, двор люцкой — Кондрашка Герасимов, да крестьян (3 двора), бобылей (2 двора). Пашни паханые средние земли полосмины с получетвериком да наездом пахано 15 четей да перелогом и лесом поросло 73 чети с осминою без получетверика в поле, а в дву потому ж, сена по речке Обитце и по врагам 100 копен, лесу по Серпуховской дороге и по заполью 10 дес. Пустошь Максимовская на колодезе, пашни перелогом и лесом поросло средние земли 12 четей с осминою в поле, а в дву потому ж, сена 15 копен, лесу непашенного 6 дес. И всего за Обросимом Лодыженским поместья в Чермневе стану деревня да пустошь, а в них двор помещиков да двор прикащиков да двор люцкой да 3 двора крестьянских, а людей в них 4 человека. Да 2 двора бобыльских, а людей в них 3 человека. Пашни паханые средние земли полосмины с получетвериком, а доброю землею с наддачею полосмины да наездом пахано 1 чети, а доброю землею с наддачею 12 и лесом поросло 18 чети без получетверика, а доброю чети да перелогом землею с наддачею 66 чети с полуосминою и получетвериком. И обоего пашни паханые и наездею пашнею и перелогом и лесом поросло средние земли 101 чети с полуосминою, а доброю землею с наддачею 81 чети в поле, а в дву потому ж, сена 115 копен, лесу 16 дес... А владеет Обросим Лодыженский тем поместьем по государеве по ввозной грамоте за приписью дьяка Гарасима Мартемьянова 125 (1617) году»¹.

А за р. Битцей, бывшей естественной межой, на левом её берегу, противоположном д. Садки, в той же писцовой книге 1627–1629 гг. была отмечена в вотчинных землях Чермнева стану «За князь Иваном за княж Григорьевым сыном Борятинским, что преж

¹ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Кн. 9807. — № 86. — Л. 172–173об.

того была за Григорьем Съяновым¹, пустошь Ярцово на речке на Обидце».

Пустошь располагалась по обе стороны левого притока р. Обитцы Ярцовского оврага, в верховье которого было несколько отвершков. При впадении оврага в Обитцу пустошь Ярцово занимала только правый берег оврага. В пустоши — «Пашни наездом пахано средние земли четь с осминою да перелогом и лесом поросло 50 четей в поле, а в дву потому ж, сена по речке Обитце и по оврашкам 50 копен, лесу непашенного 6 дес. А владеет князь Иван Борятинский тою вотчиной по данной Анны Ивановы жены Данилова сына Чихачёва 122 (1614) году»².

При той же переписи 1627 г. по левому берегу Ярцовского оврага в устье при его впадении в Обитцу, от оврага до Серпуховской дороги, располагалась в порозжих землях Чермнева стана пустошь Коровкино а Ортемово тож, прежде бывшая помещьем подъячего Семёна Матюшкина. В пустоши — «пашни перелогом и лесом поросло средние земли 30 чети, а доброю землею с наддачею 24 чети в поле, а в дву потому ж, сена по речке по Обитце и по Ярцовскому оврагу 45 копен, лесу непашенного 4 десятины»³.

¹ Отметим, кстати, что на Пахре имеется городище дьяковской культуры Старое Съяново — раннежелезного века, третьей четверти I тыс. н. э. — 250 м к северо-западу от деревни, 200 м к юго-востоку от д. Новое Съяново, останец левого коренного берега р. Пахры (правый приток Москвы-реки), к востоку от моста. Площадка овальная в плане, размеры 40×80 м, высота над рекой 22—32 м, с северной стороны — остатки вала высотой до 1 м. Культурный слой до 1 м. Керамика лепная, с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и гладкостенная, иногда с орнаментацией в верхней части, дьяковской культуры. Найдены также надгробные плиты XVI—XIX вв. от существовавшего на месте городища старого кладбища. Топоним д. Съяново связан с фамилией, упоминаемой в нескольких документах Домодедовской волости XV—XVII вв. См.: <https://www.zamky.com.ua/ru/moskovskaya-oblast/arheologyua-y-drevnyaya-ystoryya-domodedovskogo-rajona/#i-32>.

² РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Кн. 9807. — № 105. — Л. 198об.

³ Там же. — № 108. — Л. 203.

В 1631 г. поместьная д. Садки досталась сыну Обросима Фёдорову Лодыженскому¹.

В 1636 г. Фёдор Обросимов сын Лодыженский прикупил соседнюю с Садками вотчину пустошь Ярцова у вдовы князя Ивана Григорьева сына Борятинского, умершего за 5 лет до того. На этой пустоши на левом берегу речки Обицы Ф. О. Лодыженский поставил вотчинное сельцо Ярцова. А в 1644 г. и старое его поместье — д. Садки с пустошью Максимовской Мотовилово тож — было продано Фёдорову Лодыженскому из Поместного приказа в вотчину².

Через 2 года в переписи 1646 г. его вотчины в Чермневе стану были описаны так: «За Фёдором Офросимовым сыном Лодыженского отца ево было поместье деревня Садки а Верхняя тож на речке на Обитце, а в ней двор вотчинников, живут в ней кабальные люди Сенка Мартынов с зятем Софонкою, да задворной человек..., да крестьян (11 дворов)... За ним же купленная вотчина сельцо, что была пустошь Ярцова, что он купил у князь Ивановской княгини Борятинсково с детьми её, а в нём двор вотчинников, живут люди кабальные..., да к нему к сельцу Ярцеву припущено в пашню пустошь Максимовская а Мотовилово тож. И всего за Фёдором за Лодыженским сельцо да деревня да пустошь — два двора вотчинниковых, людей в них шесть человек, да 10 дворов крестьянских, людей в них 32 человека»³.

Изменилось и соседнее с вотчиной Лодыженского поместье, земля которого вклинивалась между д. Садки и пустошью Ярцова, отмеченное при переписи 1627 г. в порозжих землях Чермнева стану. Дьяк Андрей Строев, который проводил тогда перепись, не упустил удобную дачу у Серпуховской дороги и у переправы через речку Обитцу. За прошедшие после переписи 1627 г. 20 лет

---

¹ Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII ст. — Вып. 8. Пехрянская десятина (Московского уезда). — М., 1892. — С. 152.

² Там же.

³ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Кн. 9809. — № 672. — Л. 542—542об.

он сумел получить в подмосковное поместье пустошь Коровкино а Ортемово тож, поставил в нём у Серпуховской дороги крошечную деревню, которую позже ему из Поместного приказа продали в вотчину. И в переписи 1646 г. в вотчине Андрея Строева деревне, что была пустошь Коровкина, на речке на Обитце отмечено: «в ней двор вотчинников и двор деловых людей Остафей Федоров да Марко Микитин да Митка да Антипка Первушкины»¹.

Ф. О. Лодыженский служил многие службы, из них — патриарший стольник (1627—1629 гг.), стольник (1629—1654 гг.), воевода в Ливнах (1648 г.), комнатный стольник (1654—1676 гг.), пожалован в думные дворяне в 1676 г.² Вскоре он выдал свою дочь Марию Фёдоровну за стольника князя Н. С. Урусова (1640 г. — февраль 1691 г.), из рода ногайских князей, служивших московскому государству.

Основатель рода Урус-мурза был убит в Смуту в Калуге вторым самозванцем (1610 г.). Урусовыми считались дети первых трёх сыновей Уруса-мурзы. Никита Семёнович — князь Урусов пятого колена, — стольник воевода в Смоленске, воевода в Новгороде (в 1679 г. — за эту службу в 1679 г. получил боярство), воевода в Киеве, Холмогорах, Двине и Архангельске, при царевне Софье служил ссудным в Москве (1684/92 гг.), возглавлял Рейтарский, Иноземный и Пушкарский приказы.

Н. С. Урусов на Марии Фёдоровне, дочери Ф. О. Ладыженского, женился первым браком. Но так как брак оказался бездетен, он вторично женился на княжне Евфимии Григорьевне Щербатовой, с которой у него было 5 сыновей — стольники: Иван, Алексей, Федор, Яков и Семён Никитичи³.

---

¹ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Кн. 9809. — № 676. — Л. 544об.

² Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник Русских дворянских фамилий. — Т. 1. — СПб., 1886. — С. 484—485.

³ Петров П. Н. История родов русского дворянства. — Т. 1. — СПб., 1885. — С. 216—222.

В 1677 г. Чермнева стану вотчина — сельцо, что была д. Садки а Верхнее тож на речке Обице, с пустошью Максимовской Мотовилово тож, и сельцо Ярцово — в записных, выписных приходных книгах написана за князем Никитою Семёновым сыном Урусовым, так как Ф. О. Лодыженский продал эту вотчину своему зятю. Князь Н. С. Урусов был записан владельцем этой вотчины уже при переписи 1678 г. При этом в сельце Садках находился двор вотчинников, 6 крестьянских дворов с 20 чел. и двор бобыльский с 4 чел.¹ В 1679 г. князь Н. С. Урусов получил боярский чин и на следующий год расширил владение: в 1680 г. приобрёл соседнюю вотчину, земля которой вклинивалась меж двух его селец: Садками и Ярцовом, — д. Коровкино, которой на тот момент владел Роман Мотов².

Решив построить в вотчине церковь, «во 194 (1686) г. февраля в 20 день, бил челом великому государю святейшему патриарху Иоакиму Московскому и всеа Руси боярин князь Никита Семёнович Урусов, чтобы святейший патриарх его пожаловал, благословил, велел ему в подмосковной его вотчине, в сельце Садках, построить церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы». Благословенная грамота боярину была дана, новая церковь через год была построена и освящена, и с мая 1687 г. человек боярина Урусова платил положенную дань 16 алтын 2 денги³.

Но церковь построили не в Садках, расположенных на правом берегу р. Обицы, а на левом берегу, где ещё при переписи 1646 г. (за 40 лет до того!) стояло сельцо Ярцово. Для него согласно правилам древних строителей, был выбран естественный мыс на водораздельной возвышенности между речкой Обитцей, устьем Ярцовского оврага и его нижнего правого отвершка, в котором были устроены усадебные пруды (сохранившиеся и ныне известные под названием

---

¹ Холмогоровы В. и Г. Указ. соч. — С. 152.

² Шеппинг Д. Указ. соч. — С. 30–32.

³ Холмогоровы В. и Г. Указ. соч. — С. 152.

Комаровские). На этом мысу в сельце Ярцове и построили Знаменскую церковь, а позже главный дом усадьбы.

Вот как её описал барон Шеппинг: «красуется посреди живописной, лесной местности барская усадьба села Знаменского, Садки тож, с большим каменным домом, фруктовыми оранжереями и небольшой домовою церковью изящного зодчества, относящейся к последним годам XVII в.»¹.

Так как в челобитной боярин Урусов просил поставить храм в сельце Садках, то после возведения храма именно это название закрепилось: с. Садки, хотя земля и строения Садков находились в другой даче, на другом — противоположном храму и появившейся рядом с ним усадьбе — берегу речки Обицы, естественной межи между землями двух селец — Садков и Ярцева.

Это название «село Садки» фиксировалось в переписях все время, пока им владели Урусовы.

Нужно сказать, что боярин князь Н. С. Урусов, построив церковь (вероятно, деревянную, хотя этих уточнений в документах не сохранилось), по духовному завещанию (1691 г.) отказал с. Садки своей второй жене Евфимии Григорьевне (†1694), дочери стольника князя Григория Фёдоровича Щербатова (†1672), и их детям князьям Ивану, Алексею, Фёдору, Якову, Семёну Урусовым.

К 1704 г. земли села были разделены на 2 половины между братьями Фёдором и Семёном Урусовыми, и у каждого владельца был вотчинников двор. Стольник князь Фёдор Никитин сын Урусов владел той половиной, где находилась новопостроенная церковь Знамения Пресвятой Богородицы, то есть бывшим сельцом Ярцовом на левом берегу Обицы. Ему же отошла при разделе припущенная к Ярцову в пашню (1646 г.) пустошь Максимовская, а Мотовилово тож, так как на лесистом Ярцовском овраге со многими отвершками пригодных для пашни земель было мало. На этой половине села стояло тогда 4 крестьянских двора.

---

¹ Шеппинг Д. Указ. соч.

А стольник князь Семён Никитин сын Урусов получил другую половину, где за плотиной с мельницей ещё стояла д. Садки и все хозяйственные постройки. В этой половине села было 5 крестьянских дворов.

Так как у обоих владельцев были крестьянские дворы, они «по указу великого государя» Петра I в 1703 г. построили поровну 6 постоянных дворов для проезжих людей у Большой Серпуховской дороги на месте д. Коровкиной. В постоянных дворах крестьяне несколько лет жили только зимним временем¹. А летом хлебопашествовали. Но постепенно к Серпуховской дороге переселились из Садков все крестьянские дворы — так на месте д. Коровкиной образовалась д. Битца.

После бездетного князя Фёдора Никитина сына Урусова с 1709 г. его половиной с. Садки владела его вдова Елена Александровна (†1731). А после её кончины владельцами с. Садков стали наследники Семёна Никитина сына Урусова (†1720) — его сыновья Василий и Михаил Семёновичи. Братья полюбовно разделили все имения, и с. Садки полностью отошло морского флота лейтенанту князю Василию Семёновичу Урусову и справлено за ним в 1734 г. — в селе дворовых людей 9 мужчин, 7 женщин, 15 крестьянских дворов (76 мужчин, 64 женщины)².

В 1750 г. Василий Семёнович Урусов продал за 7000 руб. с. Садки княжне Екатерине Ивановне Трубецкой³. Княжна Екатерина — дочь покойного генерал-фельдмаршала Ивана Юрьевича Трубецкого (Большого), соратника Петра I.

В Исповедных ведомостях с. Садков церкви Знамения Пресвятой Богородицы за 1750—1757 гг. записано происхождение княжны

---

¹ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Кн. 9816. — № 9, 10. — Л. 47—48; Кн. 9820. — № 8, 9. — Л. 87об.—91.

² РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Кн. 9902. — № 107. — Л. 145—145об.; ЦГА г. Москвы. — Ф. 203. — Оп. 747. — Ед. хр. 25. — № 54 (53). — Л. 609.

³ Шеппинг Д. Указ. соч.

Трубецкой (как видно, чтобы потомки и историки не путали её отца с князем Иваном Юрьевичем Трубецким Младшим, родным племянником Большого): «Реэстр Московского уезда Пехрянской десятины вотчины покойного Генерал-фельдмаршала и обоих российских орденов кавалера и сенатора князь Ивана Юрьевича Трубецкова дочери ево княжны Екатерины Ивановны Трубецкой села Сатков церкви Знамения Пресвятой Богородицы...»¹. Судя по этой записи, неясно, жила ли Екатерина Ивановна в с. Садках или только владела им. Как предполагает Шеппинг, при ней была построена каменная церковь Знамения Пресвятой Богородицы, взамен обветшавшей церкви, построенной князем Н. С. Урусовым. Владельцем с. Садков записан покойный Иван Юрьевич Трубецкой в Исповедных ведомостях 1750, 1754, 1755, 1757 гг. Вероятно, именно в эти годы могла быть построена каменная Знаменская церковь.

Княжна была старшей дочерью от второго брака князя И. Ю. Трубецкого (18 [28] июля 1667 г. — 16 [27] января 1750 г.) с Ириной Григорьевной Нарышкиной. Екатерина Ивановна (1692—?), выйдя замуж за шляхтича Антония Дунина-Скржинского, регента канцелярии Большой Печати великого княжества Литовского, вместе с ним поселилась в Речи Посполитой. Король Август III декретом от 3 января 1739 г. пожаловал ей многие земли в Литве, принадлежавшие некогда фамилии князей Трубецких. Будучи бездетна, некоторые свои вотчины (в частности, Чермнева стана с. Садки) она передала двоюродному брату — князю Дмитрию Юрьевичу Трубецкому, сыну князя Юрия Юрьевича Трубецкого и его жены вторым браком Ольги Ивановны Головиной.

Судя по ревизской сказке за 1773 г., при предыдущей переписи 1762 г. с. Садки значилось вотчиной его сиятельства лейб-гвардии капитана поручика князя Дмитрия Юрьевича Трубецкого и получило название Знаменское. Одновременно была впервые упомянута

¹ ЦГА г. Москвы. — Ф. 203. — Оп. 747. — Ед. хр. 169. — № 34. — Л. 349.

д. Обитца при большой Серпуховской дороге на левом берегу одноимённой речки. Но жившие в д. Обитце крестьяне учитывались вместе с селом — по третьей переписи 1762 г. в Знаменском состояло 91 душа мужского пола и 95 душ женского пола¹.

Во всех вышеупомянутых исповедных ведомостях — ещё при Екатерине Ивановне, а затем и в 1777 г. при Д. Ю. Трубецком, при одинаковом числе крестьян в с. Знаменском фиксируется 17 или 18 крестьянских дворов, без уточнения, где они размещены.

В 1755 г. пустошь Максимовская Мотовилово тож д. Садки межевщиком Подгорицким была примежевана в недостаток писцово́й дачи к с. Киову Чернева стану. И с тех пор эта пустошь д. Садки значилась в землях с. Киова.

Но поверенный служитель лейб-гвардии капитана поручика князь Дмитрия Юрьевича Трубецкого Архип Корягин, не согласный с этим отмежеванием, затеял спорное дело, которое разбиралось накануне Генерального межевания. В июле 1770 г. он подал землемеру первого класса капитану Виктору Назимову сведения о владениях князя Д. Ю. Трубецкого, которые документально подтвердили происхождение и размеры земель с. Знаменского.

«Сведения сколько в селе Знаменском и с деревнею с Абитцой за предписанным господином моим состоит по писцовым книгам писма и меры Федора Пушкина да Андрея Строева 134, 135, 136 годов пашенной земли и всяких угодий.

В селе Знаменском, что в писцовых книгах написано пустошь Ярцово, «пашни средние земли 51 четверть с осминою в поле, а в дву потому ж, что десятинами учинить — 77 дес. 600 кв. сажен; сена 50 копен, что учинить десятинами — 5 дес.; лесу десятинного — 6 дес. В деревне Обитце, что в писцовых книгах написано пустошь Коровкино Артемово тож, пашни средние земли 30 четвертей в поле, а в дву потому ж, что учинить десятинами 45 дес. Сена 45 копен, что учинить в десятинах 4 дес. 1200 кв. сажен;

---

¹ РГАДА. — Ф. 350. — Оп. 2. — Ед. хр. 1872. — Л. 1205.

леса десятинного 4 дес. Итого в селе Знаменском и с деревнею Обитцой пашни средние земли 81 четверть 4 четверика в поле, а в дву потому ж, что учинить десятинами — 122 дес. 600 кв. сажен; сена 95 копен, что учинить десятинами — 9 дес. 1200 кв. сажен; десятинного лесу — 10 дес.

Да сверх того, что следовать будет в силу межевых канцелярий и контор 5 главы 4 пункта на усадьбу считая на сто четвертей по 15 десятин на одно поле. Всего в селе Знаменском и с деревнею с Обитцой пашни и сена и десятинного лесу 141 дес. 1800 кв. сажен. К сему сведению поверенной служитель Архип Корягин руку приложил».

«Сведение сколько в деревне Сатках с пустошью Максимовскою за предписанным господином моим состоит по писцовым книгам писма и меры Федора Пушкина да Андрея Строева 134, 135, 136 годов пашенной земли и всяких угодий. В деревне Сатках пашни средней земли 88 четвертей с осминою в поле, а в дву потому ж, что учинить десятинами — 132 дес. 1800 кв. сажен; сена 100 копен, что учинить десятинами — 10 дес.; лесу десятинного — 10 дес. Да сверх того, что следовать будет в силу межевых канцелярий и контор 5 главы 4 пункта на усадьбу считая на 100 четвертей по 15 десятин на одно поле. В пустоши Максимовской пашни средние земли 12 четвертей с осминою в поле, а в дву потому ж, что учинить десятинами — 18 дес. 1800 кв. сажен; сена 15 копен, что учинить десятинами — 1 дес. 1200 кв. сажен; лесу десятинного — 6 дес. И всего в деревне Сатках и с пустошью Максимовской пашни и сена и десятинного лесу 179 десятин — к сему сведению поверенной служитель Архип Корягин руку приложил»¹.

Находка сведений, которые в июле 1770 г. представил землемерам Архип Корягин, после нескольких месяцев поиска, доставила нам огромную радость. Теперь можно было с уверенностью сказать краеведам, с которыми мы собрались в поход в 2018 г., что

¹ РГАДА. — Ф. 1320. — Оп. 2. — Ч. 1. — Ед. хр. 44. — Л. 40–41об.

Знаменский храм построили в сельце Ярцове, и село правильнее было назвать: Ярцово Знаменское тож. И д. Коровкина Романа Мотова, что стояла к западу от Серпуховской дороги, почти через 100 лет стала д. Битцы, позже Старые Битцы.

Нашлось в документах и описание полевой работы 1770 г. июня 11 дня на меже пустоши Максимовской, что на колодце, которая «в прежде бывшее генеральное межевание межевщиком Подгоричким в 1755 г. была примезевана в недостаток писцово́й дачи к селу Киеву из дачи пустошей деревни Садков»¹. И хоть, судя по описанию полевой работы, часть с. Києва, в том числе и п. Максимовскую, Д. Ю. Трубецкой приобрёл, и при начале полевой работы был записан владельцем дачи с. Києва, но пустошь Максимовская после 1755 г. так и осталась отмежеванной от д. Садки. А смежные с ней деревни Гаврикова и Высокая принадлежали лейб-гвардии секунд-ротмистру Ивану Иванову сыну Одоевскому. Несколько раз межа пересекала дороги, «что ездят из д. Садков в д. Высокую, Гаврикову, в сельцо Бачюрино».

Пустошь Максимовская привольно раскинулась по пологому склону левого берега Садковского оврага, по ней проходили дороги в д. Садки из д. Высокой и из сельца Бачюрина. Эти дороги и сейчас сохранились натоптанными тропами. А колодец не сохранился. Вероятнее всего, он был на вершине водораздельной возвышенности, и близ него возник позже Садковский бутовый карьер, остатки которого краеведы увидели на склоне, когда группа проходила по дороге, что прежде шла к сельцу Бачюрину.

Очень жаль, что при полевой работе 1770 г. никак не был назван фрагмент Старой Лукомской дороги, который является межей между пустошью Максимовской и землей с. Ясенева, нанесён на план Генерального межевания с. Ясенева и подписан: «Старая дорога называемая Лукомка». Группы краеведов Музея Зюзинской

---

¹ РГАДА. — Ф. 1320. — Оп. 2. — Ч. 1. — Ед. хр. 44. — Л. 160об.—167.

волости не раз проходили по нему в направлении на сельцо Бачюрино, где сегодня построены городские кварталы.

Землемер Виктор Назимов, сверяя старые межи перед Генеральным межеванием, составил в 1771 г. экономические примечания ко всем селениям, окрестным с с. Знаменским Садки тож. Они обширнее и детальнее, чем те, что были опубликованы. Поэтому приведем полностью те, в которых описаны сёла на р. Битце, — Знаменское Садки и Киево. Краеоведам, несомненно, они будут интересны.

Экономические примечания к с. Знаменскому Садки: «1771 году июля 14 дня первого класса землемер секунд-майор Виктор Назимов, приехав Московского уезду Чернева стану в дачу села Знаменского Садки тож и деревни Абиц лейб-гвардии за капитан-поручиком князь Дмитрием княж Юрьевым сыном Трубецкого, учинил следующее экономическое примечание:

Оное село расстоянием от Москвы в 20, а от большой Серпуховской дороги в правой стороне в полуверсте лежит по обе стороны речки Абицы, а принадлежащая к нему деревня Абица в расстоянии от села в полуверсте лежит на правой стороне большой Серпуховской дороги. Оная речка против того села в самых мелких местах в жаркое летнее время глубиною бывает в пол-аршина, шириною в три сажени, по ней судового ходу не имеется, да и впредь быть не может, потому что мелковата. В том селе церковь каменная Во имя Знамения Пресвятыя Богородицы, господской каменный дом со службами, при нём сад с плодовыми деревьями. Фабрик и заводов не имеется. Четыре пруда, в них и в речке рыба щуки, головли, язи, окуни и плотва. Вода в речке и прудах для употребления людей и скоту здорова. На речке Абице при селе Знаменском Садки тож состоит мушная мельница о трёх поставах, действие имеет во весь год. С неё оброку приходит помещику по 45 рублей, а в казну платится по рублю по шестидесяти копеек. Земли на помещика пашется по 15 десятин на крестьян по 30 десятин в поле, а в дву потому ж. Грунт земли суглинистой, ис посеенного на ней хлеба лучше

родится рожь и овес, а пшеница и прочий яровой хлеб средственно. Сенные покосы по речке Абице и по оврагам травую против других жительство не лучше. Лесу березового и осинового, который для строения судов и жжения поташу неспособен, а к строению годного в отрубе от 4 и до 5 вершков вышиною от 4 до 5 сажень довольно. В нём находятся звери и птицы обыкновенных здесь родов. Крестьян в реченном селе имеется 63 души. Состоят не на оброке, а исправляют господскую работу. Торгу они никакого не имеют, а промышляют хлебопашеством, к чему и радетьельны. Землю всю запахивают, а некоторые в Москве извозничают. А в деревне Битцах от постоянных дворов торгу в том селе ни в какое время не бывает. Женщины упражняются сверх полевой работы в рукоделии, прядут лен, шерсть и ткнут полотна и сукна для своего употребления, а не на продажу»¹.

Экономические примечания к с. Киеву: «1771 году июля 14 дня первого класса землемер секунд-майор Виктор Назимов, приехав Московского уезду Чернева стану в дачу села Киева действительного тайного советника и кавалера Якова Лукича Хитрова обще с лейб-гвардии капитан-поручиком князь Дмитрием князь Юрьевым сыном Трубецким, учинил следующее экономическое примечание. Оно село расстоянием от Москвы в 21, а от большой Серпуховской дороги в левой стороне в одной версте, лежит на берегу речки Абицы по течению её на правой стороне, она речка против того села в самых мелких местах в жаркое летнее время глубиною бывает в четверть аршина, шириною в три сажени, по ней судового ходу не имеется, да и впредь быть не может, потому что мелковата. В том селе церковь каменная Во имя святыя великомученицы Праскевы, два господских дома с службами, при них два сада: первой — регулярной, второй с плодовыми деревьями, с которого собираются плоды для господского обихода. Фабрик и заводов не имеется. Три пруда, в них и в речке рыба: щуки,

¹ РГАДА. — Ф. 1320. — Оп. 2. — Ч. 1. — Ед. хр. 44. — Л. 445—446.

головли, язи и окуни, вода для употребления людям и скоту здорова. На речке Абице состоит мушная мельница о трёх поставах, действие имеет во весь год. С неё оброку приходит помещику по 50 рублей, а в казну по рублю по шестидесяти копеек. Земли на помещиков пашется по 45 десятин по 90 десятин в поле, а в дву потому ж. Грунт земли суглинистой, ис посеенного на нём хлеба лучше родится рожь и овёс, а пшеница и прочий яровой хлеб средственно. Сенные покосы по речке Абице и по оврагам травую против других жительство не лучше. Лесу осинового, берёзового, которой для строения судов и жжения поташа неспособен, а к строению годного в отрубе от 4 и до 5 вершков вышиною от 4 до 5 сажен не без недостатка. В нём находятся звери и птицы обыкновенных здесь родов. В реченном селе имеется 41 душа, состоят не на оброке, а исправляют господскую работу. Торгу они никакого не имеют, а промышляют хлебопашеством, к чему и радетельны. Землю всю запахивают, а некоторые в Москве извозничают. Торгу в оном селе ни в какое время не бывает. Женщины упражняются сверх полевой работы в рукоделии, прядут лён, шерсть и ткут полотна и сукна для своего употребления, а не на продажу»¹.

При Генеральном межевании 1771 г. при владельце князе Д. Ю. Трубецком в документах впервые появилось и было опубликовано название сложившейся к тому времени д. Айбицы: «Под литерой З-12 владения князь Дмитрия Юрьева сына Трубецкого с выделенной церковной землей. Село Знаменское на левом берегу Айбицы и на правом берегу безымянного отвертка, церковь каменная Знамения Пресвятой Богородицы. Деревни: Садки — на правом берегу той же речки Айбицы и оврага Карцовского; Айбицы — на левом берегу означенной речки и при Большой Серпуховской дороге. Церковная земля на правом берегу вышеназванной речки Айбицы и по левой стороне оврага Карцовского. Земля глинистая, хлеб и покосы средственны, лес дровяной, крестьяне

¹ РГАДА. — Ф. 1320. — Оп. 2. — Ч. 1. — Ед. хр. 44. — Л. 372–373.

на пашне. В селе Знаменском и дер. Садках 17 крестьянских дворов (71 муж.+75 жен.), в деревне Айбицы 4 крестьянских двора (10 муж.+10 жен.) Под селениями — 13 дес. 12 кв. саж., пашни 135 дес. 2304 кв. саж., сенные покосы 46 дес. 721 кв. саж., лес 151 дес. 748 кв. саж., неудобья 11 дес. 1562 кв. саж., всего 359 дес. 752 кв. саж.»¹.

Как выше сказано, когда барон Шеппинг в середине XIX в. (примерно в 1860-х гг.) работал над книгой «Древний Сосенский стан», он не увидел д. Садки ни в реальности, ни даже в документах. 17 крестьянских дворов переместились в д. Битцы. И с. Знаменское без единого крестьянского двора даже нередко называли Знаменское Битцы. Впрочем, владелец Знаменского коллежский ассессор князь Николай Иванович Трубецкой, женившись в 1837 г. на графине Анне Андреевне Гудович, в начале 1840-х гг. уехал с женой из России, принял католичество и поселился во Франции. А в 1853 г. поставил деревню на Серпуховской дороге при урочище так называемой Качаловской рощи и всех крестьян из д. Битцы на Калужской дороге переселил в новую деревню, которую поначалу так и называли Новые Битцы². Но позже Николай Иванович наименовал её Аннино, в честь жены Анны Андреевны, урождённой Гудович.

Тем временем большая д. Садки запустела, а при новых владельцах (князьях Трубецких) и вовсе была упразднена, и даже забыта, как отметил барон Шеппинг.

Предысторию с. Знаменского Садки тож, возникшего на месте сельца Ярцова, первыми услышали 19 июня 2018 г. участники похода на Ярцовскую пустошь. Собралось более 20 чел. — к клубу краеведов присоединилась группа из ЦСО «Теплый Стан», включившего поход в программу «Активного долголетия».

---

¹ РГАДА. — Ф. 1355. — Оп. 1. — Ед. хр. 775. Описание г. Москвы и его уезда... — № 251. — Л. 72об.; Ф. 1354. — Оп. 256. — Ч. 1. — Л. 11об.

² ЦГА г. Москвы. — Ф. 51. — Оп. 8. — Ед. хр. 864 (2 ч.). — Л. 639.

Д. И. Гладков, инициатор похода на Комаровскую балку, показал в верховье Ярцовского оврага несколько загадочных площадок, окружённых валами. Потом прошли к другой площадке, окружённой по периметру траншеей, — это предполагаемое место тайных встреч и бесед, так называемый «эрмитаж» XIX в. «Эрмитаж» давно и поныне отмечается на картах (см. карту 2008 г.). Осмотрели высокий вал по периметру вокруг копаного пруда на древней дороге Лукомке, отмеченного в полевых тетрадах землемеров XVIII в., и рядом — накопительный пруд ясеневского родника № 27, воды которого стекают по малому отвершку в Ярцовской овраг.

На месте накопительного пруда родника ещё несколько лет назад была чаша средневекового пруда, в котором наблюдались эндемики флоры и фауны, исчезнувшие, когда пруд расширили жители окрестных городских микрорайонов, постоянно пользующиеся водами лесного родника.

Вдоль глубокого основного русла Ярцовского оврага идёт широкая прямая 2-километровая аллея к северному партеру Знаменской усадьбы, пересекающая по мосткам глубокие извилистые отвершки. По легенде, по этой аллее, соединявшей «эрмитаж» — для тайных встреч, с партером у северного фасада Знаменского усадебного дворца, прогуливалась императрица Екатерина II — Д. Ю. Трубецкой в июне 1787 г. (более 230 лет назад) принимал в Знаменском императрицу, возвращавшуюся из поездки на юг страны, и встречавших её внуков — великих князей Александра (будущего Александра I) и Константина Павловичей.

В нескольких местах в отвершках Ярцовского оврага сохранились валы старых плотин, благодаря которым в овраге образовывались пруды, и накапливалась вода.

Сохранились и большие поляны среди леса, где согласно сведениям археолога Н. А. Кренке, в исследованиях которого принимал участие Д. И. Гладков, могли быть селища местных жителей в древние времена.

Сейчас ручей в низовье основного русла почти не заметен, берега пологие, пересечь Ярцовской овраг не составило труда.

В конце маршрута тропа шла по окраине леса, где на границе с полями д. Битцы, что 4 века назад в долине Ярцовского оврага была д. Коровкино, сохранилась старинная дубрава.

Завершился маршрут у новой станции метро «Лесопарковая», на территории д. Старые Битцы, но с востока от старой Серпуховской дороги, там, где находилась вторая д. Битца, заселённая крестьянами д. Качаловой. При Д. Ю. Трубецком, владевшем и с. Знаменским с деревнями, и д. Качаловой, из двух деревень с названием Битца (в единственном числе), поставленных по обе стороны столбовой Большой Серпуховской дороги при пересечении ею р. Обитцы, возникла одна с названием во множественном числе Битцы (позже Старые Битцы).

На следующий, 2019 г. мы перенесли осмотр Комаровских — вернее, Ярцовских — прудов и полуострова, где была построена каменная Знаменская церковь (разобрана в 1929 г.), и расположен главный дом усадьбы.

**Из истории организации краеведческого музея
и краеведческого общества в поселке Ленино (Царицыно)
в 1920-е гг. (по материалам ЦГАМО,
ОР РГБ и частных архивов)**

Основным источником для изучения вопросов охраны памятников царицынского ансамбля и организации музея этого периода служат документы, отложившиеся в ЦГАМО в фондах Исполкома Московского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Московской губернии (Ф. 744) и Отдела народного образования Моссовета (МОНО; Ф. 966).

Разрушающиеся постройки царицынского ансамбля и подвергающийся вырубкам парк требовали принятия срочных мер к их сохранению. А для этого необходимо было, в том числе, и просвещение новых жителей поселка и огромного числа отдыхающих и экскурсантов, приезжающих сюда по выходным и праздникам. Базой для развертывания экскурсионной работы должен был стать краеведческий музей, музей местного края. И эти вопросы неоднократно возникали в повестке дня Ленинского волисполкома¹. В 1921 г. он постановил «организовать музей местного края и представить для означенной цели каменное помещение бывш. Крутовского², а точно также войти в комиссию организации музея члену исполкома тов. Шкулёву»³. Но к практическим шагам приступили через 2 года. В июне 1923 г. исполкомом было принято решение «возбудить ходатайство перед отделом музеев и охраны памятников старины и Московским Уездным Советом» по вопросу «об охране

---

¹ Царицыно в октябре 1918 г. было переименовано в Ленино.

² Ныне Первый кавалерский корпус.

³ ЦГАМО. — Ф. 744. — Оп. 1. — Д. 85. — Л. 131.

дворца и других памятников старины, находящихся на территории поселков, и об устройстве музея»¹.

Эту работу, несомненно, «подталкивало» и общественное движение местных жителей. Настоящим «движителем» этого процесса был сын местного священника, выпускник исторического факультета Московского университета Василий Владимирович Казанцев (1872—1943). Как он позднее описывал это в брошюре «Царицыно», воссозданное Общество благоустройства Царицына «решило взять на себя заботу о сохранении усадьбы и, как одно из звеньев в общей цепи мероприятий по ее воссозданию, задумало устроить музей, считаясь с тем, что по праздникам собирается в Царицыне до 10 тысяч приезжих... В целях урегулирования этого экскурсионного потока и его просвещения Общество и задумало устроить экскурсионную базу — музей, в котором были бы собраны главнейшие материалы по истории Царицына и который взял бы на себя самую охрану царицынских памятников»².

Но в 1925 г. Общество было закрыто. И все же именно этот год стал переломным в решении вопросов охраны памятников и открытия музея. Мешали созданию музея и объективные причины: не было подходящего помещения и «обжитой» (исторической, мемориальной) усадьбы, предметы быта которой могли бы стать основными экспонатами будущего музея. А кроме того, музеи, как правило, организовывались в городах, центрах уездов, в то время как поселок Ленино (Царицыно) был волостным центром.

В феврале 1925 г. Ленинским волисполком было решено совместно с Главнаукой Наркомпроса РСФСР выработать «план эксплуатации Царицынского парка на сезон 1925 г. и выявления всех мероприятий по охране парка и извлечение доходов»³.

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 744. — Оп. 1. — Д. 194. — Л. 95.

² Казанцев В. Царицыно. Краткие исторические сведения об усадьбе. Музейный п/отд. МОНО. — [М.], 1929. — С. 19—20.

³ ЦГАМО. — Ф. 744. — Оп. 1. — Д. 245. — Л. 43.

А в сентябре на основании декрета Совета народных комиссаров постройки Царицыно были переданы из Наркомпроса в ведение Музейного подотдела МОНО. В мае следующего, 1926 г., усадьбу осмотрели представители Музейного отдела Главнауки и МОНО В. А. Безобразов и архитектор Н. А. Пустаханов. В акте обследования они отмечали: «...в целях охраны исключительного памятника природы, наполненного и выдающимися по художеству памятниками русского зодчества, необходимо принять более широкие меры к его охране от разрушения... Принимая во внимание огромную посещаемость Царицынского парка (иногда до 30 000 чел. в праздничные дни) и то, что многие имеют желание ознакомиться с историей возникновения парка и, не имея руководителя, остаются неудовлетворенными в своей любознательности, желательно на месте организовать музей Царицыно. Материал иконографический для этого найдется, на месте и найдутся и музейные работники, которые с удовольствием возьмутся за эту работу»¹.

Вопрос о создании музея был решен, и осенью Главнаука утвердила для усадьбы-музея «Царицыно» штат: комендант и 2 сторожа². Заведующим музеем был назначен Василий Владимирович Казанцев.

В ноябре 1926 г. МОНО направляет в Президиум Моссовета акт осмотра царицынского ансамбля. В сопроводительном письме отмечалось, что «по приемке усадьбы МОНО уже принял ряд наиболее срочных мер к сохранению ее. Так: на отпущенные Президиумом средства оканчивается ремонт т. н. Давыдовского павильона³, где будет развернут музей “Царицыно”, собраны все ценные материалы и развернут Краеведческий Отдел. В усадьбе

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 4. — Д. 1030. — Л. 102.

² Там же. — Д. 1026. — Л. 19. Однако в феврале 1929 г. вторая ставка сторожа была упразднена «в связи с отсутствием экскурсионной работы по музею в зимнее время» (Там же. — Д. 2502. — Л. 6).

³ Ныне Третий кавалерский корпус (название от фамилии дореволюционных арендаторов — Давыдовых).

за короткий срок очищены от загрязнения ряд построек, и имеется план хозяйственной эксплуатации усадьбы... Но для этого необходимо установление ответственного руководителя всего дела и единого хозяина. Между тем сейчас усадьбой ведают МОНО, ВИК (волостной исполнительный комитет — Л. Е.), Лесничество-Рыболовн[ого] Отд[ела] НКЗема (Наркомзема — Л. Е.). В результате — хозяина нет, и усадьба стоит перед угрозой ее полной гибели... МОНО просит президиум передать все управление Царицыным (в границах фактического владения) в ведение МОНО. Организуемый в настоящее время музей в Царицыно явится началом культурно просветительной работы в усадьбе, а доходы от усадьбы дадут возможность положить начало и хозяйственному благоустройству “Царицыно”»¹.

20 июля 1927 г. музей был открыт для публики². Первые годы он работал только летом, а вход был бесплатным. Вот, как сам Казанцев в статье для «Московского краеведа» описал содержание экспозиции и первый год работы музея: «В историко-художественном отделе собраны старинные планы земель, усадьбы, портреты бывших владельцев, проекты застройки усадьбы Баженовым и Казаковым, гравюры, акварели и фотографии, рисующие Царицыно в различные эпохи ее существования и выясняющие постепенное изменение художественного облика усадьбы. Во всех комнатах расположена мебель второй половины 18 века, современная устройству архитектурных сооружений, вывезенная из Ленинградского музейного фонда и Голицынского музея³. Всех экспонатов в этом Отделе

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 11. — Д. 3450. — Л. 12–12об.

² Казанцев В. Царицыно. Краткие исторические сведения об усадьбе... — С. 20.

³ Голицынский музей — один из первых музеев западноевропейского искусства в России. Существовал в 1865–1886 гг. в усадьбе Голицыных на Волхонке. После его закрытия коллекция была куплена для Эрмитажа. Позднее, в 1920–1930-е гг., часть ее была передана (или продана) в другие музеи России и за рубеж.

музея свыше 200 №№. Краеведческий отдел открыт 5 августа 1928 года и состоит пока, главным образом, из диаграмм и картограмм, рисующих экономическое состояние Ленинской волости. Из событий в жизни музея следует отметить: а) уездную ягодную выставку, организованную МОЗО в стенах музея 5 августа, и раскопки курганов между парком и деревней Ореховой. Выставка, несмотря на дождливую погоду, привлекла до 5 тысяч посетителей и вызвала большой интерес у местных садоводов. Особенным вниманием пользовалась коллекция виктории (свыше 50 сортов), присланная Институтом прикладной ботаники в Ленинграде. Выдающиеся экземпляры ягод поступили в музей и заформалинены; в) Раскопки курганов 29 сентября силами учащихся местной железно-дорожной школы 2 ступени под руководством т.т. Евтюховой и Кривцовой (Исторический Музей). Раскопки дали очень ценные находки, относящиеся к 11 и 13 вв. нашей эры, принадлежащие, по-видимому, вятичам. Успеху краеведной работы музея препятствует отсутствие теплого помещения для работ сотрудников и задержка с оформлением местной общественной краеведческой организации»¹.

Тогда же упомянутая выше выставка садово-огородных культур была особо отмечена как наиболее ценный момент в лекционно-выставочной работе музеев Московской губернии за последние 1—2 года заведующим музейным подотделом И. Г. Клабуновским². Высоко была оценена им и активная деятельность Казанцева в целом: «С назначением Казанцева на должность заведующего музеем Музейный П/отдел МОНО возложил на него основную задачу — изыскание научных материалов и подготовка их к организации му-

---

¹ Казанцев В. В. Царицынский историко-художественный и краеведческий музей // Московский краевед. — 1928. — Вып. 7—8. Музейный. — С. 159.

² Клабуновский И. Г. Музейное строительство в Московской губернии // Там же. — С. 35.

зея, а также руководство экскурсионно-просветительской работой в музее. С этими основными задачами Казанцев справился вполне и стоял на высоте предъявленных ему требований. Им проведена большая работа по изучению московских архивов и древлехранилища, собран материал по истории Царицына и сдан для напечатания в виде путеводителя¹. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, собрано значительное количество объектов для музея и самый музей был целиком подготовлен к открытию. На Казанцеве в течение истекшего периода лежали сношения с различными государственными, общественными и научными организациями по добыванию материала и выяснению всех вопросов музейной работы. Им же проводились и проводятся многочисленные экскурсии, судя по записям в журнале музея, пользующиеся заметным успехом участников. Казанцевым положено твердое начало приведения в порядок и музейный вид всей территории Царицынского парка с его памятниками, посещаемыми 100-тысячной массой экскурсий. Казанцев по приглашению местных организаций читал лекции по предметам, состоящим близко к его сфере деятельности»².

Параллельно с созданием музея В. В. Казанцев занимался организацией при нем краеведческого кружка. История этого объединения до сих пор не привлекала внимание исследователей.

В январе—феврале 1928 г. было проведено 2 учредительных заседания, а 21 апреля в Московский уездный совет поступило заявление на регистрацию Ленинского районного краеведного кружка при Царицынском музее. Большинство членов-учредителей были учителями местных школ. В приложенном к заявлению проекте устава целью Кружка объявлялось «изучение волости во всех отношениях и со всех сторон и обложение собираемых материалов (описаний, музейных предметов и пр.) в форму, в которой они делались бы доступными для использования в общественных интересах...

---

¹ Казанцев В. Царицыно. Краткие исторические сведения об усадьбе...

² ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 4. — Д. 1030. — Л. 31.

Преследуя по существу цели одинаковые с Музеем, Кружок первоначально работает по его программе, пока дифференциация членов, уточнение и приспособление работы к силам кружка не потребует составления самостоятельной программы»¹.

В состав Кружка должны были входить выборные должностные лица, технические служащие исполкома, все работники просвещения волости, селькоры и юнкоры волости, члены ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ, граждане волости, изъявившие желание вести краеведческую работу. Члены Кружка делятся на группы по степени интереса к делу и проявленной активности: 1) на действительных краеведов; 2) краеведов-сотрудников; 3) сочувствующих краеведческому делу.

21 августа на заседании Ленинского волисполкома был заслушан доклад Казанцева о работе музея и создании краеведческого общества. Постановили: «1. Дальнейшее развитие производств[енных] сил, составление пятилетнего и генерального планов хозяйственного и культурного строительства волости невозможно без тщательного изучения Ленинской волости “как она есть”, в ее приходных (природных — Л. Е.) и экономических ресурсах, без изучения того, каким образом наиболее рационально провести реконструкцию ее хозяйственного и бытового уклада в соответствии с требованиями социалистического строительства. 2. Всю работу по изучению волости провести через “Краеведное Общество при Ленинском ВИКе”, создать которое на добровольных началах считать необходимым. 3. Для выработки проекта устава Краеведного Общества и его организации утвердить инициативное Бюро в составе следующих тт. Желтова, Тихомирова, Барановой, Кабанова (волстатистик) и Курбиткина. Председателем Бюро утвердить тов. Желтова. Поручить избранному Бюро не позднее 1-го октября подготовить все материалы к созданию Общества и созвать учредительное собрание такового. 4. Привлечь в члены корреспондентов Общества,

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 65. — Оп. 1. — Д. 342. — Л. 2об.—3.

находящихся на территории волости, все школы 1-й и 2-й ст., научные учреждения (Узкое, Бирюлево, с.-х. техникум и т. д.), все учреждения, с.-х. направления (агроучасток, ветучасток, совхозы и т. д.), все предприятия, крестьян-одиночек, о чем все учреждения и сельсоветы поставить в известность. 5. Все собрания Общества проводить в помещении Краеведного Отдела музея, а оформление результатов в экспозиции через Краеведный Отдел завода. 6. Комиссии в составе тт. Желтова, Казанцева и Тихомирова поручить в недельный срок подготовить практические предложения по работе музея и представить не позднее недельного срока на утверждение Пленума ВИКа»¹.

В начале октября Казанцев направляет запрос в Административный отдел МУСа: «Музей просит отдел не отказать в сообщении причин, на основании которых до сих пор не утвержден Краеведный кружок при Музее»².

21 октября было проведено учредительное собрание краеведного общества Ленинской волости в расширенном составе. Присутствовали: председатель волисполкома Желтов, зав. Ленинской районной школой (Красной) Тихомиров и учительницы Новосельская, заведующие «Бахрушинки», Покровской, Ясеновской, Битцевской, Марьинской, Перервинской, Братеевской школ, чл. Президиума Рабпроса Назарбаев и др.

С докладом о задачах общества краеведов выступил председатель волисполкома и председатель Бюро по созданию краеведного общества Желтов, отметивший «своевременность и необходимость постановки данного вопроса перед всей общественностью волости»³.

Однако в конце года В. В. Казанцев был обвинен в «приверженности к старой буржуазной исторической школе и непригодности к работе в новых условиях», снят с должности, но оставлен

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 744. — Оп. 1. — Д. 488. — Л. 193.

² Там же. — Ф. 65. — Оп. 1. — Д. 342. — Л. 34.

³ Там же. — Л. 62.

в музее научным сотрудником (до 1933 г.), хотя по-прежнему многие важные вопросы решал именно он.

Создание краеведного общества застопорилось. Не помогло даже то, что одним из организаторов кружка был Михаил Яковлевич Феноменов (1883—1944), заведующий Кабинетом краеведения, член Правления Общества изучения Московской губернии.

Сведений о регистрации кружка или отказе не удалось найти ни в материалах местного исполкома, ни в большом фонде Московского областного бюро краеведения, хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ; Ф. 177). Да и материалов, касающихся Царицынского музея, в нем практически нет, хотя музей, конечно, фигурирует в общем перечне краеведческих музеев. А отложившиеся в фонде документы Ленинского общества краеведения, связаны не с Ленино (Царицыно), а с г. Ленинском (быв. Талдомом). Более того, в 1932 г. в списке музеев, при которых не организовано бюро краеведения фигурирует «Ст. Ленино-Дачное, Курской жел. дор.»¹.

С 1 января 1929 г. заведующим музеем становится Константин Сергеевич Тихомиров (1897—?), заведовавший до этого Красной школой².

Между тем работа по сохранению ансамбля Царицыно продолжалась. Весной—летом 1929 г. под руководством Н. А. Пустаханова были проведены реставрационные работы парковых павильонов³. От музея работы курировал Казанцев⁴. Тогда же по инициативе заведующего музейным подотделом И. Г. Клабуновского в Царицыно были перевезены парковые скульптуры из имения Боде-Колычевых Лукино⁵. В сентябре комиссия,

---

¹ ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 12. — Д. 60. — Л. 19.

² ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 4. — Д. 2502. — Л. 1.

³ Там же. — Л. 4.

⁴ Там же. — Л. 2.

⁵ Там же. — Л. 19.

в состав которой входили Н. А. Пустаханов, Н. Д. Виноградов и В. В. Казанцев¹, приняла павильоны «Миловиды», «Нерастанкино», «Золотой сноп» и составила акт, согласно которому «реставрационные работы и установка скульптур во всех указанных беседках исполнены удовлетворительно и во всем согласно со стилем беседок»².

На следующий год музей стал называться Ленинский краеведческий музей садово-огородного района. Было проведено центральное отопление, вставлены в окна вторые рамы, в результате чего музей стал работать круглогодично. Вход в музей стал платным. Однако в 1931 г. Тихомирову пришлось уйти из музея. Его сменил Захар Эфграфович Кокошкинский.

С начала 1930-х гг. историко-художественная часть экспозиции практически перестала существовать. Значительная часть собранных В. В. Казанцевым материалов по XVIII—XIX вв. была передана в другие музеи, главным образом, в Калужский краеведческий музей и краеведческий музей в Истре. Музей был закрыт 11 июня 1937 г.³

Видеоряд по интересующей нас теме хранится в основном в личных архивах потомков царицынских жителей. В первую очередь, это относится к архиву семьи Казанцевых. Василий Владимирович сам любил фотографировать. В его семье хранится обширный, связанный с историей Царицына документальный комплекс, включающий как письменные источники, так и фотографии с конца XIX в. до 1970-х гг. Кроме семейных сюжетов, сохранились уникальные

---

¹ Тихомиров был в это время на курсах Главнауки.

² ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 4. — Д. 2502. — Л. 26.

³ О музее подробнее см.: *Езова Л. Д.* Краеведческий музей садово-огородного района // Памятники Отечества : альманах. — 2000. — № 45—46 (1—2). — С. 125—132; *Калинина С. Г.* Первый музей в Царицыне (Царицынский историко-художественный и краеведческий музей). 1927—1937 гг. Новые материалы // Русская усадьба : сборник Общества изучения русской усадьбы. — СПб., 2018. — Вып. 23 (39). — С. 8—15.

изображения залов музея, построек царицынского ансамбля, а также пересъемки гравюр и старинных фотографий для музейной экспозиции. Часть этого архива несколько лет назад была передана в ГМЗ «Царицыно».

Увидеть изменения, произошедшие в парке и парковых павильонах в результате реставрационных работ 1929 г., можно на фотографиях, весьма немногочисленных, из домашних архивов Ю. А. Жакова и А. Л. Гришунина, а также из коллекций В. В. Егорычева и Л. Г. Ереминой.

В музее-заповеднике «Царицыно» также имеется свой небольшой архив фотографий этого времени, в основном, копийный.

**Музеи в московских палатах Юсуповых
в Харитоньевском пер.
(1919—1927 гг.): архивные исследования**

Наименее изученным периодом в развитии старинных историко-культурных памятников в большинстве случаев является советская эпоха. В полной мере это относится и к дворцу Юсуповых в Москве, называемому также «палатами Волковых-Юсуповых» (Б. Харитоньевский пер., д. 21, стр. 4).

Данный памятник сам по себе изучен недостаточно. Кроме нескольких статей и докладов XIX — начала XX в., опубликованных исследований, специально посвященных московскому юсуповскому дому, нет. Имеются только отдельные фрагменты и разделы в популярных книгах и многочисленных веб-ресурсы. Но и там более-менее полная информация о «палатах Волковых-Юсуповых» относится лишь к дореволюционному периоду их истории, в то время как советская история памятника изложена путано.

Пишется о том, что после 1917 г. в юсуповском доме сначала размещались музеи: Военно-исторический, музей А. П. Чехова, иногда упоминается музей дворянского быта. С 1929 (или 1928 г.), как утверждается, во дворце располагалась Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), причем наряду с ней иногда называются и другие организации сельскохозяйственного профиля, размещавшиеся в здании. При этом не указывается, в какой последовательности занимали дворец все эти музеи и учреждения — одно вслед за другим или одновременно.

Особо серьезной проблема стала, когда юсуповский дворец был передан в подчинение музею-усадьбе «Архангельское» (для воссоздания в нем музея). Запущенное здание нуждается в серьезной

реставрации, однако для разработки ее проекта не хватает точной информации. Это побудило музей-усадьбу начать архивное исследование истории дворца и, прежде всего, советского ее периода (как наименее изученного). Результатами данного исследования мы и хотим поделиться.

На сегодняшний момент исследование проводится в 4 архивах: ГАРФ, хранилище на Бережковской наб. (документация Музейного отдела Наркомата просвещения РСФСР — Ф. 2307. Оп. 3); ОПИ ГИМ (документация Военно-исторического музея и Музея Старой Москвы — Ф. 137 и 402); ОР РГБ (документация Комиссии «Старая Москва» (Ф. 177) и фонд А. П. Чехова — Ф. 331) и РГАЭ (документация Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР — Ф. 7803).

В первые же дни исследовательской работы рухнула общая схема истории размещавшихся во дворце советских организаций, представленная в популярной литературе. Стало ясно, что советскую эпоху в жизни дома Юсуповых надо делить не на 2 периода (период музеев и период ВАСХНИЛ), а на 4. В 1-й период (конец 1917 г. — ноябрь 1918 г.) в юсуповском дворце размещалось консульство Великобритании; во 2-й (с июня 1919 г. до октября—ноября 1927 г.) — музеи системы Наркомпроса; в 3-й (с конца 1927 г./начала 1928 г. до октября 1936 г.) — научно-исследовательский институт, созданный А. В. Чаяновым и имевший в разные годы разные названия (до 1930 г. Научно-исследовательский институт сельско-хозяйственной экономики (НИИСХЭ), с 1931 г. — Всесоюзный научно-исследовательский совхозный институт или НИСИ), а в 4-й (с конца 1936 г. до середины 1990-х гг.) — Президиум ВАСХНИЛ). Мы остановимся только на втором периоде, условно названным нами «музейным» или «наркомпросовским».

Общая схема истории размещавшихся в 1920-х гг. в московском юсуповском дворце музеев выглядит, согласно архивным данным, следующим образом.

С июля 1919 г. до октября—ноября 1927 г. дворец в Б. Харитоньевском пер. занимало Хранилище Военно-исторического музея, преобразованное в начале 1922 г. в собственно Военно-исторический музей (ВИМ). До 1924 г. последний занимал весь дворец; с января 1924 г. до марта 1925 г. делил его помещения с Московским государственным музеем имени А. П. Чехова, а с марта 1925 г. до апреля 1926 г. — с Музеем Старой Москвы, размещавшимся во дворце в неразвернутом виде.

Военно-историческому музею посвящена статья Ф. А. Петрова и А. К. Афанасьева¹, однако в центре внимания ее авторов находится, прежде всего, собрание письменных источников из бывшего ВИМ, хранящееся ныне в Государственном Историческом музее (ГИМ). Об истории ВИМ как организации в статье говорится кратко, а о здании, в котором оно располагалось, упомянуто лишь вскользь. Специальных исследований, посвященных музею имени А. П. Чехова и музею Старой Москвы, выявить пока не удалось. Подробная история всех трех музеев в период их пребывания в московском юсуповском дворце прослеживается, таким образом, только на основании архивных документов.

Территорию бывшего юсуповского двора в Б. Харитоньевском Музейный отдел Наркомпроса получил по ордеру Жилищно-земельного отдела Моссовета за № 78539/3 от 16.11.1918 г. («путем реквизиции»)². До этого владение арендовалось у Юсуповых правительством Великобритании, разместившим во дворце свое консульство. Полноправным пользователем двора Наркомпрос стал лишь 27 июня 1919 г., когда заключил с Жилищно-земельным

¹ Петров Ф. А., Афанасьев А. К. Военно-исторический музей в Москве и его документальная коллекция (ОПИ ГИМ. Ф. 137) // Письменные источники в собрании ГИМ. — Ч. 3. Материалы по военной истории России / Труды Государственного Исторического музея. — Вып. 92. — М., 1997. — С. 7—83.

² ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 109. — Л. 5, 6; Д. 94. — Л. 48.

отделом договор об его аренде¹ (в конце 1918 г. — первой половине 1919 г. в истории дворца имел место переходный период, когда формальным его арендатором уже числился Наркомпрос, однако реально большую часть двора занимали различные организации и жилые квартиры частных лиц).

Только теперь Музейный отдел Наркомпроса получил возможность реально создать в бывшем юсуповском доме какую-либо музейную структуру, и таковой оказалось Хранилище Военно-исторического музея. Заметим: не сам ВИМ, а только его хранилище. ВИМ, призванный стать собранием экспонатов, отражающих историю русской армии до 1917 г., предстояло еще только создать. Для начала была создана Комиссия Военно-исторического музея при Музейном отделе Наркомпроса и упомянутое Хранилище² (чтобы было куда свозить и где хранить предназначенные для ВИМ экспонаты).

Возникает вопрос: почему в бывшем дворце Юсуповых было решено разместить именно Военно-исторический музей, а не какой-либо другой? Ведь связь дворца с российской армией выглядит весьма относительной.

Объясняется все, думаем, просто. В Музейном отделе Наркомпроса понимали: создавать единый общероссийский музей Старой армии, безусловно, нужно — хотя бы для того, чтобы хранить в нем многочисленные реликвии военно-исторического характера, рискующие в противном случае исчезнуть. Но где разместить данный музей? Да в любом здании, которое носит явно «музейный» характер, но не связано при этом с каким-либо историко-революционным событием или революционной персоналией (требующими создания специального музея). Юсуповский дворец был как раз «зданием, безусловно, музейного характера» (о чем было прямо сказано в заключении по результатам его обследования комиссией

---

¹ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 94. — Л. 29–29об.

² Там же. — Д. 196. — Л. 196.

ГИМ 30 мая 1924 г.¹). С революционными событиями или персоналиями он связан не был, что давало возможность разместить в нем любую музейную структуру.

Как бы то ни было, в июле 1919 г. в восточной части бывшего юсуповского дворца разместили Хранилище Военно-исторического музея, в которое сразу же начали свозить экспонаты бывших полковых военных музеев², а позже — перевезли экспонаты Музея войны 1812 г. и других хранилищ военно-исторических реликвий. Заведующим Хранилищем ВИМ в июле 1919 г. был назначен военный историк Петр Александрович Незнамов³. Тогда же (в июле 1919 г.) Наркомпрос начал борьбу за выселение с территории бывшего юсуповского двора (из конюшенно-гаражного комплекса) структур Отдела лечебных учреждений Наркомата здравоохранения РСФСР⁴ и Главного угольного комитета ВСНХ СССР (Главугля)⁵. К началу 1920 г. указанные организации территорию двора, видимо, освободили. Точно так же целый год пришлось терпеть в западной части дворца Комитет английской колонии в Москве, которому Наркомпрос сдал эту часть в субаренду (видимо, под нажимом Наркомата иностранных дел СССР) 1 июля 1919 г. сроком до 1 июля 1920 г.⁶

2 января 1921 г. на заседании Комиссии Президиума ВЦИК по разгрузке г. Москвы было принято постановление оставить Хранилище ВИМ в столице, в занимаемом им помещении (то есть в юсуповском дворце). При этом постановление рекомендовало

¹ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 189. — Л. 92–92об., 87–87об.

² Там же. — Д. 196. — Л. 196; Д. 94. — Л. 53; ОПИ ГИМ. — Ф. 137. — Л. 116.

³ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 94. — Л. 53.

⁴ Там же. — Л. 14, 20, 30–34, 36, 38–39, 41, 45–45об.

⁵ Там же. — Л. 24, 40, 46.

⁶ Там же. — Л. 28–28об.

Наркомпросу «преобразовать означенное помещение из складочного места в Музей»¹. Во исполнение данного постановления в начале 1922 г. (между январем и июнем) Хранилище ВИМ было преобразовано в Военно-исторический музей².

Заведующие в новом музее менялись в начале 1920-х гг. довольно часто. Вместо ушедшего на повышение П. А. Незнамова новым главой ВИМ был назначен в августе 1922 г. В. Е. Стасевич³. Вскоре, однако, вскрылись его хозяйственные «упущения»⁴, и заведующий был вынужден написать заявление об уходе⁵. После долгих перипетий новым руководителем ВИМ был назначен 15 мая 1923 г. кадровый военный, сотрудник Генерального Штаба Б. И. Пересвет⁶. При нем Военно-исторический музей, наконец, был открыт для публики (29 сентября 1923 г.⁷) и представил экспозицию в 12 залах⁸, причем новый музей вызвал явный интерес посетителей. В то же время именно при Б. И. Пересвете ВИМу пришлось потесниться, уступив часть комнат дворца Музею имени А. П. Чехова.

Московский музей Антона Павловича первоначально был создан в 1912 г. в виде особой «Чеховской комнаты» при библиотеке Румянцевского музея⁹. Решение о создании отдельного чеховского музея (не на основе «Чеховской комнаты», а в дополнение к ней) было принято в 1921 г., однако фактически он был создан лишь

---

¹ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 94. — Л. 107; Д. 109. — Л. 10, 11.

² ОПИ ГИМ. — Ф. 137. — Л. 142.

³ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 196. — Л. 161, 142.

⁴ Там же. — Л. 95.

⁵ Там же. — Л. 93.

⁶ Там же. — Л. 55, 60.

⁷ ОПИ ГИМ. — Ф. 137. — Д. 38. — Л. 42.

⁸ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 196. — Л. 16.

⁹ Там же. — Д. 235. — Л. 62, 64, 66.

в 1922 г.¹ Полным официальным названием данной структуры со временем стало «Московский государственный музей имени А. П. Чехова», а его заведующим с самого начала и вплоть до ликвидации был Евгений Эмильевич Лейтнеккер (писатель и литературовед).

Сначала музей Чехова размещался вместе со 2-м Государственным музеем западной живописи в здании бывшего морозовского особняка на ул. Пречистенке, д. 21 (ныне там размещается Президиум и выставочный зал Российской академии художеств), занимая в нем только 3 комнаты². Е. Э. Лейтнеккер добивался выделения своему детищу более значительной площади. Отдельного здания чеховскому музею не дали, однако осенью 1923 г. решили перевести его из здания на Пречистенке в бывший дом Юсуповых.

Документов, проливающих свет на причины столь странного решения (к Юсуповым и их московскому дворцу А. П. Чехов никогда не имел никакого отношения), обнаружить пока не удалось. Скорее всего, причины были чисто чиновничьими: решить проблему с помещением для одной организации (хотя бы на время) за счет уплотнения другой.

Б. И. Пересвет, судя по всему, всячески сопротивлялся уплотнению, затягивая освобождение предназначенных для чеховского музея комнат. После долгой и тяжелой переписки обоих музеев с Музейным отделом³, заведующий ВИМ, наконец, подчинился, и 4 января 1924 г. экспонаты Музея имени А. П. Чехова были перевезены в юсуповский дворец⁴. Судя по докладной записке

---

¹ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 235. — Л. 63об, 65, 66об.

² Там же.

³ Там же. — Д. 196. — Л. 17, 18; Д. 189. — Л. 89, 90; Д. 235. — Л. 12, 20, 41—41об.

⁴ Там же. — Д. 196. — Л. 198.

Е. Э. Лейтнеккера в Музейный отдел от 24 ноября 1923 г., музей писателя разместился на 3-м этаже западной половины дворца¹ в 4-х или 5-ти комнатах. Петр Николаевич Миллер в своей докладной записке в ГИМ начала 1925 г. уточняет, что это были комнаты, «обращенные на юг»². В этих помещениях чеховский музей располагался больше года, пока не был вывезен из юсуповского дома. Реально функционировать на новом месте, принимая посетителей, он начал с лета 1924 г.³

Деятельность заведующего ВИМ вызывала тем временем все больше и больше нареканий. Властный военный Б. И. Пересвет заботился, прежде всего, о поддержании дисциплины, а собственно музейную работу запустил. В конечном счете, пришлось заменить его на посту заведующего К. В. Марковым (в апреле—мае 1924 г.)⁴. Именно ему суждено было стать последним руководителем ВИМ. 16 апреля 1924 г. ВИМ был временно закрыт для посещения из-за приемки его имущества новым заведующим⁵, причем период закрытия затянулся почти на год. Статус музея тем временем понизился: в мае 1924 г. из отдельного, самостоятельного учреждения он стал филиалом Российского исторического музея (РИМ, ныне ГИМ)⁶. Вскоре и вовсе решено было вывезти его из юсуповского дворца.

На заседании Музейного отдела Наркомпроса 2 июня 1924 г. «по вопросу об условиях передачи Военно-исторического музея в ведение Российского Исторического музея» было принято постановление, в котором говорилось: «Признать помещение б. юсуповского дома

---

¹ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 235. — Л. 41.

² ОПИ ГИМ. — Ф. 402. — Д. 3. — Л. 6.

³ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 235. — Л. 1.

⁴ Там же. — Д. 196. — Л. 1.

⁵ ОПИ ГИМ. — Ф. 137. — Д. 38. — Л. 42.

⁶ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 87. — Л. 23, 25, 28об., 31.

не подходящим для рационального размещения военно-исторического материала, но в виду большой ценности с точки зрения историко-архитектурного посещения Военно-исторического музея считать наиболее целесообразным использование его в ближайшем будущем под так называемый Музей Старой Москвы...». Экспонаты ВИМ предписывалось вывезти в основное здание РИМ на Красной площади, но только после того, как будут освобождены «помещения б. Губ. правления» (то есть здание будущего Музея В. И. Ленина)¹.

Поскольку указанное здание РИМ передано не было, вывоз на Красную площадь экспонатов ВИМ к 1925 г. приостановился. Военно-историческому музею даже позволили вновь открыться для посещения публики, что и произошло 7 марта 1925 г.² Однако в тот же самый день ситуация снова резко изменилась.

Еще 16 февраля 1925 г. было принято постановление Президиума ВЦИК о выводе из Кремля Центральных реставрационных мастерских. Не имеющему лишних площадей Наркомпросу предстояло где-то их разместить. Выход нашли, как всегда, в уплотнении. Согласно постановлению Музейного отдела Наркомпроса от 07.03.1925 г. «О перегруппировке музеев»³, мастерские надлежало разместить в здании бывшего Московского археологического общества на Берсеневской наб. (палаты Аверкия Кириллова); занимающие его прежде подразделения РИМ выводились на Красную площадь, жилые квартиры — в Новодевичий и Донской монастыри, а некий Северо-Кавказский комитет следовало переместить в Юсуповский дворец. Туда же переводился из основного здания РИМ Музей Старой Москвы, а Музей имени А. П. Чехова, наоборот, — перевозился из дома Юсуповых в комплекс зданий Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, созданной на основе бывшей Румянцевской библиотеки. Прежде самостоятельный

¹ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 94. — Л. 86—86об.

² ОПИ ГИМ. — Ф. 137. — Д. 38. — Л. 42, 23.

³ Там же. — Ф. 402. — Д. 4. — Л. 239, 240.

Музей имени А. П. Чехова объединялся теперь с «Чеховской комнатой» бывшего Румянцевского музея и становился отделением (филиалом) «Ленинки». На этом, собственно, и закончилась его история как отдельной музейной организации (к началу 1930-х гг. чеховский отдел почти полностью растворился в фондах библиотеки). ВИМ также предписывалось свернуть и постепенно вывезти его экспонаты в здание РИМ на Красной площади.

Музей Старой Москвы, хоть и был связан с Комиссией «Старая Москва» (руководителем и того, и другой был П. Н. Миллер), однако тождественен ей не был. Создан этот музей был еще в 1920 г.¹ и размещался сначала в здании бывшего Английского клуба на ул. Тверской, д. 59². Оттуда его «выжил» весной 1923 г.³ образованный в начале этого же года в этом же здании Историко-революционный музей (будущий Музей Революции). Комиссия «Старая Москва» стала отделением (филиалом) РИМ⁴ и перевезла свои экспонаты в его здание на Красной площади. Именно там мы и застаем их к августу 1924 г. в свернутом виде (занимали одну комнату и частично были разбросаны по разным кладовым⁵). Именно оттуда их начали перевозить в марте 1925 г. в юсуповский дворец, завершив перемещение лишь в первой половине июля⁶. ВИМ тем временем тоже активно паковался, готовясь к переезду на Красную площадь. В суматохе сборов случайно нашли 7 апреля 1925 г. тайник под лестницей с драгоценностями, сделанный бывшими хозяевами дома⁷, однако находку сразу же конфисковало ОГПУ.

---

¹ ГАРФ. — Ф. 2307. — Оп. 3. — Д. 219. — Л. 3—10.

² Там же. — Д. 100. — Л. 2, 3.

³ Там же. — Д. 219. — Л. 28—28об.; Д. 100. — Л. 60—63.

⁴ Там же. — Л. 79, 75—76.

⁵ ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 1. — Д. 14. — Л. 6.

⁶ ОПИ ГИМ. — Ф. 402. — Д. 3. — Л. 390.

⁷ «25 % из Юсуповских ценностей мне крайне нужны» // Источник. Документы русской истории. — 2000. — №5. — С. 89—95.

В юсуповском дворце Музей Старой Москвы занял 4 комнаты¹ на 2-м этаже западной половины — зимний сад и 3 комнаты к западу от него, на южной стороне здания². Одна из комнат 2-го этажа западной части стала при этом жилой квартирой П. Н. Миллера³. Скорее всего, это была угловая юго-западная комната с примыкающей к ней с севера маленькой каморкой. Помещения 3-го этажа западной половины (где располагался когда-то Музей А. П. Чехова) были исключены в марте 1925 г. из числа музейных помещений⁴. Там разместились жилые квартиры сотрудников Наркомпроса.

Из-за недостатка помещений Музей Старой Москвы не смог развернуть свои коллекции в полноценную экспозицию. Они так и остались в коробках и связках, и подобное положение сохранялось почти год. Тем временем понизился и статус хранилища. 4 декабря 1925 г. на заседании Правления ГИМ было постановлено: «Сообщить отделу ГИМ “Старая Москва”, что в установленном от 3.IV.1925 г. ст. 95 списке музеев СССР музей “Старая Москва” не числится...»⁵. Музей «Старая Москва» как филиал ГИМ был преобразован тем самым в обычный его отдел.

Весной 1926 г. ситуация опять перевернулась. В рамках подготовки к празднованию в следующем году 10-летия Великого Октября, 29 марта 1926 г. Правление ГИМ приняло решение «о развешивании в самом срочном порядке» выставки, посвященной Первой мировой войне (как событию, непосредственно приведшему к революции). Выставка устраивалась в формате расширения экспозиции ВИМ, а чтобы получить необходимые площади, решено было «перевезти в ГИМ Отдел “Старой Москвы” и распределить его

¹ ОПИ ГИМ. — Ф. 402. — Д. 3. — Л. 390.

² Там же. — Ф. 137. — Д. 43. — Л. 144.

³ Там же. — Д. 38. — Л. 33об.

⁴ Там же. — Ф. 402. — Д. 4. — Л. 220об., 219об., 221об.

⁵ ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 2. — Д. 28. — Л. 5, 9об.

материалы по соответствующим отделам»¹. Во исполнение данного постановления отдел «Старая Москва» освободил 21–24 апреля 1926 г. 3 из 4 своих комнат в юсуповском дворце, а к 10 июля — четвертую². Вывезенные на Красную площадь его экспонаты были распределены к концу 1927 г. между различными отделами ГИМ³, и бывший музей окончательно прекратил свое существование.

Для ВИМ, казалось бы, наступил «звездный час». Его снова развернули в полном объеме и даже расширили экспозицию (в середине и второй половине 1926 г. она снова включала в себя 12 залов)⁴. Однако, невзирая на приближающийся юбилей, по неизвестным пока причинам в конце года вновь возник вопрос о вывозе ВИМ в основное здание ГИМ на Красной площади. На этот раз намерение было доведено до конца.

20 декабря 1926 г. Коллегия Главнауки Наркомпроса приняла постановление, признающее «необходимым слияние Военно-историч. музея с Историческим»⁵. 29 декабря 1926 г. Главнаука предписала руководству ГИМ «приступить к свертыванию коллекций названного музея (ВИМ — А. П.) с тем, чтобы помещения Военно-исторического музея были освобождены в месячный срок»⁶. Какой организации должен быть передан освобождаемый юсуповский дом не говорилось, однако к концу июля 1927 г. было уже точно известно, что дворец передается НИИСХЭ, возглавляемому А. В. Чайновым⁷. После долгих споров о передаваемом движимом имуществе 1 октября 1927 г. НИИСХЭ вступил во

---

¹ ОПИ ГИМ. — Ф. 137. — Д. 38. — Л. 20.

² Там же. — Л. 40.

³ Там же. — Ф. 402. — Д. 6. — Л. 1–3об.

⁴ *Арендт В.* Военно-исторический музей в Москве. — М., 1926. — С. 3–7.

⁵ ОПИ ГИМ. — Ф. 137. — Д. 38. — Л. 112.

⁶ Там же. — Л. 115.

⁷ Там же. — Д. 43. — Л. 1.

владение дворцом в финансовом плане, а 30 ноября 1927 г. были подписаны и вручены обеим сторонам акты о передаче ГИМом бывшего владения Юсуповых Институту сельхозэкономии¹. Тогда же (в октябре—ноябре 1927 г.) был завершен и практический вывоз экспонатов ВИМ на Красную площадь. Там коллекции Военно-исторического музея постигла та же судьба, какая до этого постигла коллекции «Старой Москвы» — они были распределены между отделами ГИМа, и ВИМ прекратил свое существование. Вместе с ним закончился и «музейный» период в истории московского юсуповского дворца.

Какие же выводы можно сделать на основании изученного материала? Что дает нам архивное изучение раннесоветской истории палат Волковых-Юсуповых?

На примере бывшего юсуповского дома мы, прежде всего, видим, что с одной стороны, молодое советское государство понимало необходимость охраны памятников истории и культуры, в том числе бывших аристократических особняков, но с другой стороны, не имело продуманной и четкой концепции использования данных объектов в новых исторических условиях. Именно этим объясняется непоследовательность, субъективизм и случайный характер решений о судьбе дворца в Харитоньевском пер. (как и о судьбе других памятников истории и культуры).

Если некоторые историко-культурные памятники остались при таком подходе объектами музейного показа, то для московского юсуповского дворца субъективизм решений руководства оказался роковым — здание изъяли из числа музейных объектов, передав в 1927 г. организации, мало соответствующей бывшему аристократическому дворцу по характеру деятельности — Институту сельскохозяйственной экономики. Это решение почти на 70 лет определило сельскохозяйственный профиль занимающих дворец организаций, закрыв тем самым доступ к нему общественности.

---

¹ ОПИ ГИМ. — Ф. 137. — Д. 43. — Л. 28.

Что же касается чисто музейной тематики, то и здесь изучение раннесоветской истории юсуповского дворца приводит к сходным выводам.

С одной стороны, мы видим понимание руководством Наркомпроса необходимости создавать и поддерживать музеи, отражающие историю и культуру всей страны в целом, а не одни только «революционные» события и явления. Именно поэтому в бывшем доме Юсуповых оказались и ВИМ (музей старой, «царской» армии), и Музей А. П. Чехова, и Музей Старой Москвы. В то же время, при возникновении любой конкурентной ситуации «идеологически ориентированные» музеи всегда одерживали верх над музеями, отражающими жизнь «старорежимной» России. Так Историко-революционный музей выжил из здания бывшего Английского клуба Музей Старой Москвы, а позже последний был вовсе уничтожен созданием к 10-летию Октября выставки, посвященной Первой мировой войне.

Пример юсуповского дворца показывает и наличие интереса к посещению музеев в годы нэпа со стороны публики (несмотря на открытие ВИМ лишь 2 раза в неделю и стремление руководства сделать посещение только групповым).

В целом, однако, пример музеев в Б. Харитоньевском пер. выявляет больше проблем и болевых точек раннесоветского музейного строительства, нежели положительных его аспектов. Прежде всего, поражает случайный характер выбора помещений для размещения того или иного музея. В юсуповском дворце только Музей Старой Москвы был явно «к месту», но именно он один так и не был развернут в полноценную экспозицию. Реально же функционировавшие во дворце ВИМ и Музей А. П. Чехова по существу не имели с данным памятником никакой тематической связи.

Таким же случайным, хаотическим и субъективным было и управление созданными музеями. Решения об их судьбе определялись зачастую чисто внешними факторами и, прежде всего, — наличием или отсутствием у Наркомпроса свободных

площадей. Любая неожиданно появляющаяся потребность в помещениях решалась не «выбиванием» у вышестоящих властей новых площадей, а перетасовыванием, подобно картам, организаций в уже имеющихся зданиях. В юсуповском дворце это привело в 1924—1926 гг. к настоящей «чехарде музеев», когда один музей завозил во дворец свои экспонаты, другой — свертывался, а через несколько месяцев все переигрывалось обратно (и так несколько раз).

Образно и емко охарактеризовал эту ситуацию для ВИМ его научный сотрудник В. А. Ермолов в своей справке от 30 декабря 1926 г.: «Музей свернуть», «Музей развернуть», то и дело раздавались распоряжения и приказы. Он свертывался и развертывался. В спешке перепутывались коллекции, терялись паспорта отдельных предметов»¹. И эта «чехарда» касалась не только ВИМ, но в полной мере затронула и другие музеи юсуповского дворца.

Самое же главное, субъективизм решений и организационная непоследовательность привели, в конечном счете, к полной ликвидации всех трех размещавшихся в юсуповском доме музеев. Слитые с музеями более крупными, они фактически перестали существовать как отдельные хранилища. Это, в свою очередь, негативно отразилось как на судьбе музейных экспонатов, так и на судьбах людей, вложивших в указанные музеи свои силы и энергию.

Ярко проявились в юсуповском дворце болевые точки и самой музейной работы. Прежде всего, это нехватка профессиональных музейных кадров, что во многом было связано со слабой материальной обеспеченностью их труда. Недостаток же профессионализма зачастую приводил к непониманию специфики музейной работы, что еще более усиливало создаваемую руководством неразбериху. Архивные документы свидетельствуют, что кражи, недостачи, финансово-имущественные злоупотребления или упущения были обычным делом для ВИМ.

¹ ОПИ ГИМ. — Ф. 137. — Д. 38. — Л. 116.

История музеев в бывшем доме Юсуповых показывает, таким образом, каким «комом» вышел «первый блин» новой серьезной работы — музейного строительства в молодом советском государстве. Важно, однако, помнить, что, в конечном счете, масштаб и уровень музейной деятельности в нашей стране значительно вырос, и сейчас российские музеи (многие из которых превратились в крупные научные центры) с успехом решают поставленные перед ними задачи (в том числе, возрождения историко-культурных памятников, пострадавших в свое время, подобно московскому юсуповскому дворцу, от нецелевого использования). Ошибки же и упущения, допущенные в музейном строительстве «эпохи экспериментов», служат в этом деле полезным и поучительным уроком.

Значение архивных документов Московского областного комитета Красного Креста для краеведческого изучения Москвы и Подмоскovie (1932–1984 гг.)

Одной из основных задач краеведения как исторической дисциплины является открытие и введение в научный оборот неопубликованных архивных источников. Именно архивные документы воскрешают память о прошлом, дают возможность окунуться в таинственные загадки пережитых народом событий, воскресить и реконструировать жизнь людей предшествующих эпох. Намеченная тенденция в исторической науке, направленная на изучение истории повседневности, дает исследователю-краеведу возможность воссоздать историческую мозаику прошедших событий с помощью изучения старейших организаций, активно участвующих в общественной жизни страны и региона.

В Московском областном архивном центре (МОАЦ) представлен комплекс архивных документов общественных организаций, деятельность которых связана с советским периодом существования нашего государства. Одной из таких организаций является Московский областной комитет общества Красного Креста (МОК). Свою деятельность МОК начинает с 1927 г. На постоянном хранении в МОАЦ находятся его документальные материалы 1932–1984 гг.

Предвоенный период работы Комитета характеризуется становлением его организационной структуры, которая трансформировалась в течение всего периода существования МОК. Три отдела функционировали на постоянной основе: управление делами, финансово-плановый отдел и организационно-массовый отдел. Благодаря накопленной документальной базе этих отделов, можно проанализировать работу МОК за 1932–1984 гг.

1934 г. ознаменовался официальным принятием Советского Красного Креста в Международную Лигу Обществ Красного

Креста и Красного Полумесяца. Анализируя источники, необходимо отметить, что именно с этого момента главным направлением работы МОК становится организация санитарной обороны, которая характеризуется сочетанием задач подготовки широких трудящихся масс к обороне страны с задачами санитарно-культурного строительства и высокой политической сознательностью. С этой целью проводится обучение взрослого населения и школьников по программам «Готов к санитарной обороне» (ГСО), а также «Будь готов к санитарной обороне». Другим направлением работы в Московском регионе становится «гражданское строительство», которое прививает населению новые культурные ценности, формирует новый быт. По Московской области и Москве организуются бани и парикмахерские, устраиваются лечебницы, ликвидируется санитарная неграмотность населения.

В 1938 г. в СССР наступает первый год третьей пятилетки, и МОК в своей работе ставит амбициозную задачу: собрать под своим началом 350 тыс. чел. по Москве и Московской области, подготовить в течение года 700 тыс. чел. по специальной программе — оказание первой помощи пострадавшим при воздушном нападении, довести число санитарных дружин по Москве до 28, по области до 8, а также перестроить их работу по новой программе. С марта 1938 г., работа МОК расширяется, так как звено санитарной авиации полностью переходит в ведение Комитета¹.

Решение февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б), в основу которого был положен доклад И. В. Сталина, ставит ребром вопрос о кадрах. В ходе проведенных проверок и в результате учета всего руководящего состава Исполнительного комитета МОК органами Народного комиссариата внутренних дел в качестве неблагонадежных элементов, было выявлено 17 чел. За связь с сыном врага народа, а также за невыполнение постановления о санитарно-оборонных мероприятиях исключены из партии и отстранены от

---

¹ МОАЦ. — Ф. 712. — Оп. 1. — Д. 46. — Л. 2—14.

руководящей должности председатель Комитета Е. А. Аснис и ее заместитель Е. А. Якубович.

После отстранения от председательства Е. А. Аснис, Комитет возглавляет товарищ Смирнов. Мобилизуя все силы красно-крестного движения и выполняя обязательства перед государством, Комитет в результате кропотливой работы с населением создает красно-крестные организации в 48 районах Московской области из 53, широко разворачивается работа с призывниками и донорством.

В преддверии Великой Отечественной войны, на XVIII съезде ВКП(б) на деятельность Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП), обращает внимание К. Е. Ворошилов: «У нас имеются такие оборонные организации, как РОКК и Общество Красного Полумесяца... Вместе с тем, их работа была неплохой в свое время и может стать важной и хорошей, если парторганизации на местах, хоть изредка, будут уделять им немного внимания»¹.

Документы за годы Великой Отечественной войны представлены не полностью, однако, опираясь на информацию из сохранившихся источников, можно оценить результаты работы Комитета. Задачами МОК в соответствии со спецификой военного времени становились: помощь санитарной службе Красной Армии и органам здравоохранения в организации обслуживания раненных и больных бойцов, проведение санитарно-профилактических мероприятий, особенно в районах, освобожденных от оккупации, усиление оперативной работы в системе противовоздушной обороны².

Однако проводимая работа, как первичными организациями, так и самим Комитетом, оказалась намного шире и разнообразней заявленной.

В тяжелый 1942 г. боевые дружинницы и активистки красно-крестной работы занимаются сбором подарков для бойцов Красной Армии. В общем горе и желании помочь фронту объединяются

---

¹ МОАЦ. — Ф. 712. — Оп. 1. — Д. 58.

² Там же. — Д. 116.

жители большинства районов Московской области. В документах находит отражение благодарность солдат за проявленную чуткость и понимание: «Ваши подарки, тесная связь с нами обязуют нас к усилению борьбы с фашистскими захватчиками. Тыл нашей армии крепкий, как никогда тыл и армия едины, в этом наша великая непобедимая сила».

Бойцы и командиры 28-й танковой бригады сердечно благодарили медсестер и дружинниц Серпуховского, Кунцевского, Мытищинского и других районов: «Дорогие девушки, мы призываем вас работать не покладая рук, напрячь все силы и помочь нашей доблестной Красной Армии в разгроме врага. Нам нужны высококвалифицированные кадры санитарных дружинниц и медицинских сестер, которые своими умелыми, материнскими руками и заботливым уходом, быстрее возвращали бы в строй раненных бойцов и командиров»¹.

Зверства, которые учиняли фашисты, повсеместно оставляли большое число детей-сирот. Реализуя лозунг «В СССР НЕТ СИРОТ», тысячи патриотов берут на воспитание детей, потерявших своих родителей, проводят сбор вещей, денежных средств, оказывают помощь детским домам и интернатам в порядке шефства. Не остаются в стороне и городские комитеты Красного Креста: Пушкинский комитет Красного Креста организует шефство над детскими домами, дружинницы-активистки Орехово-Зуевского комитета берут на воспитание детей из детских домов и проводят предупреждающие мероприятия против распространения инфекционных заболеваний среди них.

По неполным данным в 1942 г., активистками Красного Креста и Красного Полумесяца было произведено обследование санитарного состояния около 1 млн квартир, общежитий и дворов, 50 тыс. колодцев, 20 тыс. бань².

---

¹ МОАЦ. — Ф. 712. — Оп. 1. — Д. 115. — Л. 1–8.

² Там же. — Д. 123. — Л. 5.

С помощью выявленных архивных источников воскрешается память о героических подвигах сотрудников Красного Креста, которые слабо освещены в настоящее время.

Надежда и Анастасия Лочевы, а также Нора Кирпичева во время оккупации перетасили с поля боя 12 раненых бойцов и оказали им помощь. Ухаживали за ними в течение двух недель, пряча от немцев, кормили их. Для того, чтобы вывести бойцов из окружения, Н. Кирпичева проявила хитрость, взяла бидон с молоком, якобы для продажи, и прошла с целью разведки все 3 деревни, через которые необходимо было вывести пострадавших, определив в каких домах стоят немцы, вернулась в д. Овсянники. Переодев бойцов в женское платье, девушки поочередно вывели раненных из окружения и передали советским частям.

Примером доблести является Клавдия Савенкова — дружинница Ногинского городского комитета, ушедшая на фронт. Видя, что на поле боя остается много бойцов, она не одного не отдала фашистам, побежала в деревню, позвала женщин на подмогу, погрузив 325 раненных на лошадей, всех вывезла и оказала первую помощь. К. Савенкова награждена медалью «За Отвагу»¹.

В Клину при бомбардировке вражеских самолетов Мария Глухова вынесла из горящего пассажирского поезда 438 раненых бойцов и командиров, 18 чел. из них, тяжело раненных, были транспортированы дружинницами в Солнечногорск².

В 1945 г. в преддверие победы работниками Комитета было мобилизовано внимание актива на ликвидацию очагов заболеваний и помощь здравоохранению. Особая помощь была оказана инвалидам войны и осиротевшим семьям. В 1945 г. силами областного Комитета было собрано 115 тыс. руб. на помощь семьям фронтовиков и инвалидам, вещевая помощь оказана Туберкулезному санаторию детей фронтовиков и инвалидов Отечественной войны в Красногорске, 45 учащимся установлены стипендии Красного

---

¹ МОАЦ. — Ф. 712. — Оп. 1. — Д. 115. — Л. 15.

² Там же. — Д. 138. — Л. 12.

Креста, Инвалидному дому в Дмитрове была оказана вещевая помощь¹.

Особую миссию красно-крестное движение видело в патронировании и усыновлении детей, оставшихся без попечения родителей, в оказании материальной помощи детским учреждениям².

Таким образом, на протяжении всей Великой Отечественной войны сотрудники Московского областного комитета Красного Креста своей высоконравственной деятельностью оказывали помощь населению и фронту.

В 1946 г. вследствие вовремя произведенных профилактических мероприятий в Московской области не было выявлено случаев вспышек массовых заболеваний. По ходатайству Министерства здравоохранения Польской республики и Кореи Правительство СССР поручает исполкому СОКК и КП оказать помощь в борьбе с инфекционными заболеваниями среди населения. Упорная работа в лечебных учреждениях по ликвидации инфекционных заболеваний велась в Молдавии и в советской зоне оккупации Германии.

Правительство Польской республики высоко оценило работу санитарных эпидемиологических отрядов и наградило 42 чел. Серебряным Крестом «Возрождение Польши». Наметились и новые направления в работе МОК: прежде всего, борьба с раковыми заболеваниями, для этого создаются комитеты по борьбе с раком, областная и районные комиссии разрабатывают планы мероприятий.

Начиная с 1946 г. деятельность МОК, наряду с восстановлением разрушенного войной хозяйства, укреплением здравоохранения в Москве и Московской области, была направлена на помощь детям-сиротам из других стран. Благодарность МОК за помощь детям, оставшимся без попечения родителей в Молдавской ССР, а также за сбор средств в размере 200 тыс. руб. выразил И. В. Сталин³.

---

¹ МОАЦ. — Ф. 712. — Оп. 1. — Д. 139. — Л. 10.

² Там же. — Д. 123. — Л. 6.

³ Там же. — Д. 157а. — Л. 1.

Таким образом, рассмотренные факты, отраженные в документах за период 1932–1946 г., дают характеристику деятельности Комитета в предвоенные и военные годы. Следующий виток развития МОК связан с ростом и становлением организационного управления первичных организаций, пропагандой медицинских и профилактических знаний среди населения, оказанием помощи и участием в работе профилактических и оздоровительных мероприятий органов здравоохранения. Для реализации поставленных задач МОК всегда держал тесную связь с Облздравотделом, Обкомом Союза медицинских работников и другими заинтересованными организациями, проводились совместные мероприятия с Областной санэпидстанцией, Областной станцией переливания крови, Областным домом санитарного просветительства. В 1957 г. подготовка медсестер запаса в Московской области осуществлялась на курсах следующих сроков набора: восьмимесячные, а также двухгодичные. Теоретические занятия проводились в закрепленных за курсами помещениях средних школ. Для прохождения практики курсы располагали хорошей клинической базой, которая беспрепятственно предоставлялась руководителями органов здравоохранения и главными врачами больниц. Занятия проводились 4–5 раз в неделю в вечернее время, продолжительность их составляла 4 ч. Комитеты и актив Красного Креста принимали активное участие в проведении летних оздоровительных работ среди детей. Всего в Московской области к 1957 г. было открыто 315 пионерских лагерей, в которых отдохнула 131 тыс. 700 детей¹.

Необходимо отметить, что круг обязанностей МОК постоянно расширялся, в 1961 г., кроме шефства над детскими домами, школами и интернатами, совместно с органами народного образования осуществлялись мероприятия по охране прав детей-сирот².

В 1976 г. внимание Комитета было направлено на развитие подготовки населения по программам ухода за больными на дому,

¹ МОАЦ. — Ф. 712. — Оп. 1. — Д. 392. — Л. 148.

² Там же. — Д. 468. — Л. 5.

а также по оказанию первой помощи при стихийных бедствиях. Обучение населения проводилось в стационарах, здравпунктах, поликлиниках, медпунктах¹.

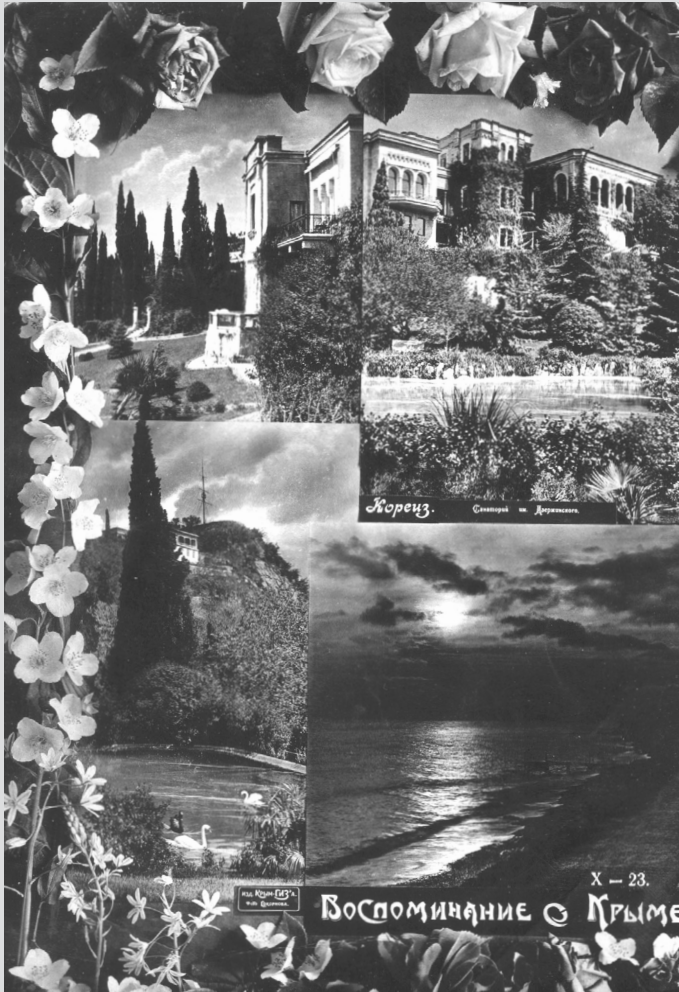
Таким образом, можно сделать вывод, что становление и развитие системы здравоохранения Московской области за период 1932—1984 гг., невозможно представить без деятельности МОК. В предвоенные годы с помощью Комитета происходила перестройка сознания людей, строительство «нового быта» было сопряжено с внедрением новых культурных и социальных ценностей в повседневность подмосковных жителей. Во время Великой Отечественной войны красно-крестное движение Подмосковья оказывало всестороннюю помощь фронту и эвакуированному населению. На протяжении многих десятилетий послевоенного периода деятельность МОК постоянно расширялась, вовлекая все большее количество людей в активную социальную жизнь страны. Поэтому в современных условиях необходимо обращаться к опыту массовых добровольных организаций, на деле доказавших свою эффективность в решении многих проблем населения как в мирное, так и в военное время.

---

¹ МОАЦ. — Ф. 712. — Оп. 1. — Д. 793.

Раздел II

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В КРЫМОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

**Важная находка в РГАДА.
Письма княгини А. С. Голицыной
графу М. С. Воронцову как источник по истории освоения
русскими Южного берега Крыма в первой трети XIX в.**

*«Я хочу, чтобы вы были мне обязаны привлечением
на Побережье благородных владельцев всех национальностей,
всякого ранга и всех сословий»
Из письма кн. Голицыной гр. Воронцову*

Статья является частью исследования автора, посвященного малоизвестному этапу раннего освоения Крыма, центром которого стал Кореиз — одно из первых крупных имений Южнобережья. Его владелица, княгиня Анна Сергеевна Голицына сумела увлечь и организовать целую колонию переселенцев: вслед за ней крупнейшие представители русской аристократии, близкие ко двору, покидают столицу и вкладывают немало сил и средств в эту пустынную окраину Российской империи, — это баронесса Крюденер, приятельница Александра I, ее дочь баронесса Беркгейм с мужем, князя Мещерские, дети родной сестры княгини А. С. Голицыной; князь Александр Николаевич Голицын; В. С. Голицын с супругой, урожденной Е. Нарышкиной; Т. Б. Потемкина, известная благотворительница и друг царской семьи; Нарышкин с женой Ольгой Станиславовной, урожденной Потоцкой, сестрой Софии, знакомые А. С. Пушкина и др.

Об этом периоде раннего освоения Крыма можно было почерпнуть краткие сведения из старых путеводителей, из мемуаристики; однако в годы советской власти Кореиз стал госдачей, там имела местопребывание советская делегация во время Ялтинской конференции 1945 г. Поэтому о нем не велось специальных исследований, как о других южнобережных имениях — Ливадии,

Ореанде, Алупке. Неопубликованные архивные материалы, в сочетании с опубликованными, но малоизвестными текстами позволили ввести в научный оборот новые факты, полнее представить реальную картину заселения и освоения крымского Южного бережья, в то время труднодоступного и почти безлюдного, а также осветить яркую фигуру его владелицы.

Настоящим открытием являются обнаруженные в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) письма А. С. Голицыной к М. С. Воронцову, генерал-губернатору Новороссии и Крыма, написанные в Кореизе с 1825 по 1837 г., и ряд ее писем другим лицам (впервые в переводе с французского). Следует отметить, что часть этих писем написана рукой баронессы Беркгейм, дочери Крюденер, являвшейся секретарем и подругой княгини, страдавшей ревматизмом.

Важным дополнением являются 2 письма княгини императору Александру I (черновики, также на французском) за 1825 г., найденные в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Из них мы узнаем о важной роли Воронцова в переезде Голицыной во главе целой колонии на Южный берег Крыма.

Наконец, столь же важной находкой, сделанной в Отделе изобразительных материалов (ИЗО) Государственного исторического музея (ГИМ), является подлинный портрет княгини А. С. Голицыной¹, сменивший ошибочно приписываемый ей портрет в известном труде великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII—XIX веков». Подпись под портретом гласит: «Голицына Анна Сергеевна, княгиня, урожд. Всеволожская. Худ. П. Ф. Соколов, лит. Погонкин. 1820-е годы. — ИЗО ГИМ, Москва». В своем поиске мы руководствовались сообщением Д. А. Ровинского о существовании портрета Анны Голицыной, литографированного Погонкиным, а также публикацией его в Каталоге А. В. Морозова

---

¹ Электронная копия этого портрета была приобретена автором официально с разрешением для публикации.

(М., 1912—1913). В результате мы и обнаружили в ГИМ литографию портрета со всеми удостоверяющими подписями. Местонахождение оригинала работы П. Ф. Соколова, с которого сделана литография, пока неизвестно. Что касается ошибочно атрибутированного портрета в труде великого князя Николая Михайловича, отметим, что внешность изображенной женщины совсем не соответствует волевому характеру княгини, что явствует из ее писем, несоответствие можно усмотреть также и в ее одеянии. Согласно изменениям в атрибуции теперь — это портрет «Неизвестной».

Подлинный ее портрет А. С. Голицыной, с которого смотрит на нас немолодая, но еще красивая дама с благородным породистым лицом, в котором читается энергичный и волевой характер, более всяких слов передает нам образ предводительницы переселения целой колонии, приступившей к освоению пустынного и дикого крымского побережья. Трудно представить себе, глядя на портрет, что ее называли «мужеподобной старухой», основываясь, вероятно, лишь на упоминаниях о том, что она ездила верхом в мужском костюме и сама подписывалась в письмах «старуха в скалах», хотя в момент переселения ей было 45 лет.

В 1822 г., после запрета мистических и тайных обществ, княгиня А. С. Голицына и баронесса Ю. Крюденер, еще недавно принадлежавшие к кругу духовных единомышленников императора Александра I, оказались в своего рода опале. Им было рекомендовано покинуть столицу. В этой непростой ситуации и происходит встреча княгини с графом М. С. Воронцовым (факт, ранее неизвестный), в начале 1823 г. назначенным генерал-губернатором Новороссии. Крым, проблемы освоения которого он обсуждал еще с отцом, русским послом в Англии, и где приобрел земли, еще не бывав в нем¹, нуждался в образованных, активных и энергичных людях, располагающих средствами. Такую личность М. С. Воронцов увидел

---

¹ Письма С. Р. Воронцова сыну М. С. Воронцову // Архив князя Воронцова / ред. П. И. Бартев. — Т. 17. — М., 1880. — С. 528, 567—568.

в княгине Голицыной и мудро решил направить ее энергию, ее способность организовывать и увлекать людей на освоение крымского Южного бережья. Он же рекомендовал ей и место поселения — Кореиз, в 5 верстах от Алупки, выбранной им в качестве собственной летней резиденции.

Об этом княгиня, уже прибыв осенью 1824 г. во главе целой колонии в Кореиз, сама рассказала в письме Александру I весной 1825 г., обнаруженному нами в ОР РНБ: «В 1824 году я решилась покинуть С-Петербург, удалиться от мира и общества и обосноваться на Южном побережье, в местах ненаселенных, где меня ждут лишения и трудности, провести свои годы забытой, вдали от цивилизованного общества. Граф Воронцов, вдохновленный патриотическим пылом, считает Побережье (Крыма — Т.Ф.) неисчерпаемым богатством для России. Этот выдающийся администратор внушил мне веру в то, что при минимуме стараний и забот Побережье может снабдить всю Россию вином, оливковым маслом и миндалем, и что это сбережет миллионы, потраченные на закупку этих вещей за границей. Меня увлекла идея заняться разведением винограда и оливок. Он сказал мне, что если бы я поселилась здесь, то смогла бы, более чем кто-либо другой, увлечь своим примером тех, кто хотел бы начать эти работы, что я стала бы опорой для желающих переселиться иностранцев — виноделов, бочаров, погребщиков, маслоделов, что они найдут в моем поместье те ресурсы, которые страна до сих пор не могла им предоставить из-за трудностей с жизненными припасами, дорогами и т. д. Его красноречие, широта и разумность его взглядов меня убедили. Я улыбаюсь при мысли, что еще могу быть полезной и посвятить свое время служению моему Государю. В эту годовщину восшествия ВИВ на престол¹, я высадила 20 тыс. лоз лучших сортов винограда, 1500 оливок, и 8000 саженцев миндаля, тем самым завершив дела этого года!»².

¹ Дата восшествия Александра I на престол — 12(24) марта 1801 г.

² ОР РНБ. — Ф. 1000. — Оп. 3. — Д. 256. 2 письма (черновики) кн. А. С. Голицыной императору (на франц.). — Л. 2.

Отметим, что поздней осенью того же 1825 г., незадолго до смерти, Александр I стал ее первым гостем в Кореизе.

Итак, после долгого, в несколько месяцев путешествия из Петербурга в Крым вместе с Ю. Крюденер и ее дочерью баронессой Ж. Беркгейм и остальными переселенцами княгиня поселилась в Кореизе — небольшой татарской деревушке. Вместе со своими спутниками она разместились в татарских саклях и принялась строить дом силами местной строительной артели. Место для дома было выбрано под скалой, и поэтому княгиня в духе романтизма той эпохи, как уже упоминалось, сама называла себя в письмах «старуха в скалах». Дом был закончен в 1829 г. Почти одновременно возводились разнообразные хозяйственные постройки, а с появлением архитектора швейцарца К. И. Эшлимана была построена и церковь.

Преодолев множество трудностей (слабая заселенность побережья, отсутствие дорог в горной местности, недостаток предметов первой необходимости и т. п.), княгиня сумела освоить эту пустынную территорию, наладить виноградарство, виноделие, выращивание маслин, производство оливкового масла и т. д. Поселившись в Кореизе, А. С. Голицына более оттуда не выезжала, посвятив все силы освоению побережья и привлечению новых владельцев. Она вела постоянную переписку с Воронцовым, который, напротив, имел постоянную резиденцию в Одессе, как генерал-губернатор много разъезжал, контролируя вверенную ему территорию Новороссии, и в Крыму проводил мало времени. Помимо усадебного дома и церкви (кстати, первой на Южном берегу со времени турецкого завоевания 1475 г.), заботясь об улучшении качества крымских вин и об их продаже в столицах, Голицына построила большой винный погреб (памятник архитектуры — в виде замка, сохранился в частично перестроенном виде), в имении появилось и множество хозяйственных построек.

Опыт реконструкции кореизской усадьбы опирается на краткую информацию путеводителей, свидетельства путешественников,

которые существенно дополняются графикой Никанора Чернецова 1834—1836 гг., изобразившего общий вид особняка, прочих построек, расположившихся на склоне, виноградные плантации, сады, первые посадки кипарисов. К этому следует добавить панорамные литографии известного швейцарского путешественника Дюбуа де Монпере (1832—1834 гг.) и русского художника Ф. И. Гросса (1840 г.).

Кроме того, под руководством княгини А. С. Голицыной и благодаря ее постоянным контактам с архитекторами (Ф. Ф. Эльсон, К. И. Эшлиман, В. Гунт и др.), с директором Никитского ботанического сада Н. А. Гартвисом, с управляющим императорским имением Ореанда А. В. Ашером (подрядчик и строитель многих сооружений побережья), с устройтелем алушкинского парка Карлом Кебахом, назначенным Воронцовым главным садовником Южного берега и участвовавшим в закладке парков в Ореанде, Артеке, Гаспре и Кореизе, создавались: дворец и парк в Гаспре для князя А. Н. Голицына, имение для начальника военных поселений генерала И. О. Витта и К. А. Собаньской, парк в усадьбе Артек для четы Потемкиных.

Помимо этих забот, княгиня считала своим прямым долгом привлечение на Побережье новых владельцев. Благодаря ее широким родственным и дружеским связям ей это удалось. Вскоре здесь появляются и основывают имения ее родные племянники — князья Мещерские, ее дальние родственники по мужу — князья Голицыны, ее подруги, сестры, урожденные Голицыны — Татьяна Борисовна Потемкина, Александра Борисовна Мещерская, Софья Борисовна Полторацкая и др.

Как мы уже писали, в отличие от М. С. Воронцова, чья основная резиденция была в Одессе, и чьи обширные генерал-губернаторские обязанности позволяли бывать в Крыму, в Алушке лишь непродолжительными наездами, сама княгиня Кореиз практически не покидала, она приобрела большой авторитет и своего рода статус старейшины Южного бережья. Письма, регулярно отправляемые

Воронцову, являлись своеобразными отчетами о течении жизни на Побережье. В отсутствие М. С. Воронцова княгиня посещала его имение Алупку и затем рассказывала ему о том, как обстоят дела: «Имею честь сообщить вам, что 42 храбрых матроса отправлены на ваш виноградник, и работа там идет отлично. 22 честных бродяги (по-русски — Т. Ф.) заняты в Алупке копанием ямок для посадки маслин». Далее княгиня переговорила с руководителями Никитского ботанического сада Х. Х. Стевенем и Н. А. Гартвисом, узнала, сколько саженцев маслин имеется в питомнике (4000) и выпросила себе половину вместо 1000 (!): «Дорогой граф, будьте справедливы, щедры и великодушны... Довольствуйтесь двумя тысячами саженцев, самыми лучшими из имеющихся, и уступите мне остальное». Княгиня добилась своего и в следующем письме благодарит графа: «Спасибо за оливы, я приготовила распаханый участок, чтобы достойно встретить такой благородный подарок, посадила драгоценные деревья. Слава Вам, Благодетель Побережья!»¹.

Отношения с Воронцовым — самые дружеские и добрососедские, письма полны доброй иронии: обращение в письме «Привет от старухи в скалах могущественному сеньору Алупки!»² подтверждает, что она сама придумала это прозвище. В той же ироничной манере она отпускает комплименты: «Поздравляю вас, дорогой и почтенный граф, с великолепным приобретением, которое сделал для вас славный и усердный Ревилиоти (речь идет о верхнем саде — Т. Ф.). Большие кипарисы, плодовые деревья, оливы и много домов, и все это — почти даром. Кому и служить, как не вам, Ваше Превосходительство, вам, кто служит России, честно выполняя свой долг, как это делают в Англии»³. Княгиня рассказывает об очередном посещении Алупки, куда она отправилась в обществе четы Беркгейм

---

¹ РГАДА. — Ф. 1261. — Оп. 3. — Ед. хр. 1335. — Л. 15. — 4 мая 1827 г.

² Там же. — Л. 5. — 26 января 1826 г.

³ Там же.

и м-ль Елены Маурер. Они обошли сад в сопровождении садовода К. А. Кебаха, и дамы, по словам княгини, задались вопросом: можно ли в чем-нибудь упрекнуть работу Кебаха? — «Дорогой граф, я не нашла ничего, заслуживающего критики! Кебах — единственный в своем роде, и сама Англия завидовала бы дорожкам, которые он проложил... Алупка — уникальна, ни один государь не владеет чем-либо подобным, и Кебах рожден, чтобы быть садовником. Если бы император увидел Алупку, какой она стала сегодня!...».

Отношения княгини и Воронцова приняли драматический оборот в 1834 г., из-за чего у Анны Сергеевны даже возникло желание уехать из Крыма. Об этом мы узнаем из письма А. Н. Голицына: «Можно ли покидать место, в котором вы обустроились и где живете много лет из-за каких-то неприятностей и несправедливостей? Я счастлив, что мысль о моем приезде на южный берег вас удержала...»¹. Речь шла о Мисхорском источнике, которым княгиня пожелала владеть единолично, не считаясь с местными татарскими обычаями. Это стоило ей ссоры с Воронцовым, самым уважаемым ею человеком. Конфликт разрешился благодаря уму и такту генерал-губернатора, взявшего на себя труд написать ей длинейшее письмо от 27 июня 1834 г., в котором он адресовал ей много лестных слов, но, в конце концов, вынужден был преподать уроки правосудия: «Я не могу вам выразить, дорогая княгиня, всей той горечи и удивления, которые испытал, узнав, до какой степени вы были недовольны и рассержены исходом дела об источнике, протекавшем через Мисхорскую почту. Вы говорили о намерении покинуть Крым, считали себя жертвой угнетения и произвола, пристрастия — и со стороны кого же? — со стороны человека, который вас уважает, вами дорожит, и собственно вами, и всем тем добром, который вы сделали для этой прекрасной части России, которую сорок лет забвения предали запустению и которую никакая власть, сколь бы деспотичной она ни была, не подняла

---

¹ Князь А. Н. Голицын (в его письмах) 1829–1837 // Русский Архив. — 1905. — Кн. 3. — № 11. — С. 423.

бы еще долгое время, если бы счастливая звезда не привела вас на ее берега... Горный ручей протекал через сады татар в селение Мисхор. В 1830 г. мы учредили почтовый дом на большой дороге, а почта не может существовать без воды; я поручил, уезжая за границу, компетентным властям не отводить его течение, дабы не нарушать хозяйство... Наш добрый Казначеев (губернатор — Т. Ф.) сам имел замечания и порицания от Сената за то, что повернул, причем не ради собственного интереса, но для города Симферополя источник, и то не весь, а половину... Неужели, дорогая княгиня, вы скажете теперь, что нахождение источника с фонтаном около почты — это несправедливо? Я не оспариваю право татар жаловаться на отвод воды, и мы уладим это дело с ними. Следует соблюдать нравы и обычаи страны. Я вам говорил еще весной 1832 г., что никто не может отводить текущую воду, даже если он купил источник, таков закон всех стран, а также татар... Местная полиция вас боится или, по крайней мере, вас уважает в такой степени, что не смеет принимать жалобы на вас. Наш добросердечный губернатор, который хочет всех примирить, не принимает никаких мер; неужели я должен отрицать правосудие и даже не рассматривать их дело? Однако не для того послал меня сюда Император, и я должен проявлять моральную ответственность, выслушивать доводы каждого и вынести решение, исполнение которого зависит от полиции...»¹. Как показали дальнейшие события, княгиня была крута в гневе, но отходчива. Она восприняла доводы графа и спустя какое-то время признала, что погорячилась. В письме от начала 1835 г. она, как ни в чем не бывало, пишет: «Скажите мне, дорогой граф, с чего вы взяли, что я не смогу долго сердиться на вас; ведь когда я не в духе, мне достаточно вспомнить вашу добрую физиономию и ваши серые орлиные глаза, чтобы улыбнуться и любить вас от всей души. Пospорим немного, по-дружески, мне кажется, что в ходе вашего последнего визита оба мы пришли к согласию отвести

---

¹ РГАДА. — Ф. 1261. — Оп. 3. — Ед. хр. 1335. Письмо гр. Воронцова М. С. кн. А. Голицыной.

похищенный источник, эту татарскую новую Елену, на прежнее место. Я вам пообещала не предъявлять никаких требований и не предпринимать никаких шагов к повторному похищению источника и сдержала слово. Все успокоились и почти перестали говорить об этом»¹.

Письма свидетельствуют, как Голицына сразу по прибытии принялась за дело — распашку земли для виноградника, посадку маслин, разбивку парка и так далее, но не менее важным делом стало устройство усадеб ее спутников и привлечение новых владельцев. Она понимает свою роль, и, слегка иронизируя над собой, сообщает о заботах по устройству дел своих ближайших спутниц: «Поговорим о побережье вокруг Алупки, дорогой граф, вы будете довольны и поражены удивительными делами, которые здесь происходят. Мадам Беркгейм купила сад и дом Ашера в счет долга, который она дала его жене. За деньги, полученные от этой продажи, он собирается расширить свои владения в сторону земель Дибича. За м-м Беркгейм последовала маркиза Ошандо, которая обустроилась близ нас. Это женщина любезная, полная остроумия и знаний, красивая, и хотя ее владение невелико, сама она — хорошее приобретение для побережья...». «За м-м Беркгейм последовала м-м Ошандо» — это были сводные сестры, отцом обеих являлся русский дипломат Крюденер. Его дочь от первого брака София (1773—1847), по мужу маркиза Ошандо де ла Банда, стала горячей последовательницей идей своей мачехи м-м Крюденер. Неудивительно, что она последовала за своей сестрой Жюльеттой, по мужу Беркгейм, в Кореиз, и княгиня Голицына хлопотала об устройстве ее имения. Дамы подружились, сохранилась их переписка (в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ))².

¹ РГАДА. — Ф. 1261. — Оп. 3. — Ед. хр. 1335. — Л. 73—75. 12 февраля 1835 г.

² Там же. — Ф. 46. — Оп. 2. — Ед. хр. 259. Собрание исторических документов, копии писем. Из писем м-м Софии Ошандо ее сестре баронессе Беркгейм (на франц. яз.). — Л. 115.

Самыми крупными фигурами, привлеченными А. С. Голицыной на Южнобережье, стали князь А. Н. Голицын, владелец Гаспры, и чета Потемкиных, обустроивших имение Артек у подножия Аю-Дага. Письма княгини позволяют шаг за шагом проследить создание замка «Александрия» вместе с парком, проходившее в отсутствие князя всецело под надзором княгини: «Голицын прислал мне планы своего строения, он хочет, чтобы я начала сразу же. Этот рисунок Монферрана представляет собой усадебный дом на четыре фасада, украшенных со всей роскошью архитектуры. Для исполнения его в С-Петербурге понадобилось бы 150 тыс. руб. А здесь, по нашим расчетам, и 300 тыс. руб. будет мало. Я не знаю, о чем он думает, и достаточно ли у него денег, но если он пожелает мне их прислать, то я согласна мучиться»¹.

История появления Татьяны Потемкиной, одной из близких подруг княгини, а впоследствии владелицы имения Артек складывалась непросто. «Один богатый собственник (Потемкин — Т.Ф.), — пишет Анна Сергеевна Воронцову, — обеспокоенный хозяйственными расчетами, решил, что жизнь в С-Петербурге слишком дорогая, да и здоровье жены требует более теплого климата. Он обратился ко мне, желая узнать, можно ли найти большое владение...»². Поначалу их выбор остановился на Кучук-Ламбате. Это было одно из самых ранних благоустроенных имений Южнобережья: «Слабое здоровье Татьяны и тысяча и одна мелких забот, которых оно требует, делает это место предпочтительным: ведь отсюда легко послать человека верхом на лошади за мелкими вещами... В конечном счете, если нас постигнет неудача и сделка сорвется, мы не дадим Потемкину ускользнуть отсюда, мы вложим весь наш ум, гений, энергию и найдем ему что-нибудь другое, пусть

---

¹ РГАДА. — Ф. 1261. — Оп. 3. — Ед. хр. 1335. — Л. 37–38. 18 июля 1829 г.

² Там же. — Л. 40. Декабрь 1829 г. — январь 1830 г.

только приедет»¹. Тем временем ситуация с покупкой имения для Потемкиных изменилась, и надо оценить дальновидность подруг Голицыной и Беркгейм, которые, на случай если сделка сорвется, готовы были предложить им что-нибудь другое. Такой случай представился. Польский граф Густав Олизар, владелец прекрасного имения Артек у подножия Аю-Дага (200 десятин или 218 га), выставил его на продажу. Как подозреваемый в поддержке польского восстания 1830 г. он получил разрешение выехать в Италию. Узнав об этом, княгиня немедленно делится новостью с Потемкиными. В марте 1832 г. Александр Михайлович Потемкин покупает значительную часть имения Артек. Между владелицами Кореиза и Артека поддерживались самые дружеские отношения и постоянная переписка. Татьяна Борисовна отличалась хрупким здоровьем, и княгиня вместе с баронессой нередко посещали ее, особенно в дни, когда ухудшение ее состояния внушало тревогу. Об этом особенно просила Елизавета Ксаверьевна Воронцова, называвшая Татьяну «кузиной» (мать графини Воронцовой приходилась светлейшему князю Г. А. Потемкину родной племянницей).

Помимо бездорожья и отсутствия удобств, дурной репутацией пользовался и крымский климат. Легенды об «ужасном» климате Южнобережья, в которые нам трудно сегодня поверить, широко распространялись в обеих столицах. Княгиня развернула «рекламную кампанию» в письмах родным и знакомым, следы которой можно обнаружить в письмах Воронцову: «Я была в очень дурном расположении духа в эти дни, дорогой граф. Татьяна написала мне в письме, что в самый момент, когда она складывала вещи, чтобы ехать сюда, ее взволновали восклицания куратора Перовского, который сказал, что климат на побережье отвратительный, что там [свирипствует лихорадка], и бывают ветры такой силы, что валят деревья; что все владельцы, обманутые в своих ожиданиях, не имея

---

¹ РГАДА. — Ф. 1261. — Оп. 3. — Ед. хр. 1335. — Л. 45. 29 июня 1830 г.

средств обеспечить себя всем необходимым для жизни, спешат продать все, что купили, чтобы уехать»¹. Вскоре сама Татьяна Потемкина и родной племянник Анны Сергеевны князь С. И. Мещерский, обосновавшийся рядом с Гаспррой, в свою очередь, стали ее «агентами» по рекламированию Южнобережья: «Татьяна пишет мне, что врачи предписали морские купания моему племяннику; император предложил ему ехать с ним в Англию, ...добавив, что берет расходы по путешествию на себя. — Сир, — ответил мой племянник, — поскольку Россия имеет счастье владеть Южным берегом, русские должны перестать ездить для поправки здоровья за границу; так позвольте мне, Сир, поехать именно туда принимать морские ванны. — Император рассмеялся и милостиво согласился. Императрица, которой он был представлен, долго расспрашивала его о Побережье и под конец сказала: Вы добились своего, Татьяна покидает нас и едет, чтобы обосноваться на счастливом Побережье. Прошу вас, князь, по возвращении привезти несколько видов этой прекрасной страны»².

Но слов мало, княгиня озабочена также и поиском рисовальщиков, с тем, чтобы заказывать рисунки, гравюры, которые показали бы всем красоты Южного берега. И в дальнейшем не упускает случая, чтобы слава о Побережье распространялась по свету: «...Я предложила Эльсону тщательно зарисовать все строения Побережья, большие и малые, сделать из них красивый альбом (resueil), который вы, дорогой граф, закажете литографировать, и его можно будет продавать в пользу Эльсона. Пусть все увидят с удивлением, что усердие под попечительным правлением, таким как ваше, смогло совершить за пять лет: это почти чудо»³. Тем временем Гаспринский замок, воздвигаемый талантами Ф. Ф. Эльсона

---

¹ РГАДА. — Ф. 1261. — Оп.3. — Ед. хр. 1335. — Л. 43–44. 31.01.1830 г.

² Там же. — Л. 106. 16 мая 1837 г.

³ Там же. — Л. 44.

и заботами княгини Голицыной, превратился в достопримечательность Южного берега. Его посещали путешественники, рисовали художники. Заботами М. С. Воронцова князю А. Н. Голицыну были отправлены 2 вида Гаспры. «Виды эти прелестны, — пишет будущий владетель Александрии, — и все, кому я их показывал, пришли от них в восторг, и уверяли, что это снято в Италии»¹. Другой раз он упоминает привезенные ему рисунки князя Мещерского (племянника княгини Голицыной, соседа по имению в Гаспре): «...они прелестны и прекрасно сделаны. Я уверен, что в действительности природа прелестнее ее изображения, но это мне дает о ней понятие, которое дополняется моим воображением... Присланные вами чрез князя Мещерского три вида моего замка будут вставлены в рамки и с них будут сделаны литографии»². В целом в письмах княгини А. С. Голицыной к М. С. Воронцову воскресает забытый образ Южного берега самой начальной стадии его обустройства. «Опальная княгиня», поселившись на пустынном крымском побережье, благодаря своей властности, энергии и распорядительности, приобрела большой авторитет среди своего окружения. Ей, как видно из писем, было в высшей степени присуще дворянское чувство долга, который она видела в том, чтобы привлечь сюда новых поселенцев со средствами, которые они могли бы вложить в обустройство «прекрасного побережья». Первым ее гостем был сам государь Александр, посетивший княгиню во время своего последнего путешествия по Крыму осенью 1825 г. Ни один чиновник, ни один путешественник не мог пройти мимо, не засвидетельствовав ей почтение. Усадьбу на ранних стадиях ее созидания описали автор первого путеводителя по Крыму Шарль Монтандон, известный путешественник Дюбуа де Монпере, поэты Василий Туманский, Василий Андреевич Жуковский; ее посетил и сам царь Николай

---

¹ Князь А. Н. Голицын (в его письмах) 1829–1837 // Русский Архив. — 1905. — Кн. 3. — № 9–12. — С. 410.

² Там же. — С. 414–415.

с семьей и свитой в ходе путешествия 1837 г., когда после осмотра дома князя Голицына в Гаспре был совершен краткий молебен в церкви княгини (бывшей тогда в отсутствии) 19 сентября 1837 г. Труды княгини по освоению крутого каменистого склона крымского побережья поражают своими масштабами, вот, где нашла применение ее неукротимая энергия и жажда деятельности!

О владелице Кореиза — одного из первых и самого крупного имени Южнобережья, княгине А. С. Голицыной и ее роли в привлечении на побережье крупных представителей аристократии есть лишь краткие упоминания и свидетельства в нескольких мемуарах, серьезные исследования на эту тему отсутствуют. Значительный вклад в такое исследование поможет сделать замечательная находка в архиве писем А. С. Голицыной к М. С. Воронцову. Эти и другие письма дают возможность представить себе личность княгини, яркой представительницы эпохи русского религиозного просвещения, эпохи Александра I. Из писем следует, что именно М. С. Воронцов привлек ее в Крым. Вместо тиражируемого образа «фанатички», пытающейся «обратить татар в христианство», письма являют нам образ княгини, которая проявила настоящий государственный ум в понимании необходимости освоения Южнобережья представителями знати, чтобы покрыть этот безлюдный и бездорожный край виноградниками, садами и парками, вилами и дворцами. Полумонашеский образ ее жизни, проникнутый идеями служения Богу, царю и Отечеству (о чем, разумеется, свидетельствуют не слова, а само поведение княгини, стиль ее жизни), выражался в том, что, поселившись в Кореизе, она жила там практически безвыездно. Привлечению новых лиц на побережье княгиней Анной Голицыной много способствовали не столько дружеские, сколько подкрепленные родством связи, весьма ценимые в дворянском кругу. Здесь генеалогия во многом заменяла историю, и роль «родственного притяжения» в немалой степени способствовала заселению побережья. Благодаря письмам Голицыной и ее подруги-секретаря Беркгейм мы познакомились с кругом общения княгини. Главным образом, это

дамы высшего петербургского света, связанные между собой узами близкого и дальнего родства (Голицыны, Мещерские, Нарышкины, Воронцовы), образованные и религиозные. Они знали и ценили родственные отношения, в которых воплотилась сама история «в лицах». Более того, знание собственной генеалогии укрепляло такие связи. Начнем со связей «царственных», которыми гордились Нарышкины. Сам Александр I называл А. Л. Нарышкина «кузеном», в память о том, что из рода Нарышкиных происходила мать Петра Великого. Супруга Александра Львовича Нарышкина Мария Алексеевна Сенявина была родной сестрой Екатерины Алексеевны, супруги Семена Романовича Воронцова. Поэтому Михаилу Воронцову она приходилась теткой, а ее дочь Елена Александровна, впоследствии хозяйка Василь-Сарая, — двоюродной сестрой или кузиной. Двоюродным братом был и Лев Александрович Нарышкин, владеец соседнего с Алушкой Мисхора, женатый на Ольге Станиславовне, урожденной графине Потоцкой. Далее следуют связи со светлейшим князем Потемкиным. Одна из его племянниц Александра, по мужу Браницкая, стала матерью Елизаветы Ксаверьевны, жены М. С. Воронцова. Помня об этом, графиня Е. К. Воронцова считала себя вправе называть Татьяну Борисовну Потемкину «кузиной», несмотря на дальнейшее родство: муж Татьяны приходился светлейшему восьмьюродным племянником. Но и сама Татьяна Борисовна могла гордиться «царственным» происхождением: по линии матери, Анны Александровны, урожденной княжны Багратион-Грузинской, она являлась внучкой картлийского царя Бакара III. Наконец, в раннем заселении крымского побережья большую роль сыграли Голицыны, начиная с самой княгини Анны Сергеевны и князя Голицына, готового последовать за ней едва ли не с самого начала выселения колонии и, несмотря на «оковы службы царской», продолжавшего заочно руководить строительством своего замка-дворца в Гаспре. Любопытно, что их духовное родство даже послужило поводом одной забавной ошибки: французский мемуарист называл их супругами! Татьяна Потемкина была урожденной

Голицыной, как ее братья и сестры, поселившиеся в Артеке; сестра ее Александра Борисовна, урожденная Голицына, стала женой князя Мещерского и хозяйкой поместья в Гаспре.

В письмах нередко упоминаются имена тех, кто практически создавал эти поместья: архитекторов Ф. Ф. Эльсона и К. И. Эшлимана, подрядчика и строителя А. В. Ашера; главного садовника Южного берега К. А. Кебаха, директора Императорского ботанического сада Н. А. Гартвиса. Перед читателем проходит целая галерея лиц — носителей известных фамилий, создателей первых усадеб Южнобережья — людей образованных, ценителей прекрасного, известных широкой благотворительностью. Этим и другим представителям русской аристократии, обладавшим твердым и решительным характером, развитым чувством долга и служения Отечеству, мы обязаны первым освоением труднодоступного крымского побережья. Но еще более следует ценить то чувство вкуса и понимания прекрасного, которое было вложено в созданные ими дворцы и парки, не все и не в полной мере сохранившиеся до наших дней, но задавшие меру вкуса, тот уровень, на который следует равняться современникам.

*Е. Н. Гореликова-Голенко, И. Г. Голенко
(Москва—Симферополь, Республика Крым)*

К проблеме изучения биографии и творческой деятельности губернского таврического архитектора О. Г. (А.) Клаузена (1848/1849(?)—1891): по архивным материалам

На высоком берегу красивейшей крымской речки Салгир, на фоне соснового леса вырисовываются резные башенки удивительно-го сооружения, напоминающего средневековый замок. Архитектор, создавший это чудо, — загадочный Оскар Андреевич (Генрихович) Клаузен, которому в монументальном труде Г. В. Барановского посвящено несколько абзацев¹. Все, что связано с именем этого архитектора, при ближайшем рассмотрении оказывается загадкой: его жизнь, его работы, его судьба, его имя, — все неточно, все «под вопросом», все сомнительно. Общеизвестные источники, в которых упоминается имя О. Г. Клаузена, основывают свои данные на информации, почерпнутой из двух трудов Г. В. Барановского — уже упомянутого сборника и его фундаментального труда «Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века» в 7 т.

Наша работа в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Крыма в 2018—2020 гг. оказалась очень плодотворной. Удалось коснуться совершенно неисследованных тем, связанных с жизненными вехами и деятельностью нашего героя, открыть значительные группы архивных документов, многие из которых рассматриваются и изучаются впервые. И в результате малоизвестное имя начинает проявляться и приобретать резкость, статичная фигура оживать, а биография человека обрастать подробностями. На данном этапе исследований мы прочертили почти весь жизненный путь О. Г. Клаузена

---

¹ *Барановский Г. В.* Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института Гражданских Инженеров (Строительного Училища) 1842—1892. — СПб., 1893.

с момента его учебы в Ревельской гимназии и до последнего года жизни. В создании биографического очерка — практическая ценность данной работы. И все же можно констатировать, что это лишь начало, туман вокруг Клаузена и его творчества только-только стал рассеиваться, впереди ждет огромная исследовательская работа.

Оскар Клаузен происходил из остзейских немцев из Эстляндской губернии. В литературе его чаще всего именуют Оскар Андреевич Клаузен. Но в документах об окончании гимназии в 1864 г. в г. Ревеле мы обнаруживаем, что отец нашего героя — Гейнрих Клаусен, коллежский асессор и кавалер, служивший на тот момент Секретарем Эстляндского Губернского правления¹. По принятым тогда свободным правилам написания немецких имен (когда чаще всего Генриха именовали Андреем, а Вильгельма — Василием) в различных документах отца Оскара называют и Генрихом, и Гайнрихом, и Андреем Васильевичем Клаузеном. Поэтому на протяжении всей жизни Оскар подписывается то Генриховичем, то Андреевичем; то Клаузеном, то Клаусеном. Встречаются и другие варианты. Но к концу жизни, работая в Симферополе, он возвращается к имени Оскар Генрихович Клаусен.

До сих пор не установленной остается и дата его рождения. Метрическое свидетельство о рождении и крещении № 166, выданное в Ревельской городской консистории, пока нами не обнаружено. Из переписки с дирекцией Строительного Училища следует, что по происхождению абитуриент Клаузен считался из обер-офицерских детей². На момент выдачи ему справки Эстляндской врачебной управой, 31 июля 1864 г., мальчику было «от роду 16 лет»³. (То есть родился он между августом 1847 и апрелем 1848 гг., так как существует еще заключение весеннего осмотра 1868 г.,

---

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). — Ф. 184. — Оп. 2. — Д. 264. — Л. 17–18.

² Там же. — Л. 6.

³ Там же. — Л. 18.

где отмечено, что Оскару 20 лет¹). Гимназию он окончил, показав хорошие успехи и прилежание, чем заслужил благосклонность своих начальников и учителей. И поскольку аттестовался Оскар для поступления в «любое учебное заведение в системе Министерства Внутренних Дел» (МВД), ясно, что он был достаточно здоровым ребенком. И все же даже в первом документе, касающемся здоровья абитуриента, появляется ремарка о том, что у него присутствует кашель («одержим простым катаром»)².

Клаусены получили вместе с гимназическим табелем с оценками, документами о происхождении, врачебной справкой еще и рекомендацию от Предводителя эстляндского дворянства А. А. Кейзерлинга. Отец с сыном отправляются в Санкт-Петербург, где Оскару дозволяется «сдавать вступительный экзамен на занятие открывшейся вакансии в Строительное Училище»³. Испытания, проведенные в конференции Училища, кандидат Клаузен благополучно прошел и поступил на казенный счет в 1-й Общий класс. На первоначальное обзаведение воспитанника 13 ноября 1864 г. было выслано 75 руб. серебром из сумм Эстляндской губернии⁴.

Довольно скоро выяснилось, что петербургский климат пагубно отразился на здоровье юного Оскара. Во все время обучения в Строительном Училище он постоянно болел. Бесконечны пропуски занятий, нескончаемы отчеты врачей в деканат. Периодически отец вывозил его в Остзейские земли (в Прибалтику) на лечение. Переписка на эту тему сохранилась в его личном деле⁵. Весна 1868 г., очередной осмотр свидетельствует: «Воспитанник... Оскар Клаузен, весьма золотушного телосложения, после бывшей у него в ...сентябре ...гнилой жабы (angina esphtheritica), начал худеть,

---

¹ ЦГИА СПб. — Ф. 184. — Оп. 2. — Д. 264. — Л. 9.

² Там же. — Л. 10.

³ Там же. — Л. 6–7.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — Л. 9–13.

слабеть и жаловаться на тупую боль в груди, отдышку, сухой кашель и другие припадки, указывающие на большое расположение Клаузена к легочной чахотке. Хотя здоровье Клаузена вследствие подаваемого ему медицинского пособия значительно теперь улучшилось, но для предупреждения развития у воспитанника Клаузена опасного грудного недуга, ...необходимо уволить его на несколько месяцев в более Южный климат»¹.

Помимо наблюдавшего его в Училище доктора Т. В. Витакковского, отец нанимает для сына частных врачей (что, кстати, косвенно свидетельствует о финансовом положении семьи). И все равно болеть он не перестает. На полгода его отправляют на лечение в более теплую Эстляндию. Дома, вероятно, считает отец, стены лечат. Оскар проводит в Ревеле несколько месяцев (с декабря 1868 г. по сентябрь 1869 г.). В декабре 1869 г. ситуация снова обостряется: «не получив в настоящее время облегчения от болезней»², Оскар снова откладывает учебу до следующего сентября.

Студенческие годы подходят к концу. Перед выпускными экзаменами воспитанники проходили практику. Клаузен был направлен на Петербургско-Варшавскую железную дорогу и, по всей вероятности, начал там работать по будущей специальности, так как граф Г. А. Строганов от имени Совета управления Главного общества железных дорог обращается к директору Училища, генерал-майору А. Ф. Лишину с просьбой продлить практику для Клаузена: «Ныне оказывается необходимость удержать господина Клаузена еще некоторое время при работах этой дороги по 1 ноября с. г.»³.

По окончании обучения в июне 1872 г. комиссия, основанная из членов Техническо-строительного комитета (ТСК) МВД, провела испытания воспитанникам. По результатам экзаменов О. Клаузен получил чин XIV класса и стал архитекторским помощником.

---

¹ ЦГИА СПб. — Ф. 184. — Оп. 2. — Д. 264.

² Там же. — Л. 9–13.

³ Там же. — Л. 14–15.

Из-за многочисленных болезней, пропусков и месяцев отсутствия, несмотря на то, что все экзамены Оскар сдал прекрасно, и его баллы, почти все высшие, соответствовали чину X класса, в архивах сохранились документы, что по рейтингу он оказался девятым из пятнадцати выпускников¹. При этом отмечалось, что Клаузен сделал большие успехи в отопительных приборах, но по болезни не смог защитить проект «Строительные машины» по предмету «Практическая механика». И этот факт сразу сказался на карьере молодого архитектора, отбросив его на несколько ступенек в Табелях о рангах, на 2 года он отстал от сверстников. Досдать предмет «Строительные машины» (и, соответственно, получить очередной чин) Клаузен смог только в следующем 1873 г. вместе с новыми выпускниками. Он, один из немногих, продолжил службу, поступив в ТСК уже в июне². Началась трудовая жизнь.

В первый же год Клаузен 8 месяцев провел в командировке на строительстве Киево-Брестской железной дороги, где юный выпускник руководил (!) работами по постройке участка этой дороги³.

Своим выпускным результатом молодой, несомненно, талантливый и амбициозный архитекторский помощник был недоволен. О его высокой самооценке тех времен можно судить по отношению к полученному им чину. В архивах имеются прошения, адресованные Клаузеном в разные инстанции, в которых он пытается опротестовать результат экзаменов. Выпускники Училища выходили архитекторами или инженерами. «Практическая механика» поставила под сомнение его способности как инженера. А в среде выпускников Училища (вскоре получившего название Института гражданских

---

¹ ЦГИА СПб. — Ф. 184. — Оп. 2. — Д. 264. — Л. 16; Архив Московского дома архитекторов (рукопись).

² Там же. — Л. 1, 19, 22; Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1293. — Оп. 113. — Д. 112. — Л. 2, 11.

³ ЦГИА СПб. — Ф. 184. — Оп. 2. — Д. 264. — Л. 15.

инженеров) инженеры негласно котировались выше архитекторов. В письмах Клаузен старается доказать свою состоятельность именно в качестве инженера. Не эти ли юношеские эмоции, ощущение недооцененности привели к тому, что Оскар Клаузен возвращался к инженерным проектам на протяжении всей своей недолгой жизни, усиленно изобретал и много усовершенствовал на этом поприще и в итоге пришел к высоким международным премиям в последний год своей жизни?

Любой личный документ, любое прошение или письмо во второй половине XIX в. обязательно сопровождается фразой: «Жительство имею...». Изучение подобных подписей в наследии Клаузена позволяет нам сделать некоторые предположения. В течение нескольких лет (с небольшими паузами) он проживает на квартире архитектора Р. Б. Бернгарда¹. Скорее всего, семьи Бернгардов и Клаузенов были знакомы еще по Ревелю. Сыновья их учились вместе и в Эстляндии, и в Петербурге. При этом ничего не помешало замечательному педагогу не аттестовать протеже по собственному предмету.

И все-таки долгие годы Р. Б. Бернгард опекал О. Клаузена. Явно по совету Бернгарда он обращался за присвоением очередного чина в 1873 г., а потом и в 1875 г. просил «о задании ему темы на приобретение звания Инженер-Архитектора», то есть о повышении².

С того же 1873 г. периодически мы встречаем заметки об отпускных поездках Клаузена, например, в Минск и Киев «по встретившейся надобности». Можно сделать вывод о том, что в эти годы он начинает выполнять частные заказы. В 1874 г. ему выписан заграничный паспорт с января по март³. (К сожалению,

---

¹ Р. Б. Бернгард в то время служил главным городским архитектором Санкт-Петербурга. Одновременно преподавал в Училище, которое именно его трудами через 10 лет превратилось в Институт гражданских инженеров.

² РГИА. — Ф. 1293. — Оп. 113. — Д. 112. — Л. 30об.

³ Там же. — Л. 15.

мы пока не выяснили, что именно он строил или делал в этот период и где).

А дальше начинаются в его судьбе зигзаги, взлеты и падения. Его поступки не всегда можно объяснить с точки зрения стандартной логики. Например, в конце 1874 г. О. Г. Клаузен лично пригласили на должность с большим повышением и значительным окладом (стать городским архитектором Костромы, на 800 руб. в год). Клаузен обратился за этим назначением, получил его, но в Кострому почему-то не поехал¹. Аналогичная ситуация сложилась с приглашением в Смоленск. Он снова остался в ТСК в Санкт-Петербурге. А затем то же произошло с приглашением в Минск (довольно долго он «торговался» с губернатором, добился немислимой для неопытного новичка зарплаты в 1200 руб. в год, но и в Минск не поехал). На основании изученных документов пока рано делать выводы о причинах подобного поведения. Возможно, Клаузен слушался советов более опытного Бернгарда. Во всяком случае, именно в Санкт-Петербурге в 1874—1875 гг. 26—27-летний архитектор выполнил несколько очень престижных проектов: корпусов Бумагопрядильной фабрики Кенига (и их отопления); доходного дома Бреше по Среднему пр-ту 25/42 (ныне здание является объектом архитектурного и культурного наследия города, с 2001 г. включено в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность»); перестройки и возведения нового корпуса доходного дома Вейдле по Б. Морской, 4 и по наб. Мойки, 49 и др.

В 1875 г. в жизни молодого 27-летнего архитектора появляется Крым. По оценке Г. В. Барановского, «Крыму принадлежит самая плодотворная деятельность О. А., он возвел там очень много художественных построек...»². По кратким и сухим документам, которые отыскиваются в архивах, можно судить лишь

---

¹ РГИА. — Ф. 1293. — Оп. 113. — Д. 112. — Л. 19.

² Барановский Г. В. Указ. соч. — С. 153.

о деятельности и передвижениях человека, о его выполненных работах и совершенных поездках. Но что происходило за рамками этих бумаг и в процессе этих поездок — лишь догадки.

Итак, в 1875 г. Оскар Клаузен защищает проекты своих построек в Санкт-Петербурге и готовится к получению следующего чина Коллежского секретаря (X класс), для чего создает проект на звание инженера-архитектора. Жизнь его в это время была насыщенной. В июле он испрашивает отпуск на 10 дней для поездки в Ялту. В конце августа снова уезжает на 28 дней в Херсонскую и Таврическую губернии. В этом же году молодой, подающий большие надежды и уже создавший на века несколько проектов, доживших до наших дней, архитектор женится. Встретил ли он свою невесту в одну из поездок на юг России или ездил туда уже свататься? А возможно в Таврической губернии они провели свадебные торжества и медовый месяц? Во всяком случае, в августе 1875 г. О. Г. Клаузен обращается к председателю ТСК с прошением о выдаче свидетельства, так как у него «есть желание вступить в первый законный брак с дочерью Штабс-Ротмистра Викторова, девицею, Натальею Владимировной»¹. Лютеранин Оскар женится на православной Наталье. Они налаживают быт, проживая в доме № 2 на фабрике Кенига, где он одновременно контролирует строительство. При этом О. Клаузен пытается работать в разных местах. Но ухудшается здоровье, обостряются старые проблемы с легкими, и молодые супруги обращают свой взор на юг. В начале 1876 г. Оскар снова берет отпуск на 2 месяца и «по семейной надобности» едет в Екатеринослав². Вероятно, в этот период дела у Оскара Генриховича идут неплохо, и он даже думает о том, чтобы решиться уйти из МВД «на вольные хлеба».

Весной 1876 г. О. Г. Клаузен на конкурсной основе занимает должность городского архитектора Екатеринослава (Днепропет-

---

¹ РГИА. — Ф. 1293. — Оп. 113. — Д. 112. — Л. 21, 25.

² Там же. — Л. 35, 38.

ровск). В сборнике статей, посвященном архитекторам города, говорится о том, что О. А. Клаузен, вероятно, был первым городским архитектором, занимая эту должность во второй половине 1870-х гг. О нем авторам статьи не было известно ничего. Отмечается, что к началу XX в. в техническом отделе Екатеринославской городской управы работало уже несколько десятков инженеров, техников, десятников и инспекторов. А за 25 лет до того сам городской архитектор и представлял собой весь этот отдел. При этом, на удивление, с 1870 по 1917 г. его обязанности практически не изменились¹. Мы сегодня точно знаем сроки, когда Оскар Генрихович выполнял эти обязанности: с 19 мая 1876 г. по 31 января 1877 г. (хотя он фактически продолжал работать там до апреля, но официально уволился с января). За полгода он много успел. К сожалению, из его построек не сохранилось почти ничего, хотя современники, проезжая через город, всегда отмечали красиво оформленную центральную площадь и Новые каменные торговые ряды на Троицком базаре, перестройка которых как раз пришлась на время руководства Клаузеном техническим отделом городской управы.

В документах этого периода впервые появляется очень важное замечание: Клаузен с 1876 г. служил в МВД «без содержания», будучи к этому министерству приписан². Семья, похоже, жила за счет выполнения им частных заказов. Уволившись с поста екатеринославского главного архитектора, он уволился и из ТСК МВД, но в октябре того же года снова вернулся и получил новое назначение. Это была последняя попытка устроиться работать на севере.

24 ноября 1877 г. О. Г. Клаузен занимает в Петрозаводске место младшего архитектора Губернского правления. Идея оказалась неудачной, прослужил он здесь 2 тяжелых года. Уже первая ка-

---

¹ Ревский С. Б. Зодчие, инженеры, художники, участвовавшие в формировании Екатеринослава (конец XVIII — начало XX в.) // Методическая разработка. — Д., 1981; Катеринославський міський архітектор // Експедиція ХХІ.

² РГИА. — Ф. 1293. — Оп. 113. — Д. 112. — Л. 40.

рельская зима 1877—1878 гг. окончательно подорвала его здоровье. В жизни Оскара Клаузена случился так называемый «Олонецкий скандал». Возможно, по причине бесконечных болезней у Оскара Генриховича испортился характер, возможно, так несчастливо складывались обстоятельства, но последние 10 лет жизни его сопровождали скандалы, суды, неприятности, ссоры и несчастья.

20 апреля 1878 г., «без разрешения, не испросив надлежащего отпуска», как пишет директор ТСК Богдановский, О. Клаузен, младший архитектор Губернского правления, исчез с работы. И отсутствовал он до 9 июня!¹ Сам Клаузен объясняет ситуацию по-другому. 19 апреля, в преддверии Пасхальных праздников (католическая/протестантская Пасха в тот год выпала на 21 апреля) он «изустно попросил» уволить его «в отпуск по своим делам на несколько дней до с. Новая Ладога». Получив согласие начальника губернии, он отправился «без письменного вида, надеясь вернуться через 5 дней. Не доезжая до д. Сермакси, почувствовал симптомы лихорадки... Не найдя по пути медицинского пособия, вынужден был ...на пароходах поехать в СПб, чтобы посоветоваться с медиками, по приезде куда состояние ухудшилось, в чем и представил свидетельство». Сопоставляя объяснение, данное губернским секретарем Клаузеном, с законами, олонецкий губернатор, оправдываясь перед Богдановским, находит, что «означенный техник, если действительно вынужден был болезнью отправиться в СПб, то по приезде туда ему надлежало позаботиться тотчас испросить отпуск и доказать болезненное состояние надлежащим медицинским свидетельством. Но он пробыл в отлучке с 20 апреля по июнь, не дал о себе знать и предоставил впоследствии свидетельство пользовавшего его врача, которое уже никакого значения не имеет». Наказание было очень мягким: «За неразрешенную отлучку от должности, продолжавшуюся более месяца, Губернский

---

¹ Переписку по этому вопросу см.: РГИА. — Ф. 1293. — Оп. 113. — Д. 112. — Л. 45—52.

секретарь Клаузен (ст. 414 Уложения и Наказа) должен подвергнуться вычету из жалования за 1 (один) месяц». По настроению, которое прослеживается в переписке, складывается ощущение, что Клаузену было безразлично, как решится вопрос. Ему плохо, он находится в состоянии, похожем на депрессию.

Еще полгода после описанных событий Клаузен промучился в Петрозаводске, где, согласно зарегистрированным, но не сохранившимся документам, он занимался, в том числе, перестройкой городской канализации¹, а в январе 1879 г. обратился служебной запиской в МВД «о растраченном здоровье и желании перевестись на службу в одну из Южных губерний»². Имел он при этом в виду, конечно, Крым, где, по нашим предположениям, жила семья его супруги.

К началу 1879 г. в Симферополе уже 2 года пустовало место младшего инженера Таврического губернского правления. 23 января О. Клаузен составил прошение, и в тот же день оно было рассмотрено и возвращено ему с положительной резолюцией³. Началась «Крымская эпопея» О. Г. Клаузена, которая длилась всего каких-то 10 лет. Но это почти половина его сознательной и активной в творческом плане жизни. Как служащий ТСК, младший губернский инженер занимается гражданскими постройками, планами и проектами всех городских сооружений, подведомственных МВД, в том числе, особой сложности и значения. Он инспектирует фабрики и мануфактуры, заводики и мелкие предприятия в разных городах Таврической губернии на предмет соответствия их общим требованиям и нормам технического регламента Российской империи, проверяет и занимается переустройством отопления в домах, а также городских систем канализации и водопровода. Отчеты об этих поездках содержатся в Государственном архиве Республики

---

¹ РГИА. — Ф. 1293. — Оп. 170. — Д. 95.

² Там же. — Оп. 113. — Д. 112. — Л. 65–66.

³ Там же. — Л. 66.

Крым (ГАРК)¹. Уже через полгода службы Таврический губернатор А. А. Кавелин ранее установленного срока делает на Клаузена представление о повышении его в следующий чин².

В Симферополе Оскар Генрихович строит Александроневскую церковь в византийском стиле при мужской гимназии; выполняет проект «Нового города» на Султанском лугу (во владениях Султан-Крым-Гирея). Параллельно он много работает по частным заказам в Крыму и за пределами полуострова. Строит он и собственный дом в Симферополе на Феодосийском шоссе, в саду, за мостом через р. Салгир. (Сейчас этот район города носит название «Архитекторский».)

К великому сожалению, время не сохранило для нас большую часть архитектурного наследия О. Г. Клаузена. Но если бы он за свою короткую жизнь возвел лишь те 2 шедевра, что мы можем видеть сегодня, даже тогда мы были бы благодарны судьбе за то, что она привела в Крым талантливого мастера. В Крыму о двух великолепных замках в неоготическом стиле говорят с великим уважением. Клаузен возвел на берегу Салгира дом для семьи Кесслеров; а в пышном парке с великолепными прудами — дворец «в мавританском вкусе, с роскошной внутренней отделкой» для семейства графа Монжене³. Он принес в Салгирскую долину (где прекрасные южные усадьбы Перовских, Княжевичей, Долгоруковых перемежались татарскими селениями в яблоневых и грушевых садах с крохотными мечетями, греческими деревеньками с выглядывающими куполами маленьких часовенок и небольших церквей) рыцарский дух. Его замки поражали путешественников башнями и башенками, стрельчатыми и арочными окнами, резными балюстрадами балконов и белой пеной машикулей. Он привез

---

¹ См., например: ГАРК. — Ф. 27. — Оп. 13. — Д. 1578. — Л. 89–90 и др.

² РГИА. — Ф. 1293. — Оп. 113. — Д. 112. — Л. 70, 71.

³ Барановский Г. В. Указ. соч. — С. 154.

освежающее дыхание севера на жаркую полуденную землю. Вплоть до 1917 г. в крымских постройках звучало эхо работ почти забытого ныне архитектора О. Г. Клаузена. Контуры его идей можно увидеть и в главной башне над Массандровскими подвалами, и в Голицынском замке для рабочих в Новом свете, и, конечно, в абрисе самого узнаваемого здания Крыма — знаменитом Ласточкином гнезде. А автора прекрасных сооружений в Салгирской долине, сверкающих белизной каменных раскладок на ярком таврическом солнце и переливающихся розоватой штукатуркой на фоне голубого, оранжевого и фиолетово-закатного неба, вечнозеленых крымских сосен, туй и кипарисов, преследовали скандалы, болезни и бедность. Он был еще очень молод, у него были большие планы, но здоровье не позволило им осуществиться.

В 1884 г. бессменный покровитель Р. Б. Бернгард напоминает титулярному советнику Клаузену о том, что он не получил в свое время положенный знак для гражданских инженеров. Он предлагает Оскару снова пройти дополнительное испытание по предмету «Отопление и вентиляция зданий», которое «теперь сдают все выпускники»¹. Это вдруг запустило маховик проблем инженера Клаузена. Насмешка судьбы: современные архитекторы, оценивая реализованные проекты О. Г. Клаузена, особенно отмечают его виртуозность именно в разработке систем отопления и вентиляции². Создавая свои замки, он продумал воздухопроводы и дымоходы таким образом, что при помощи одного котла можно было, например, отопить целиком двухэтажное сооружение сложной архитектуры. (К сожалению, ныне эта возможность безвозвратно утрачена). Более того, известно, что в Германии и во Франции О. Г. Клаузен

---

¹ ЦГИА СПб. — Ф. 184. — Оп. 3. — Д. 1687. — Л. 1, 2.

² См.: Халилов Ш. У. Общая характеристика объекта культурного наследия. Доклад на совещании «Сохранение Усадьбы Монжене». Крым, 11 сентября 2020; НТПО «Крым». Проектная документация по проведению первоочередных противоаварийных работ и реставрации от 07.10.2010.

в последний год своей жизни, когда уехал в Европу на лечение, получил престижные премии именно за изобретения в сфере отопительных приборов.

С 1885 г. на О. Клаузена навалились всевозможные неприятности. В Симферопольском гражданском суде он проиграл несколько процессов¹. Он влез в долги; здоровье снова стало подводить; и в это время разразился новый скандал, «симферопольский». На Оскара Генриховича обрушился неожиданный удар: председатель ТСК Н. Богдановский внезапно потребовал возвращения Клаузена в Петербург. (В начале 1880-х гг. Таврическим губернатором становится А. Н. Всевожский, сменивший на этом посту благоволившего к Клаузену Кавелина). Может быть, новый шеф был недоволен тем, что у молодого архитектора много работы по личным заказам. Возможно, сыграла роль тяжба с городской управой Евпатории (где в итоге все остались недовольны друг другом); а возможно, просто не сложились личные отношения. Клаузен легко наживал врагов, часто даже из бывших друзей и коллег. Это случилось, например, с К. Торгонским, известным крымским архитектором. Они работали вместе, а затем вдруг Клаузен подписал документ, показывающий его полное недоверие к коллеге)². В любом случае, возвращаться в туманную столицу Клаузен был не намерен. Он попробовал отпроситься в отпуск. Попытка убежать от проблем — свидетельство их неразрешимости и в личной жизни, и на службе.

Оскар в 35 лет — уже глубоко больной человек. За год он проходит несколько врачебных комиссий, которые в присутствии полицейского инспектора, членов управы и уже упомянутого Торгонского, главного губернского инженера, констатируют, что пациент не просто жалуется на плохое самочувствие. У него дрожат

---

¹ См.: Таврические губернские ведомости. — 1887. — 31 января; 1888. — 7, 17 сентября.

² Там же.

руки, у него шаркающая стариковская походка и постоянные боли в позвоночнике, которые еще усилились после травмы, полученной во время езды на лошади (в экипаже). К этому же периоду Г. В. Барановский относит начинающуюся у Клаузена глухоту. Ему ставят диагноз «ишемия» и заключают, что до выздоровления он не может выехать в Санкт-Петербург. Но из Симферополя он выезжает, получив заграничный паспорт, на 2 месяца в 1885 г., на 4 — в 1886 г., и позднее¹. Все это происходит под аккомпанемент яростных и необъяснимых требований вернуться в Санкт-Петербург под угрозой увольнения. Клаузен тянет с решением этого вопроса до июля 1886 г. А потом вдруг решает подать заявление о выходе в отставку по собственному желанию². И снова мы пока не можем сказать, что послужило к этому главной причиной. Болел? Не хотел покидать Крым? Не доделал здесь проекты? Избегал общения с новым начальством ТСК МВД? А, возможно, увлекся новой темой и для этого ездил за границу. Барановский пишет, что нервный удар лишил Клаузена слуха и возможности заниматься строительной деятельностью³. И вот тогда бедный больной Оскар Генрихович снова занялся отопительными приборами, вернулся к тому предмету, не сдав который в свое время, юный инженер-архитектор затормозил, поднимаясь по карьерной лестнице; он стал решать проблему, которая мешала ему всю его жизнь. И добился своего: решив ее, он прославился, стал лучшим специалистом по отопительным приборам и в России, и в мире, доказав это созданием своей знаменитой «бездымной печи». Изобретение оценили во многих странах; за замечательную печь он получил на разных выставках 8 медалей, в том числе золото на Парижской в 1891 г., и от Берлинской Академии наук, сделавшей его своим почетным членом⁴.

---

¹ РГИА. — Ф. 1293. — Оп. 113. — Д. 112. — Л. 81–83.

² Там же.

³ Барановский Г. В. Указ. соч. — С. 153.

⁴ Там же. — С. 154.

Согласно Барановскому, Оскар Генрихович последние 4 года жизни сильно болел и сильно бедствовал, несмотря на признание в научном мире. Он пишет, что Клаузен жил за границей с 1887 г. и умер в Лондоне практически в нищете¹. Однако найденные нами материалы свидетельствуют о том, что весь 1887 г. и до мая—июня 1888 г. Клаузен судился с несколькими людьми, и одновременно продолжалось его дело с Евпаторийской городской управой². В этом же году он упомянут в списке домовладельцев Симферополя, имеющих право участвовать в выборах земских гласных в сентябре. В 1890 г. он еще именуется гражданским инженером. На протяжении нескольких месяцев в газете выходит объявление о «торгах с молотка» имения коллежского асессора О. А. Клаузена. На 16 мая 1891 г. дом еще не был продан. Есть вероятность, что его для дочери выкупил тесть Клаузена. В доме была открыта контора по продаже и укладке марсельской и итальянской плитки/черепицы. (То есть была, возможно, при доме мастерская или мастера?) А вот 31 августа 1891 г. этот дом и сад уже числятся за женой архитектора Н. Клаузен и Викторовой, возможно, ее отцом или братом. В Симферопольских газетах публиковались объявления, что в доме жены архитектора (а не вдовы!) сдаются меблированные квартиры и комнаты. Можно предположить, что Клаузены, уезжая на лечение за границу, хотели выручить денег. Так или иначе, в 1891 г. в Симферополе Оскара Генриховича уже не было. Утверждать что-либо о дате его смерти (как и о дате рождения) можно будет с точностью только тогда, когда обнаружатся неоспоримые документы.

Можно констатировать, что на основании архивных материалов нами нарисована канва жизни Оскара Генриховича Клаузена. Проанализировать, что служило побудительными мотивами каждого его поступка — дело будущего, как и тщательное исследование

¹ Барановский Г. В. Указ. соч. — С. 154.

² См.: Таврические губернские ведомости. — 1888. — 7, 17 сентября; 1890. — 8 марта, 5, 12 апреля; 1891. — 16 мая, 31 августа и др.

истории Клаузена-архитектора и творца. Его жизнь впечатляет своей печальной реальностью: с детства и до смерти она была трудна и грустна, обстоятельства враждебны и непреодолимы, все не удавалось, обрывалось, заканчивалось. Но как прекрасны и радостны его сооружения! Как, вопреки всему, замечательны и полезны его работы, созданные для людей, с которыми Оскару Генриховичу было так сложно общаться! Как незаслуженно мало он получал благодарностей в жизни; и как мы благодарны за его службу теперь, спустя 150 лет!

**Документы по истории Крыма 1920—1950-х гг.
в Центральном государственном архиве Московской области**

В фондах Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО) хранятся документы, рассказывающие о связях Московского региона и Крыма, проливающие свет на некоторые события в истории Крыма или дополняющие какими-то новыми штрихами представления о тех или иных, достаточно хорошо известных событиях истории Крымской земли. Эти документы хранятся как в фондах государственных органов, так и в личных фондах. Личные фонды связаны с именами людей, чья деятельность в определенный период их жизни проходила в Крыму.

Все документы относятся к советскому периоду. Самые ранние из них датируются 1922 г. и описывают ситуацию, возникшую в Крыму в связи с жестоким голодом¹. Эти документы хранятся в фонде 771 Московской губернской комиссии по оказанию помощи голодающим при Моссовете (Помгол). В докладе члена секции помощи голодающим Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Г. П. Сорокина в упомянутую Комиссию говорится о том, как он сопровождал эшелон с продовольствием, направленный из Москвы в Крым. В его задачу входило выяснение того, сколько человек голодает в Крыму, какова смертность от голода, в чем больше всего нуждается Крым, оказывают ли Крыму помощь другие регионы, какие еще острые проблемы стояли в тот момент перед крымчанами. В документе констатируется, что москвичи были первыми, кто оказал помощь жителям

---

¹ Статья на эту тему по материалам фонда опубликована В. Ф. Козловым, см.: *Козлов В. Ф. Помощь Москвы голодающему Крыму в 1922 г. [по материалам ЦГАМО] // Москва—Крым: историко-публицистический альманах. — Вып. 4. — М., 2002. — С. 165—171. — прим. ред.*

Крыма в сложившейся трудной ситуации. Также сообщается, что в Симферополе с наступлением весны ситуация стала улучшаться, и смертность уменьшилась, хотя в самый тяжелый период она доходила до 300 чел. в день. Однако во многих местах Крыма ситуация продолжала оставаться тяжелой. В Бахчисарае и окрестностях Карасу-Базара (нынешнего Белогорска) вымерло до 55 % жителей. Отметив, что в целом в Крыму голодало примерно 400 тыс. чел., автор доклада приводит жуткие подробности: «Вид у изголодавшихся ужасный. Особенно тяжело смотреть на детей, у которых в большинстве нет родителей. Нехватка в этих местах абсолютно во всем. Продовольствия мало, нет мануфактуры, у каждого ребенка или взрослого одна смена белья, нет жиров (и еще чего хуже, татары умирают с голоду, а свинину есть отказываются). Совершенно нет мыла, что способствует развитию эпидемий. На одной кровати и под одной покрывшей лежат по семь человек детей, которые заражают друг друга болезнями... На вопрос, есть ли надежда на выздоровление детей, мне ответили, что хорошо бы было, если из них осталось 50%, так как нужно кормить не менее четырех раз в день, а у нас есть продовольствия только на один раз в день, и то не в достаточном количестве и не того качества, что необходимо больным»¹.

В архиве имеются и другие документы (протоколы, доклады, воззвания, переписка), из которых можно узнать о ситуации в Крыму в 1922 г., о той помощи, которая была оказана жителями Москвы и Подмосковья переживавшим голод крымчанам. В фонде 771 целое дело (55) аккумулировало документы, связанные с ситуацией в Крыму в 1922 г. и с той помощью, которые оказали московские рабочие жителям Крыма. Из документов можно почерпнуть сведения о том, как складывалась ситуация с продовольственным обеспечением населения Крыма на конкретных территориях, каково было состояние крымского сельского хозяйства в целом и его отдельных

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 771. — Оп. 1. — Д. 78. — Л. 30.

территорий, как организовывалось питание детей, какие виды продуктов и промышленных товаров и в каком объеме направлялись в Крым, какие трудности приходилось преодолевать при доставке продовольствия и необходимых промышленных товаров. Из документов мы узнаём, например, что только в период с мая по июль 1922 г. из Москвы в Крым было направлено 5 продовольственных маршрутов¹.

Примечателен такой факт. Крымчане решили как-то отблагодарить москвичей за предоставленную помощь. Сохранилось письмо московским рабочим «от крымских рабочих и крестьян»: «Мы хорошо знаем, что вы из крох своих уделяли нам последнее, а потому всем вам братское пролетарское спасибо и просим вас принять наш скромный подарок, выражающий (так в тексте — *В.Г.*) в производстве крымской культуры»². Следующий документ раскрывает, какое же «производство крымской культуры» было прислано в Москву — 5 бочек вина, 73 пачки табака³. Последовал ответ из Москвы с благодарностью за присланные дары. «Но, — отмечалось в ответном письме, — высоко ценя ваш подарок, московские рабочие не могут принять его материальной ценности... Было решено принять ваш подарок и, послав вам свое братское спасибо, одновременно реализовать присланные вино и табак и на вырученные деньги приобрести для Крыма столь необходимые ему сейчас продукты диетического питания и предметы хозяйственного оборудования, что и будет в ближайшие дни выполнено»⁴.

Ряд хранящихся в ЦГАМО документов связан с еще одним трагическим событием в истории Крыма — разрушительным землетрясением 1927 г. В результате его было разрушено большое число зданий и сооружений, погибли или тяжело пострадали

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 771. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 61.

² Там же. — Л. 35.

³ Там же. — Л. 27.

⁴ Там же. — Л. 26.

люди. В Ялте, по имеющимся данным, примерно половина жителей осталась без крова. Все это требовало принятия оперативных мер по оказанию помощи пострадавшим и ликвидации последствий стихийного бедствия. Землетрясение произошло в ночь с 11 на 12 сентября. 19 сентября Президиум Моссовета рассматривает вопрос о помощи пострадавшему от землетрясения населению Крыма. В протоколе зафиксировано решение Президиума, где от трудящихся Москвы и Московской губернии было выражено глубокое сочувствие трудящемуся населению Крыма, и сообщалось, что в помощь пострадавшим от землетрясения переводятся денежные средства¹.

В специальном деле (5135) в фонде 66² отложилась переписка московских организаций с представительством Крымской АССР в Москве по вопросам оказания помощи пострадавшим от землетрясения крымчанам. Здесь можно ознакомиться с обращением Крымского правительства, в котором описываются последствия землетрясения, сообщается, что помощь извне приходит слишком медленно, и содержится призыв «ко всему трудовому населению Союза с просьбой о поддержке пролетарской кузницы здоровья»³. Можно найти информацию о масштабах разрушений в различных частях полуострова, о настроениях людей, о ситуации, складывавшейся после продолжавшихся в течение определенного времени повторных подземных толчков. Есть и данные о поступлении в Крым денежных средств из разных районов Советского Союза, от различных организаций⁴.

Значительная часть документов, хранящихся в этом деле, посвящена организации в Москве кружечного сбора средств в помощь пострадавшим от землетрясения. Организация такого сбора была возложена на Московский комитет Красного Креста.

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 19. — Д. 329. — Л. 290.

² Там же. — Оп. 11. — Д. 5135.

³ Там же. — Л. 3.

⁴ Там же. — Л. 4.

В начале ноября 1927 г. Комитет выступил с обращением к населению Москвы и Московской губернии. В нем говорится о необходимости мобилизации всех сил трудящихся Москвы и губернии для оказания помощи Крыму: «Сотни, десятки тысяч рабочих и крестьян каждый год восстанавливали, поправляли в Крыму свое здоровье и обязаны в тяжелый момент исполнить свой гражданский и братский долг по отношению к трудящемуся населению Крыма»¹. В обращении сообщалось, что Московский комитет общества Красного Креста с 12 по 25 ноября 1927 г. организует кружечный сбор «Помощь Крыму», который будет производиться «на улицах Москвы, в театрах, кино, жилтовариществами и в учреждениях»².

События, происходившие в Крыму в годы Великой Отечественной войны, отражены в материалах ряда хранящихся в архиве личных фондов. Один из них — фонд А. Н. Первушина, значащийся в архиве под номером 2405. Алексей Николаевич Первушин — участник Великой Отечественной войны, генерал-майор. В первые месяцы войны в качестве командира дивизии участвовал в оборонительных боях в Крыму, а в декабре 1941 г. был назначен командующим 44-й армией, которая активно участвовала в осуществлении Керченско-Феодосийской десантной операции. Это — крупнейшая десантная операция, проведенная советскими войсками во время войны. В ходе ее были освобождены от фашистов (пусть и на непродолжительное время) Керчь и Феодосия. Враг был вынужден оттянуть часть сил от осажденного Севастополя, что облегчило положение защитников города. А главное — на несколько месяцев была отодвинута угроза прорыва противника на Кавказ, к его нефтяным месторождениям.

Сам А. Н. Первушин в январе 1942 г. был тяжело ранен и в дальнейшем в боевых действиях не участвовал. Впоследствии, находясь уже в отставке, он напишет выдержавшую 2 издания

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 11. — Д. 5135. — Л. 2.

² Там же.

книгу воспоминаний «Дороги, которые мы не выбирали»¹, в которой рассказывается о боях в Крыму в первые месяцы войны и о Керченско-Феодосийской операции. Эта книга вызвала большое число откликов. В адрес автора направлялись письма, которые и отложились в архиве². В письмах (а их несколько десятков) можно найти описание тех или иных деталей происходивших в Крыму событий, а также сведения о судьбах участников боевых действий. В одном из архивных дел хранится отпечатанный на машинке список участников Керченско-Феодосийской операции³. Этот список, который, судя по некоторым признакам, начал составляться в 1960-е гг., далеко не полный. В документе содержатся сведения о том, кем являлись внесенные в него люди в то время, когда осуществлялась операция, а также их адреса на момент составления списка. Наверное, А. Н. Первушин имел намерение отобразить состав участников той операции как можно полнее, но здесь мы не можем пойти далее предположений.

Представляют определенный интерес содержащиеся в фонде А. Н. Первушина картографические материалы. Это выполненные от руки на кальке схемы осуществления Керченско-Феодосийской операции с подробным обозначением сил, участвовавших в ней, мест высадки и тех позиций, которые высадившиеся на побережье участники десанта должны были занять⁴.

С Керченско-Феодосийской операцией связан еще ряд документов, относящихся уже к более позднему времени. Они свидетельствуют о том, сколь активно и упорно А. Н. Первушин добивался, чтобы в Феодосии был установлен памятник участникам десанта. Из его переписки по этому вопросу видно, что писем с выражением

---

¹ Первушин А. Н. Дороги, которые мы не выбирали. — 2-е изд. — М., 1974. — 271 с.

² ЦГАМО. — Ф. 2405. — Оп. 1. — Д. 64.

³ Там же. — Д. 20.

⁴ Там же. — Д. 88.

поддержки идеи установления такого памятника было немало. Первое из имеющихся в архиве таких писем относится к 1966 г. — оно поступило из политуправления Черноморского флота¹. Поддержка выражалась и в письмах из Крымского обкома Компартии Украины, из Министерства культуры СССР². Памятник, однако, был установлен лишь в 1994 г., то есть спустя 19 лет после смерти А. Н. Первушина.

Материалы, связанные с освобождением Крыма и Севастополя в 1944 г., можно найти в фонде 953. В нем сосредоточены документы другого участника Великой Отечественной войны генерал-лейтенанта Ивана Семеновича Стрельбицкого. Этот военачальник отличился еще в 1941 г. в боях под Москвой, будучи одним из руководителей обороны, которую держали подольские курсанты на Ильинских рубежах близ Малоярославца. А весной 1944 г., когда проводилась операция по освобождению Крыма, он являлся командующим артиллерией 2-й гвардейской армии, которая внесла весомый вклад в достижение успеха операции. Здесь мы можем видеть такие документы, как отпечатанную типографским способом и имевшую гриф «для служебного пользования» «принципиальную схему» построения боевых порядков стрелкового батальона для атаки по прорыву вражеских укреплений на Перекопе³, такие же схемы построения боевых порядков стрелкового полка для атаки по прорыву Севастопольского укрепрайона⁴. Имеются подробные карты, отображающие действия 2-й гвардейской армии и, в частности, ее артиллерии при штурме Перекопа и Севастополя⁵.

Есть среди документов фонда И. С. Стрельбицкого и воспоминания участников описываемых событий. Они разноплановы. Рядовые участники тех боев сообщают в письмах И. С. Стрель-

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 2405. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 17.

² Там же. — Л. 11, 24.

³ Там же. — Ф. 953. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 1–2.

⁴ Там же. — Л. 3–6.

⁵ Там же. — Д. 30.

бицкому о каких-то деталях, штрихах. В воспоминаниях бывшего сотрудника разведотдела штаба 2-й гвардейской армии полковника Д. Раевского можно найти интересные факты о работе армейской разведки перед началом и в ходе наступательной операции по освобождению Крыма¹.

Привлекают внимание материалы о священнике Борисе Евгеньевиче Пекарчуке, который, оставаясь в оккупированном Севастополе, помогал содержавшимся в организованном немцами концлагере нашим военнопленным, тайно собирая для них среди населения столь нужные им продукты и одежду². Начало же операции по освобождению Севастополя застало Б. Е. Пекарчука в сильно укрепленном врагом с. Бартеневке, которое предстояло штурмовать. Для этого нужно было основательно разведать позиции противника. Сам И. С. Стрельбицкий вспоминал: «И вот в это самое горячее время от крайнего дома села выскочила какая-то странная фигура и побежала в нашу сторону... Когда приблизился к нашим метрам на сто, то все увидели, что это поп, ряса поизорвалась, борода всклокочена, а глаза живые, радостные. Наши разведчики подхватили его под руки и втащили его к себе в траншею»³. То, что рассказал священник, существенно дополнило имевшуюся у наших военных информацию о расположении огневых точек фашистов. Но он не только передал ценные сведения, но и, представившись командиру дивизии А. Г. Карапетяну: «Господин, товарищ полковник, настоятель такой-то церкви прибыл для содействия православному воинству в изгнании дьявола из рая», вызвался сам идти в бой и провести наших воинов таким образом, чтобы ударить по укрепленным позициям немцев с тыла, откуда они совсем не ожидали нападения⁴. Пока велись приготовления, А. Г. Карапетян спросил

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 953. — Оп. 1. — Д. 368.

² Там же. — Д. 346. — Л. 4об.

³ Там же. — Л. 10.

⁴ Там же. — Д. 346. — Л. 11–12.

священника, какое же православное войско он имеет в виду, коли здесь «сплошь безбожники». Б. Е. Пекарчук ответил: «Главное, что войско-то наше родное, русское, как теперь говорят, советское, и помогать ему каждый должен»¹.

Не в последнюю очередь благодаря информации и действиям Б. Е. Пекарчука оборона фашистов была взломана, село было взято. Впоследствии, спустя почти 20 лет, И. С. Стрельбицкий разыскал Б. Е. Пекарчука, между ними велась переписка. И. С. Стрельбицкий воспроизвел письмо Б. Е. Пекарчука, в котором тот рассказал о себе, о жизни в оккупированном Севастополе, частично о том, чем он занимался после войны².

Фотодокументы по истории Крыма, связанные с первыми послевоенными годами, можно найти в фонде Ивана Васильевича Комзина (Ф. 2607). И. В. Комзин — крупный строитель, энергетик, Герой Социалистического Труда. Он известен как руководитель строительства Куйбышевской ГЭС на Волге, являлся главным советским экспертом на строительстве Асуанской ГЭС в Египте. А во второй половине 1940-х гг. он возглавлял Управление при Совете Министров СССР по восстановлению г. Севастополя. Снимки, отложившиеся в его фонде, дают представление о том, как выглядел тогда Севастополь, претерпевший серьезные разрушения в военные годы, каковы были первые результаты выполненных работ по восстановлению города³.

И еще о двух документах. Это решения Мособлисполкома. Оба они относятся к первым послевоенным годам. И оба они связаны с тем, что в силу ряда причин, обусловленных Великой Отечественной войной, Крым столкнулся сразу после войны с проблемой нехватки рабочих рук для восстановления претерпевшей серьезный урон экономики. Одно из решений, принятое в декабре 1948 г.,

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 953. — Оп. 1. — Д. 346. — Л. 12.

² Там же. — Л. 19–22.

³ Там же. — Ф. 2607. — Оп. 1. — Д. 337.

предусматривало мобилизацию военнообязанных запаса в школы фабрично-заводского обучения Крыма, которые готовили рабочих строительных специальностей для строительных организаций, осуществлявших восстановление Севастополя. Всего предполагалось мобилизовать через райвоенкоматы 220 чел.¹ Другое решение Мособлисполкома принято в январе 1950 г. Оно касалось переселения на добровольных началах 250 семей колхозников Московской области в колхозы Крымской области². Оба документа, как видно из их текстов, приняты во исполнение соответствующих постановлений правительств СССР и РСФСР.

Очевидно, что в дальнейшем в архиве могут быть выявлены и другие документы, относящиеся к Крыму. Некоторые же из упомянутых документов экспонировались в 2019 г. на организованной в Гурзуфе выставке «Это из нашей истории строки». Интернет-версия данной выставки размещена в информационной системе «Архивы Московской области».

---

¹ ЦГАМО. — Ф. 2157. — Оп. 8. — Д. 56. — Л. 173–174.

² Там же. — Оп. 1. — Д. 3340. — Л. 2–6.

**История коллекции И. М. Саркизова-Серазини
живописных и графических произведений
(по документам Историко-спортивного музея
Российского государственного университета физической
культуры, спорта, молодежи и туризма)**

Иван Михайлович Саркизов-Серазини (1887–1964) — известный советский ученый, один из основателей Российского общества по изучению Крыма (РОПИК), собирал литературу об истории полуострова, снабжал библиотеки крымских музеев букинистическими книгами, коллекционировал произведения крымских живописцев. В путеводителе по Восточному Крыму в 1958 г. учёный писал: «Где ещё можно встретить в Европе такое количество самых разнообразных пейзажей, различных по своему характеру и стилю, какие имеются на небольшом отрезке земли восточного Крыма? Может быть не случайно бывшему городу киммерийцев, потом Милетской колонии ионических греков, виднейшему порту Боспорского царства, генуэзской фактории итальянских колонистов, малому Стамбулу турок — Феодосии, суждено было сделаться колыбелью, из которой вышло много крупных русских художников, сделавших имя Феодосии широко известным и у нас, и по всему миру?»¹. Одной из значительных частей его уникальной коллекции, состоявшей также из писем и автографов известных деятелей культуры, рукописей, книг, стала живопись.

Цель данной статьи охарактеризовать ранее малоизученную коллекцию живописи и графики И. М. Саркизова-Серазини, а непосредственная задача заключается в систематизации сведений

---

¹ Саркизов-Серазини И. М. По восточному Крыму. Путеводитель. — М., 1958. — С. 52.

о формировании коллекции. Источниками послужили архивные материалы «Автобиографии», хранящиеся в Историко-спортивном музее Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (РГУФКСиТ), и опубликованные воспоминания учеников и почитателей И. М. Саркизова-Серазини: А. А. Бирюкова (К 125-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки, доктора медицинских наук, профессора Ивана Михайловича Саркизова-Серазини // Лечебная физкультура и спортивная медицина. — 2012. — № 3 (99). — С. 4–12.) и А. А. Салуцкого (Секрет Профессора. Документальная повесть о И. М. Саркизове-Серазини. — М., 1976), «Воспоминания о Феодосии» И. М. Саркизова-Серазини. В подборе литературы и поиске сведений неоценимую помощь оказала Н. Л. Иванова, доцент кафедры физической реабилитации, массажа и оздоровительной физической культуры имени И. М. Саркизова-Серазини РГУФКСиТ. Главным методом исследования стал комплексный подход, позволивший объединить найденные сведения и представить их в данной публикации.

В автобиографии ученого сказано: «С 1925 года я пристрастился к коллекционированию картин знаменитых художников, редчайших книг, авторов и рукописей великих учёных, поэтов, писателей и т. д. Я был несколько странным коллекционером. Я значительную часть своих приобретений раздавал безвозмездно музеям страны. За 35 лет своего коллекционирования я собрал редчайшую коллекцию полотен кисти таких художников как Айвазовский (24 картины), Семирадский (3 полотна из 11 полотен, имеющих в СССР), Поленов, Маковский, Верещагин, Репин, Боголюбов, Богаевский (6 полотен), Лагорио (4 полотна), Дубовской, Саврасов, Волошин, А. М. Герасимов, Струнников, Архипов, Кукрыниксы, Суриков и многих других. Из своего собрания 90 картин я подарил Третьяковской галерее, 7 картин в Феодосийскую галерею имени Айвазовского и 3 редчайших картины — фламандца Ван дер Неера и двух французских классиков Добиньи и Гринье — в Алушкинский

музей. Свою библиотеку, насчитывавшую 10 тысяч редчайших и в значительном количестве уникальных книг, я передал в основном Московскому Историческому музею, Музею А. С. Пушкина в Москве, в Дом Пушкина и Военно-морской музей в Ленинграде, в музей Истории медицины в Риге, в музей имени Белинского, Публичную библиотеку и Академию Наук в Тбилиси и др. Кроме того, на протяжении многих лет я посылал книги во все музеи Крыма, в музей имени Тургенева, Достоевского, Суворова в селе Кончанском, в Музей Лермонтова в Пятигорске и Тарханах, имени Шевченко в Киев и в другие музеи страны. Мною было собрано около 500 рукописей, автографов и писем Пушкина, Чехова, Достоевского, Гоголя, Горького, Лескова, Державина, Репина, Тургенева, Чайковского, Бородина, Листа, Бальзака и множества других великих людей, которые я также передал в различные музеи страны. В музеи страны я передал письма, адресованные лично мне Станиславским, Ермоловой, Южным, Садовским, Мичуриным, Андреем Белым, Вл. Гиляровским, М. П. Чеховой, художниками Архиповым, Богаевским, артисткой МХАТа М. Лилиной и артистом того же театра А. Л. Вишневым, писателями А. Яковлевым, Сергеем Малашкиным, Сободем и другими моими друзьями и знакомыми. Много автографов, принадлежавших историческим лицам, я подарил Московскому Историческому музею и среди них автографы Петра Великого, Екатерины, Меньшикова, Миниха, Суворова, Кутузова, Багратиона, палачей Пушкина — Бенкендорфа, Дубельта и Николая I, Скобелева, Барклая де Толли и множества других исторических личностей. Великий советский народ дал мне эти реликвии из истории прошлого русского народа, из области литературы, поэзии, науки, изобразительного искусства и, я, сохранив их, вновь вернул своему народу»¹.

---

¹ Саркизов-Серазини И. М. Автобиография. 1962 // Историко-спортивный музей РГУФКСМиТ. — С. 6–7.

При обращении к живописной коллекции И. М. Саркизова-Серазини, становится очевидным его пристрастие к Крыму и крымским пейзажам, которые в значительной мере преобладали в его коллекции. Он родился в Ялте и провёл своё детство в Феодосии и впоследствии был предан в течение всей своей жизни родному его сердцу Крыму.

Н. С. Барсамов — директор Феодосийской картинной галереи имени И. К. Айвазовского, пишет: «И. М. Саркизов-Серазини был знатоком литературы о прошлом Крыма и щедро снабжал библиотеку краеведческого музея и галереи букинистическими книгами. Нам, кроме того, он сообщал сведения о картинах Айвазовского, появляющихся в антикварных магазинах. Иван Михайлович собрал коллекцию картин, среди которых было 25 работ Айвазовского. Он намеревался завещать свою коллекцию галерее Айвазовского, но впоследствии переменял решение и отдал её Третьяковской галерее. Нам он передал автопортрет Айвазовского и прекрасную акварельную марину Гюдена. От него получена также рукопись воспоминаний о детских и юношеских годах, относящихся к концу прошлого и началу нынешнего века. В рукописи имеется много сведений о нравах и обычаях старой Феодосии, упоминаются люди того времени, есть много деталей, помогающих воссоздать облик города на рубеже двух эпох...»¹.

В настоящее время этот автопортрет И. К. Айвазовского хранится в собрании Феодосийской картинной галереи имени И. К. Айвазовского и представлен на страницах монографических изданий знаменитого мариниста (*Гайдук Т. В. И. К. Айвазовский. Живопись. Альбом-каталог, 2007; Гайдук Т. В. Айвазовский Иван Константинович. Живопись. Избранное. Проект «Айвазовский: 200 лет триумфа», 2015*). Интересно отметить, что Иван Михайлович принимал самое активное участие в формировании фондов

---

¹ Барсамов Н. С. 45 лет в галерее Айвазовского. — Симферополь, 1971. — С. 195.

галереи, помогая собирать картины крымских художников. Он был регулярным гостем антикварных магазинов и, если там попадалось полотно И. К. Айвазовского, сразу сообщал Н. С. Барсамову, а затем они совместно предпринимали всевозможные усилия, чтобы картина попала в галерею художника. Нередко выкупал картину на собственные средства и отправлял в Феодосию.

Одним из его любимых художников и хорошим другом был К. Ф. Богаевский, известный крымский пейзажист, экспонент многочисленных выставок, известный своими символически-историческими пейзажами, воссоздающими миф о таинственной Киммерии. А. С. Салуцкий пишет: «Саркизов-Серазини дорожил дружбой с Богаевским, чьё творчество очень соответствовало его художественным вкусам. Работая над романом “Потомок венецианского дожа”, Иван Михайлович постоянно держал перед собой подлинники и копии картин Богаевского. На них воскресали фантастические сказочные, иссечённые ветрами, просоленные морскими брызгами киммерийские берега. Одно из полотен Богаевского, на котором изображены грозные развалины генуэзских башен, Саркизов-Серазини особенно любил. Эта картина висела в его кабинете над книжным шкафом. Всю жизнь, сидя за рабочим столом, Иван Михайлович смотрел на неё. Она способствовала созданию творческого настроения»¹. Среди наиболее известных картин художника — панорама «Феодосия», написана им в 1930 г. и представлена в собрании Феодосийской картинной галереи имени И. К. Айвазовского, однако, очевидно, по просьбе своего московского друга И. М. Саркизова-Серазини К. Ф. Богаевский в 1932 г. сделал повтор этой картины и назвал её «Современная Феодосия», сегодня это произведение хранится в запасниках Государственной Третьяковской галереи. На обороте есть надпись рукой учёного: «Подарено худ. К. Ф. Богаевским проф. И. М. Саркизову-

---

¹ Салуцкий А. А. Секрет Профессора. Документальная повесть о И. М. Саркизове-Серазини. — М., 1976. — С. 141.

Серазини в 1932 г. Москва. Новослободская 20. Кв. 14. Картина — повторение “Феодосии”, наход. в музее Айвазовского и Богаевского в г. Феодосии. Наст. картина в 1933 г. находилась на выставке: “XV л Советского искусства”». Перед зрителем разворачивается общая панорама города, где тесно переплелись старинные и современные кварталы, крепостные башни и стены, церкви и мечети. В левой части картины возвышается гора Митридат, которую венчает здание археологического музея в виде античного храма, построенное при участии и на средства И. К. Айвазовского, в ту пору «отца города»; сегодня этого музея нет, он был разрушен в годы Великой Отечественной войны. На дальнем плане картины виднеется Лысая гора, которую художник изображает, точно моделируя структуру каменистой горы. В правой части полотна — море, именно оно связывало этот город с античным и средневековым миром. Улицы города безлюдны, тишина витает над широкими просторами, а стены гегуэзской крепости свидетельствуют о былом величии. Важно отметить, что создавая свои произведения, автор не всегда стремился досконально воспроизвести окружающую природу, но в большой панораме родного города он старался быть максимально точным. Из переписки К. Ф. Богаевского и А. В. Григорьева становится очевидным, что произведения, хранящиеся в коллекции Ивана Михайловича, нередко запрашивались художником на выставки: «Если Вы решили взять для Москвы те мои вещи, что были выставлены в Ленинграде, то хотелось бы их пополнить теми ещё, что я Вам в последний раз прислал из Феодосии, выбрав из них только лучшие, к ним прибавить мои акварели, а также взять для этого у Ив[ана] Михайловича Саркизова “Феодосию” — масло, два или один этюд маслом и длинную акварель у него находящиеся»¹. Данный факт подтверждает дружеские отношения между художником и учёным. В своих «Воспоминаниях о Феодосии» Саркизов-

---

¹ Цит. по: *Башенко Р. Д.* К. Ф. Богаевский. — М., 1984. — С. 154. (Письмо К. Ф. Богаевского А. В. Григорьеву).

Серазини очень точно охарактеризовал творчество Богаевского: «Этот родоначальник исторического пейзажа России, как никто из перечисленной плеяды художников сумел передать на полотне измытанную ветрами и брызгами морских волн “страну печальной Киммерии”. В его незабываемых произведениях воскресают героические сны первозданных предгорий и гор восточного отрезка Тавриды, и в каждом произведении художника чувствуешь в изображаемой земле историческую тоску ушедших культур и девственную целомудренность одиноких холмов, со страстным желанием ожидающих своего оплодотворения трудом и гением человеческого разума»¹.

Близким другом К. Ф. Богаевского и пропагандистом Киммерии был М. А. Волошин — известный поэт Серебряного века, литературный критик, искусствовед и художник. Всю свою жизнь он изучал историю и культуру это края. Его имя неразрывно связано с Крымом, Киммерией, Коктебелем. Здесь он прожил большую часть своей жизни, здесь были написаны его знаменитые акварели, созданы лучшие его стихотворения. Хорошо известно, что в Коктебеле М. А. Волошин создал «Дом поэта», где частым гостем бывал И. М. Саркизов-Серазини как друг, врач и коллега-писатель. Он делился своими творческими замыслами с «поэтом Киммерии». Практически на всех акварелях М. А. Волошина в коллекции И. М. Саркизова-Серазини есть памятные надписи: акварель «Окрестности Коктебеля». 1924 — «Самому жизнерадостному бодрому и доброму из моих крымских друзей Ивану Михайловичу Саркизову. Моей тоской теперь напоены. Предгорий героические сны»; акварель «Коктебель. Окрестности». 1925 — «Милой Софье Анастасьевне — постоянное напоминание о Коктебеле»; акварель «Крымский пейзаж». 1925 — «Ивану Михайловичу: Коктебель Вас ожидает всегда Максимилиан Волошин»;

---

¹ Саркизов-Серазини И. М. Воспоминания о Феодосии. — Феодосия, 2010. — С. 96–98.

акварель «Окрестности Коктебеля». 1925 — «Доктору Саркизову. С грохотом ты нам предстал. В кулак зажимая цикаду. Солнцем обугленный торс. Конской шерстью порос»; акварель «Хоровод кисейных облаков». 1925 — «Милому Ивану Михайловичу — залог дружества в солнце и в движении», «Над чеканом бурых водороин. Хоровод кисейных облаков»; акварель «Пейзаж, воспроизводящий рисунок камня». 1925 — «Дорогому Ивану Михайловичу — оттиск пейзажа с камня им найденного»; акварель «Лунная ночь над Карадагом». 1927 — «“И под огромною луной Вся готика базальтов Карадага” Доктору Ивану Михайловичу»; акварель «Химеры». 1927 — «Милой Софье Анастасьевне — память о Коктебеле»; акварель «Древний венецианский город на берегу Коктебельской бухты». 1928 — «Дорогому Ивану Михайловичу память о нашей Киммерии Максимилиан Волошин». Поэт называет Киммерией «восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), в отличие от Тавриды, западной его части (южного берега и Херсонеса Таврического)»¹.

В действительности к Крыму у И. М. Саркизова-Серазини всегда была особая любовь. Иван Михайлович стал одним из инициаторов и членом Президиума Российского общества по изучению Крыма, которое занималось исследованием и популяризацией вопросов, затрагивающих историю, культуру и экономику Крыма. К сожалению, архивные материалы об обществе практически не сохранились, и журнал «Крым» является единственным источником об участии РОПИК в сохранении культурно-исторического наследия, но в нем представлено немало серьезных исследований, актуальных и сегодня. Каждый год по мере возможностей при всей своей загруженности Иван Михайлович отправлялся в Крым и совершал пешие прогулки в разных его частях.

---

¹ Волошин М. А. Константин Богаевский // Максимилиан Волошин. Собр. соч. в 8 т. — Т. 5. / сост., подгот. текста А. В. Лавров. — М., 2007. — С. 167.

Результатом путешествий стали путеводители «Крым», «По южному берегу Крыма», «По восточному Крыму», «По старому Свету». В качестве благодарности за систематическую работу по изучению наследия и истории полуострова одна из новых туристических троп, проложенная в 1962 г. от Симеиза на вершины Яйлы и обратно к Алушке, была названа именем И. М. Саркизова-Серазини.

Кукрыниксы, соседи Саркизова-Серазини, часто заходившие к нему в гости, создали замечательный шарж на тему деятельности учёного «Спасите! Помогите! Исцелите! Омолодите!». Жили они в Москве на ул. Чкалова, д. 14/16 (теперь это ул. Земляной вал). По воспоминаниям учеников, Иван Михайлович любил принимать гостей и угощал их чаем с крымскими травами, зачастую собранными им самим. А. А. Салуцкий оставил описание атмосферы, царившей в доме учителя: «Маленький домашний кабинет Саркизова-Серазини, выходивший окнами в тихий зелёный двор, напоминал нечто среднее между букинистической лавкой и антикварным магазином. Большой старинный книжный шкаф, где наряду с уникальными изданиями по истории медицины хранилась не менее редкая библиотека по Крыму, стоял напротив двери. Солидный двухтумбовый письменный стол — у окна... Настольная лампа с металлическим абажуром под бронзу, в который был вставлен поддельный рубин величиной с куриное яйцо, напоминала чалму индийского факира... Стен в кабинете почти не было видно: они сплошь были увешаны картинами и фотографиями с автографами. Множество картин висело и в небольшой столовой, где за квадратным столом собирались у Саркизова-Серазини друзья. Здесь же стоял ещё один книжный шкаф — с литературой по лечебной физкультуре, который впоследствии вместе со своим содержимым перекочевал в инфизкульт и стоит там по сей день. Это была типично профессорская квартира, какие любят изображать в кинофильмах. Пожалуй, только картин на стенах здесь было больше, чем у любого из коллег Иван Михайловича. Саркизов-Серазини обладал самой выдающейся

в Советском Союзе коллекцией произведений маринистов. Это было давнее увлечение, перешедшее в страсть. Переехав в Москву, он решил окружить себя ароматом Крыма»¹.

Обратившись к каталогам музеев, удалось идентифицировать ряд произведений, попавших в фонды. В собрании Государственной Третьяковской галереи сегодня хранятся следующие произведения из коллекции учёного: графика — И. К. Айвазовский. Парусное судно. 1858, Шторм на море; А. П. Апсит (Апситис). Масленица. 1900-е; К. Ф. Богаевский. Феодосия. 1930, Судакская крепость. 1931, Первозданный пейзаж. 1931, Мыс Меганом. 1931, Керчь. 1938; М. А. Волошин. Окрестности Коктебеля. 1924, Крымский пейзаж. 1925, Окрестности Коктебеля. 1925, Коктебель. Окрестности. 1925, Хоровод кисейных облаков. 1925, Пейзаж, воспроизводящий рисунок камня. 1925, Химеры. 1927, Лунная ночь над Карадагом. 1927, Древний венецианский город на берегу Коктебельской бухты. 1928, Бухта Коктебель. 1931; А. М. Герасимов. Автопортрет. 1936, Портрет И. М. Саркизова-Серазини. 1938; Н. Чернецов. Татарский домик в Ореанде. 1835; живопись — И. К. Айвазовский. Лунная ночь на Капри. 1841, Овцы, загоняемые бурей в море. 1855, По дороге на Ялту. 1860-е, Ялта. 1866, Волнующееся море. 1887, Ночь в Феодосии. 1887, Штиль. 1887, Неаполитанский залив утром. 1893, Лунная ночь на Босфоре. 1894, Неаполитанский залив ночью. 1895, Туман на море. 1895, Неаполитанский залив ранним утром. 1897, Перед бурей. 1898, Кораблекрушение у берегов Гурзуфа. 1898; А. Е. Архипов. Крестьянка. 1925; К. Ф. Богаевский. Феодосия современная. 1932, Феодосия XIV—XV вв. 1935; П. П. Верещагин. Севастополь. Этюд; А. М. Герасимов. Дары осени. 1935; Л. Ф. Лагорио. У берегов Ливадии; Г. П. Кондратенко. Берег моря; В. Е. Маковский. Политики; А. И. Мещерский. Морской пейзаж. 1899; В. Д. Поленов. Христос на Генисаретском озере; А. К. Саврасов. Деревня.

---

¹ Салуцкий А. А. Указ. соч. — С. 141.

1890-е; Л. В. Туржанский. Весенний вечер. 1912; Я. П. Турлыгин. Голова турка. 1890-е; А. И. Фесслер. Бомбардировка Феодосии турецким флотом в 1878 году. 1878. Произведение Г. И. Семирадского «У фонтана (Баловник)» из Третьяковской галереи поступило в Николаевский художественный музей имени В. В. Верещагина, картина А. М. Герасимова «Портрет И. М. Саркизова-Серазини» (1951 г.) в Симферопольский художественный музей.

В Бахчисарайский историко-культурный заповедник из коллекции Саркизова-Серазини поступили редкие книги и статьи по истории, археологии и этнографии Крыма, Юга России и Средиземноморья, изданные в конце XVIII — начале XX в. По данным музея, за 30 лет сотрудничества с ним учёного музейная библиотека получила в дар 150 книг и статей, а также литографии, фотографии и карты. Важно отметить, что поступления из его собрания считаются значительными, так как в них содержатся материалы, создающие прочную базу первоисточников для изучения истории, этнографии и культуры народов Крыма.

А. А. Бирюков, профессор кафедры лечебной физической культуры, массажа и реабилитации, д-р пед. наук, ученик И. М. Саркизова-Серазини, оставил ценные сведения о коллекции книг учёного: «Мало кто знает, что Саркизов-Серазини был “заражён” собирательством редких книг с тех пор, как купил книгу в Индии “Древняя индийская медицина”, а в Китае по Тибетской медицине. Он был обладателем таких уникальных книг, которые впоследствии были переданы государству. Это “Езда в остров Любви”, перевод Василия Тредиковского, 1730 г.; “Дорожный календарь”, 1762 г.; “История телесных наказаний в России”, 1918 г.; “Живописная Россия” Филимонова, 1837 г., “Воспоминания об императрице Елизавете Алексеевне”, 1827 г.; “Русские книжные редкости. Библиографический список русских редких книг”, составил Григорий Геннади, Санкт-Петербург, 1872 г., тираж 100 экземпляров; каталог “Новейшие лекарственные средства Товарищества В. К. Феррейна в Москве”, 1910 г., “Летопись русского театра”,

1861 г. Пимена Аранова и многие другие. Всему этому я был свидетель и много раз их листал»¹. Этот перечень поражает и в очередной раз показывает, насколько многообразны были увлечения Ивана Михайловича.

Говоря о личности И. М. Саркизова-Серазини, нельзя обойти вниманием его литературный талант и обширные знакомства в творческих кругах: «За время литературной деятельности я выпустил романы “Потомок венецианского дожа”, “Собаки Стамбула”, сборник рассказов “Над голубым заливом”, повесть “Приключение Женьки Жоха”, “В стране Тамерлана и жаркого солнца”. Моя пьеса “Сочувствующий” в 1925–1926 году была поставлена на сценах Москвы, Ленинграда и других городов страны. К этому времени относится моё знакомство и встречи, а с некоторыми и дружба, с различными представителями искусства. Я имею ввиду великих артистов сцены М. Н. Ермолову, К. С. Станиславского, М. П. Лилину, А. А. Яблочкину, А. И. Южина, В. Н. Давыдова, О. О. Садовскую, П. М. Садовского, А. А. Остужева, А. Л. Вишневого, Блюменталь-Тамарину, Лешковскую, Орленева и многих других представителей театра. Встречался и был дружен с некоторыми писателями и поэтами. Вересаевым, Елпатьевским, Есениным, Максом Волошиным, Андреем Белым, И. А. Новиковым, С. Клычковым, В. Казиным, Грином, Новиковым-Прибоем, А. Яковлевым, С. Городецким, В. Гиляровским, А. Блоком, Сергеевым-Ценским, Малышкиным и Сергеем Малышкиным и др. Памятны для меня встречи с “народным шутом” В. Дуровым, А. П. Луначарским, композитором Ипполитовым-Ивановым, Н. И. Подвойским, художниками А. Е. Архиповым, К. Ф. Богаевским, А. Григорьевым, Касаткиным, Аладжаловым, Струнниковым,

---

¹ Бирюков А. А. К 125-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки, доктора медицинских наук, профессора Ивана Михайловича Саркизова-Серазини // Лечебная физкультура и спортивная медицина. — 2012. — №3 (99). — С. 9.

А. М. Герасимовым, а в дальнейшем — Кукрыниксами и многими другими представителями искусства»¹. Иван Михайлович был членом Общества драматических писателей и членом Союза журналистов.

В 1961 г. в журнале «Огонёк» вышла статья Л. Осиповой «Солнечный доктор», в ней автор рассказывает о судьбе учёного и его увлечениях. Очевидно, Л. Осиповой посчастливилось побывать в доме Ивана Михайловича и впоследствии написать о нем и его собрании. В данной публикации мы находим полезные сведения о формировании собрания: «Свою коллекцию картин Иван Михайлович собирал около сорока лет. Почти каждая из них стала частью его биографии, кусочком его души. Картину Айвазовского “Лунная ночь на Босфоре” доктор приобрёл в Феодосии у вдовы художника. Картина была сильно попорчена, но после реставрации в мастерской Корина ожила вся её необычайная прелесть. Айвазовский — первый художник, который пленил воображение Саркизова-Серазини»².

Помимо крымских художников, в собрании Саркизова-Серазини заметно увлечение московской школой живописи, которая представлена именами А. Е. Архипова, Л. В. Туржанского и А. М. Герасимова. По воспоминаниям учеников, с Архиповым и Герасимовым его связывали особенно тёплые отношения. Они часто бывали друг у друга в гостях, делились мнениями, позволяли себе быть достаточно откровенными в обсуждениях творческих пристрастий. Художники дарили ему свои произведения. В числе скульпторов, с которыми И. М. Саркизов-Серазини поддерживал отношения, были Н. А. Андреев, А. Е. Елецкий, Е. В. Вучетич, Иван Михайлович даже принимал участие в обсуждении эскиза знаменитого монумента «Родина-мать» в мастерской, располагавшейся в старинной церкви на Солянке.

---

¹ Саркизов-Серазини И. М. Автобиография. 1962... — С. 2.

² Осипова Л. Солнечный доктор // Огонёк. — М., 1961. — С. 24.

Иван Михайлович Саркизов-Серазини — заведующий кафедрой физической реабилитации, массажа и оздоровительной физической культуры, сегодня названной его именем, в Государственном Центральном институте физической культуры (1944–1964 гг.), внёс большой вклад в науку о закаливании солнцем, воздухом и водой, выпустил 250 научных работ и 50 монографий. Д-р мед. наук (1938 г.), профессор (1946 г.), Заслуженный деятель науки РСФСР (1957 г.). В данной статье мы не касаемся профессиональной деятельности учёного, однако, нельзя не отметить, что его книги по лечебной гимнастике, закаливанию, теории массажа и регулярные статьи в журнале «Физкультура и спорт» стали настольными для миллионов советских людей. В одном из спортивных журналов даже появилось шуточное стихотворение, начинавшееся так: «Тот невежда и разиня, кто не знает Серазини»¹. Целью нашего исследования была попытка объединить найденные сведения о коллекции И. М. Саркизова-Серазини, рассказать о его личности и обозначить дальнейший круг поисков, к которым могут прибегнуть искусствоведы и культурологи.

---

¹ Осипова Л. Солнечный доктор // Огонёк. — М., 1961. — С. 24.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Герасимова Юлия Николаевна (Москва), канд. ист. наук, зам. директора ГКУ МО «Центральный государственный архив Московской области»

Готов Владислав Иванович (Москва), канд. ист. наук, ведущ. научный сотрудник ГКУ МО «Центральный государственный архив Московской области»

Голенко Илья Георгиевич (Москва—Симферополь, Республика Крым), директор КРАНО «Историко-культурный просветительский центр по изучению, сохранению и восстановлению объектов культурного наследия, связанных с государственными и историческими личностями»

Гореликова-Голенко Елена Николаевна (Москва—Симферополь, Республика Крым), зам. директора по научной работе КРАНО «Историко-культурный просветительский центр по изучению, сохранению и восстановлению объектов культурного наследия, связанных с государственными и историческими личностями»

Еремина Любовь Георгиевна (Москва), архивист Государственного историко-архитектурного, художественного и ландшафтного музея-заповедника «Царицыно»

Зыбин Василий Вячеславович (Москва), член МКО

Козлов Владимир Фотиевич (Москва), канд. ист. наук, доц., ведущ. научный сотрудник — руководитель Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия, председатель МКО и РОПИК, Почетный председатель Союза краеведов России

Любина Татьяна Ивановна (Пушкино, Московская обл.), канд. ист. наук, директор ГБУ МО «Московский областной архивный центр»

Овчинникова Александра Александровна (Пушкино, Московская обл.), зам. заведующего отделом учета и обеспечения сохранности документов ГБУ МО «Московский областной архивный центр»

Петрова Елена Геннадиевна (Москва), канд. геогр. наук, ст. научный сотрудник географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Постников Андрей Владимирович (Москва), канд. ист. наук, научный сотрудник Государственного музея-усадьбы «Архангельское»

Сиренко Анастасия Сергеевна (Москва), канд. искусствовед., гл. специалист отдела региональных выставок Государственного музейно-выставочного центра «РОСИЗО»

Смирнова Александра Геннадьевна (Москва), канд. ист. наук, доц., ведущ. научный сотрудник Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия, первый зам. председателя МКО и РОПИК

Смирнова Ксения Александровна (Москва), научный сотрудник Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия, ученый секретарь МКО

Фадеева Татьяна Михайловна (Москва), канд. ист. наук, ведущ. научный сотрудник ИНИОН РАН

Ярославцева Светлана Ивановна (Москва), руководитель Зюзинского общества старожилов, член Московской комиссии МКО

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ¹

Адмотдел — Административный отдел (Моссовета)

АССР — Автономная советская социалистическая республика

ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина

ВИВ — Ваше Императорское Величество

ВИК — волостной исполнительный комитет

ВИМ — Военно-исторический музей

ВЛКСМ — Всероссийский ленинский коммунистический союз молодежи

ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства

ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет

ГАРК — Государственный архив Республики Крым

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГБУ МО МОАЦ — государственное бюджетное учреждение Московской области «Московский областной архивный центр»

ГИМ — Государственный Исторический музей

ГКУ МО ЦГАМО — государственное казенное учреждение Московской области «Центральный государственный архив Московской области»

Главнаука — Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Наркомпроса РСФСР)

Главуголь — Главный угольный комитет (ВСНХ СССР)

ГМЗ — государственный музей-заповедник

ГСО — «Готов к санитарной обороне»

Губмузей — Губернский Комитет по делам музеев и охране памятников (Наркомпроса РСФСР)

Губсоцстрах — губернский отдел социального страхования

ГЭС — гидроэлектростанция

д. — дом

ИЗО — отдел изобразительный источников инфизкульт — Институт физкультуры

МВД — Министерство внутренних дел

МКО — Московское краеведческое общество

МОК — Московский областной комитет (Общества Красного Креста)

МОНО — Московский отдел народного образования

Мособлсовет — Московский областной совет (народных депутатов трудящихся)

МТС — машинно-тракторная станция

МУС — Московский уездный совет

МХАТ — Московский художественный академический театр

МЦК — Московское центральное кольцо

Наркомат — Народный комиссариат

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения (РСФСР)

Наркомюст — Народный комиссариат юстиции

---

¹ В списке даны встречающиеся в тексте сокращения и аббревиатуры, за исключением общеизвестных и общеупотребительных.

- НИИ — научно-исследовательский институт
- НИИСХЭ — Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики
- НИСИ — (Всесоюзный) научно-исследовательский совхозный институт
- НКЗем — Народный комиссариат земледелия
- Облздравотдел / Мосздравотдел — областной / московский городской отдел здравоохранения
- ОГПУ — Объединенное главное политическое управление
- ОКН — объект культурного наследия
- ОПИ — Отдел письменных источников (ГИМ)
- ОР — Отдел рукописей (РГБ; РНБ)
- ОХД — отдел хранения документов (ЦГА г. Москвы)
- пот. поч. — потомственный почетный (гражданин)
- РАН — Российская Академия Наук
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАЭ — Российский государственный архив экономики
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
- РГИА — Российский государственный исторический архив
- РГУФКСиТ — Российский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
- РГУФКСМиТ — Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма
- РИМ — Российский исторический музей
- РНБ — Российская Национальная библиотека
- РОПИК — Российское общество по изучению Крыма
- РПСЦ — Русская Православная Старообрядческая Церковь
- с. д. — собственный дом
- свв. — святые
- СИХМ — Серпуховский историко-художественный музей
- Совдеп — совет депутатов (трудящихся)
- Совнарком — Совет Народных Комиссаров
- СОКК и КП — Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца
- ТСК — Техническо-строительный комитет
- Ф.И.О. — фамилия, имя, отчество
- ЦАГМ — Центральный архив г. Москвы
- ЦГА — Центральный государственный архив (г. Москвы)
- ЦГАОРиСС — Центральный государственный архив Октябрьской Революции и социалистического строительства
- ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы
- ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
- ЦКМК — Центр краеведения, москвоведения и крымоведения
- ЦСО — Центр социального обслуживания ч. — часть (полицейская)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Сборник Первых и Вторых областных историко-краеведческих архивных чтений

Материалы Первых областных историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области». К 75-летию образования Центрального государственного архива Московской области (Москва, 29 марта 2012 г.). Материалы Вторых областных историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области». К 200-летию Отечественной войны 1812 года (Подольск, 25 октября 2012 г.) / отв. ред. П. М. Петров, сост. А. Г. Смирнова. — М., 2013. — 240 с.

Программы Областных историко-краеведческих архивных чтений 2012–2013 гг.

Государственное казенное учреждение Московской области
«Центральный государственный архив Московской области»

Историко-архивный институт РГГУ
Отделение краеведения и историко-культурного туризма
Союз краеведов России

Московское областное отделение Российского общества историков-архивистов

I Областные историко-краеведческие архивные чтения
«Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»
(к 75-летию со дня образования Центрального государственного архива Московской области)

ПРОГРАММА
29 марта 2012 г.

МОСКВА, 2012

Государственное казенное учреждение Московской области
«Центральный государственный архив Московской области»

Историко-архивный институт РГГУ
Отделение краеведения и историко-культурного туризма
Союз краеведов России, Московское краеведческое общество
Московское областное отделение Российского общества историков-архивистов

Комитет по культуре и туризму Администрации г. Подольска
МУК Историко-мемориальный музей-заповедник «Палаты»
МУК «Подольский краеведческий музей»

Вторые областные историко-краеведческие архивные чтения
«Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»
(к 200-летию Отечественной войны 1812 года)

ПРОГРАММА
25 октября 2012 г.

МОСКВА, 2012

Главное архивное управление Московской области
Государственное бюджетное учреждение Московской области
«Государственный архив историко-политических документов Московской области»

Государственное казенное учреждение Московской области
«Центральный государственный архив Московской области»

Отделение краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ
Союз краеведов России
Московское краеведческое общество
Домодевовский благочиннический округ
Пушкинский благочиннический округ
Московское областное отделение
Российского общества историков-архивистов

Третьи областные историко-краеведческие архивные чтения
«Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»
(к 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского)

ПРОГРАММА
23 октября 2013 г.

ПУШКИНО, 2013

**I Областные историко-краеведческие архивные чтения
«Архивные документы по истории и культуре
Московской губернии и Московской области»
(к 75-летию со дня образования Центрального
государственного архива Московской области)**

Москва, 29 марта 2012 г.

Торжественное открытие конференции

10.30-11.00

Ромашин Игорь Евгеньевич, и. о. начальника Главного архивного управления Московской области, канд. ист. наук

Приветствие

Герасимова Юлия Николаевна, зам. директора ГКУ МО ЦГАМО, канд. ист. наук, доцент

Вступительное слово

Козлов Владимир Фотиевич, зав. кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ, председатель Союза краеведов России, канд. ист. наук, проф.

Вступительное слово

Утреннее заседание

11.00-13.30

Любина Татьяна Ивановна, директор государственного бюджетного учреждения Московской области «Государственный архив историко-политических документов Московской области», канд. ист. наук, доцент (Пушкино, Московская область)

«О создании государственного бюджетного учреждения Московской области «Государственный архив историко-политических документов Московской области»»

Козлов Владимир Фотиевич, зав. кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ, председатель СКР и МКО, канд. ист. наук, проф. (Москва)

«Материалы о судьбах культурного наследия Москвы и Московской области в ЦГАМО. 1920–1930-е гг. (Обзор)»

Вайнтрауб Леонид Романович, ст. научный сотрудник НИИПИ Генплана Москвы, ст. научный сотрудник НПО 38 «Исторические зоны» (Москва)

«Документы по истории Русской Православной Церкви советского периода в фондах ГКУ МО ЦГАМО»

Рыжова Ирина Владимировна, зав. отделом публикации и использования документов ГКУ МО ЦГАМО (Москва)

«История Храма Христа Спасителя в документах ГКУ МО ЦГАМО»

Денисов Михаил Евгеньевич, аспирант кафедры региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ (Москва)

«Жизнь и судьба священнослужителей Москвы в период гонений по материалам ЦГАМО и ЦАГМ»

Смирнова Ксения Александровна, аспирантка кафедры региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ (Москва)

«Старообрядцы московского Преображенского кладбища по материалам ЦГАМО»

Думенко Ольга Евгеньевна, ст. научный сотрудник ГКУ МО ЦГАМО, канд. ист. наук (Москва)

«Документы ГКУ МО ЦГАМО о юбилеях Бородинского сражения»

Готовцова Оксана Александровна, гл. хранитель фондов МБУ Историко-краеведческий музей г. п. Фряново; аспирант кафедры истории России и архивоведения ПСТГУ (Фряново, Московская область)

«Фряновская шелковая мануфактура в 1812 г. (По материалам центральных архивов России)»

Родникова Елена Ивановна, научный сотрудник МУК «Ногинский музейно-выставочный центр» (Ногинск, Московская область)

«Историко-краеведческие исследования в военно-исторических архивах по теме: “209-й пехотный Богородский полк в Первой мировой войне”»

Окулова Татьяна Александровна, корреспондент Наро-Фоминской общественно-политической газеты «Основа» (Наро-Фоминск, Московская область)

«Работа исполнительных комитетов Наро-Фоминского и Вереяского районов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (По документам Наро-Фоминского районного архива)»

Вечернее заседание

14.30-18.00

Смирнова Александра Геннадьевна, зам. заведующего кафедрой москвоведения ИАИ РГГУ, зам. председателя СКР, канд. ист. наук, доц. (Москва)

«Материалы по истории краеведения 1920–1930-х гг. в фондах ЦГАМО»

Португалова Валерия Викторовна, председатель клуба «Зеленая лампа Арбата», член Совета МКО, канд. мед. наук (Москва)

«К истории детдома (школы, школы-коммуны) “Молодая гвардия” в бывшем имении Лосевых и В. Бакшеева в подмосковном Зайцево (по материалам ЦГАМО)»

Рогатова Любовь Сергеевна, зав. отделом истории промыслов ГУК МО «Московский областной музей народных художественных промыслов» (с. Федоскино, Московская область)

«М. С. Чижов – художник-миниатюрист из Федоскино (По материалам ЦГАМО)»

Дубинина Людмила Васильевна, член Союза журналистов Подмосковья (Наро-Фоминск, Московская область)

«Документы Наро-Фоминского районного архива в исследовании истории здравоохранения села Наро-Фоминского Верейского уезда Московской губернии и города Наро-Фоминска Московской области»

Чирков Сергей Васильевич, гл. архивист ГКУ МО ЦГАМО, канд. ист. наук (Москва)

«Публикация документальных памятников как одно из направлений работы краеведа»

Дивак Райханя Рашидовна, директор МУК «Историко-культурный центр Ленинского района» (Видное, Московская область)

Замарина Наталья Феликсовна, лектор-экскурсовод МУК «Историко-культурный центр Ленинского района» (Видное, Московская область)

«Работа Историко-культурного центра Ленинского района по собиранию документальных источников по истории края»

Зименков Алексей Павлович, председатель Общества краеведов Ленинского района (Видное, Московская область)

«Историко-краеведческие исследования и подготовка публикаций по истории Ленинского района»

Поляруш Ольга Васильевна, начальник районного архива Администрации Ленинского района (Видное, Московская область)

«Документы муниципального архива – историкам, краеведам, преподавателям»

Шаблин Андрей Александрович, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного университета, председатель Луховицкого районного историко-краеведческого общества, член Совета СКР, канд. ист. наук, доц. (Луховицы, Московская область)

«Краеведческо-этнографические описания отдельных местностей Московской губернии конца XIX в. в фондах центральных архивов России»

Ватник Нисон Семенович, доцент кафедры истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института, канд. ист. наук, доц. (Коломна, Московская область)

«Делопроизводственные документы учебных заведений Москвы и Московской губернии как источник изучения общественных настроений учащихся начала XX в. (По материалам ЦИАМ)»

Антонова Дарья Евгеньевна, студентка V курса факультета истории, управления и сервиса Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна, Московская область)

«Документы ЦИАМ о становлении начального образования в Московской губернии в первой половине XIX в.»

Вторые областные историко-краеведческие архивные чтения
«Архивные документы по истории и культуре Московской
губернии и Московской области»
(к 200-летию Отечественной войны 1812 года)

Подольск, 25 октября 2012 г.

СЕКЦИИ

Секция 1. Документальные источники и архивные материалы в краеведческих исследованиях Подмосковья (секция работает в помещении Подольского краеведческого музея)

Секция 2. Проблемы социокультурной истории Подмосковья (секция работает в помещении Подольского краеведческого музея)

Секция 3. 1812 год в Подмосковье (секция работает в помещении музея-заповедника «Подолье»)

Торжественное открытие конференции

10.30-11.00

Приветствия

Пестов Николай Игоревич, глава муниципального образования «городской округ Подольск Московской области»

Шаталова Ольга Леонидовна, председатель Комитета по культуре и туризму Администрации г. Подольска

Петров Петр Михайлович, начальник Главного архивного управления Московской области

Ромашин Игорь Евгеньевич, первый зам. начальника Главного архивного управления Московской области, канд. ист. наук.

Слащева Любовь Михайловна, директор Подольского краеведческого музея

Вступительные слова

Смирнова Александра Геннадьевна, доцент кафедры москвоведения, зам. руководителя Отделения краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ, первый зам. председателя МКО, канд. ист. наук, доц.

Хотягов Олег Аслангиревич, консультант отдела координации и контроля деятельности архивных учреждений Главного архивного управления Московской области, председатель правления Московского областного отделения Российского общества историков-архивистов

Герасимова Юлия Николаевна, зам. директора ГКУ МО ЦГАМО, канд. ист. наук, доц.

Пленарное заседание

11.00-12.30

Козлов Владимир Фотиевич, зав. кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ, председатель СКР и МКО, канд. ист. наук, проф. (Москва)

«Материалы о музеях в усадьбах и монастырях Подмосковья в 1920-х – начале 1930-х гг. в фондах ЦГАМО»

Митрошенкова Лада Вадимовна, зав. отделом Музея-панорамы «Бородинская битва», член Совета МКО, канд. ист. наук (Москва)

«Обзор научных мероприятий Москвы и Московской области, посвященных 200-летию Отечественной войны 1812 года»

Казакевич Александр Николаевич, ведущ. научный сотрудник ЦГАМО (Москва)
Розанов Андрей Иванович, гл. специалист ЦГАМО (Москва)

«Ветераны Великой Отечественной войны Подмосковья: опыт комплектования архива документами устной истории»

Девятов Сергей Викторович, советник директора Федеральной службы охраны Российской Федерации, Центр по связям с прессой и общественностью Федеральной службы охраны Российской Федерации, д-р. ист. наук, проф. (Москва)

«Московский Кремль в 1812 году»

Секция 1

Документальные источники и архивные материалы в краеведческих исследованиях Подмосковья

Алферова Александра Михайловна, ведущ. специалист ГПБУ «Управление особо охраняемыми природными территориями по ЗелАО г. Москвы» (Зеленоград, Москва)

«Архивные источники по изучению социокультурного пространства современного наукограда (на примере Зеленограда)»

Смирнова Татьяна Васильевна, ст. научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника, член Совета МКО (Сергиев Посад)

«Использование частных архивов в работе краеведческого отдела Сергиево-Посадского музея-заповедника»

Туманов Валерий Евгеньевич, ведущ. научный сотрудник ГКУ МО МОАЦ, канд. ист. наук (Ивантеевка)

«Документы по личному составу как источники краеведческих исследований»

Дарков Сергей Константинович, директор Информационно-издательского центра «ДС», член Правления Московского областного отделения РОИА (Москва)

«Преданные забвению литературные источники об Отечественной войне 1812 года»

Любина Татьяна Ивановна, директор ГБУ МО ГАИПД МО, канд. ист. наук (Пушкино)
«Дворянские роды, проживавшие на пограничной территории Московской и Тверской губерний: особенности архивных изысканий»

Еремин Георгий Викторович, краевед (Москва)
Токанова Нина Анатольевна, учитель истории (Москва)
«Документальные источники в изучении подмосковной местности Подольско-Бутово»

Дубинина Людмила Васильевна, член Союза журналистов Подмосковья (Наро-Фоминск)
«Метрические книги Нарофоминской Никольской церкви в изучении истории города Наро-Фоминска в период с 1864 по 1919 г.»

Шаблин Андрей Александрович, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного университета, председатель Луховицкого районного историко-краеведческого общества, член Совета СКР, канд. ист. наук, доц. (Луховицы)
«Этнографические описания сел Московской губернии во второй половине XIX в.»

Дехканов Мэлс Мухаммеджанович, председатель Можайского объединения краеведов, член Совета МКО (Можайск)
«Электронный архив Можайской районной газеты. Опыт и проблемы создания и эксплуатации»

Секция 2

Проблемы социокультурной истории Подмосковья

Готовцова Оксана Александровна, гл. хранитель фондов МБУ «Историко-краеведческий музей» Фряново, аспирант кафедры истории России и архивоведения ПСТГУ (Фряново)
«Численность и социальный состав рабочих фряновской шелковой мануфактуры в XVIII в. (по материалам РГАДА)»

Дроздов Михаил Сергеевич, ст. научный сотрудник Института энергетических проблем химической физики РАН, канд. физ.-мат. наук (Черноголовка)

Маслов Евгений Николаевич, руководитель проектной группы, проектно-строительная фирма «Надежда» (Ногинск)
«Землевладельцы Богородского уезда в конце XIX – начале XX в. (по материалам ЦИАМ)»

Шокарев Сергей Юрьевич, доц. кафедры региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ, гл. редактор журнала «Подмосковный летописец», член Совета МКО, канд. ист. наук (Москва)

«Графиня Анна Михайловна Виельгорская (1822–1861) и ее потомство в Зарайском уезде»

Португалова Валерия Викторовна, председатель клуба «Зеленая лампа Арбата», член Совета МКО, канд. мед. наук (Москва)

«Экскурс в прошлое семьи на примере поисковой работы с материалами ЦГАМО»

Смирнова Александра Геннадьевна, доцент кафедры москвоведения, зам. руководителя Отделения краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ, первый зам. председателя МКО, канд. ист. наук, доц. (Москва)

«Экскурсионная деятельность Общества изучения Московской губернии в 1920-е гг. (по материалам ОПИ ГИМ)»

Степанова Ольга Викторовна, экскурсовод Государственного исторического музея (отдел «Палаты бояр Романовых») (Москва)

«Местные и дальние экскурсии в деятельности городских экскурсионных бюро Подмосковья в начале 1970-х гг. (по материалам ЦГАМО)»

Суржик Ольга Сергеевна, гл. хранитель фондов ГБУ МО ГАИПД МО, канд. ист. наук (Пушкино)

«День леса» в Подмосковье в 20–30-х гг. XX в. (по материалам выставки архивных документов ГАИПД МО)»

Окулова Татьяна Александровна, корреспондент Нарофоминской общественно-политической газеты «Основа» (Наро-Фоминск)

«Изучение судеб сотрудников редакции Нарофоминской районной газеты “Сталинец”, ушедших на фронт и работавших в тылу в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по архивным материалам)»

Рогатова Любовь Сергеевна, зав. отделом истории промыслов ГУК МО «Московский областной музей народных художественных промыслов» (Федоскино)

«Федоскинская артель живописцев в послевоенный период: по материалам ЦГАМО (1945–1967 гг.)»

Жилев Валентин Иванович, научный сотрудник Федеральной службы охраны Российской Федерации, канд. ист. наук (Москва)

Кайкова Ольга Константиновна, ст. научный сотрудник Федеральной службы охраны Российской Федерации, канд. ист. наук (Москва)

«История Завидовского охотничьего хозяйства по архивным документам ЦГАМО»

Секция 3 1812 год в Подмосковье

Васнев Борис Иванович, председатель Пушкинской районной общественной организации СКР (Общества краеведов), член Совета МКО, член Общественной палаты Пушкинского муниципального района (Пушкино)

«Работа по выявлению и использованию архивных материалов по истории мемориальной часовни в память о 1812 годе в д.Тарасовка Московской области»

Ткаченко Владимир Александрович, зав. историческим отделом Сергиево-Посадского музея-заповедника, канд. ист. наук (Сергиев Посад)

«Архивные материалы по истории Троице-Сергиевой лавры в 1812 году»

Сливка Ирина Александровна, эксперт отдела по культуре и делам молодежи Администрации г. Бронницы (Бронницы)

«Обзор архивных документов по теме “Город Бронницы и Бронницкий уезд в 1812 году”»

Ложкин Александр Олегович, член Дмитровского клуба краеведов (Дмитров)

«Дмитровский уезд в 1812 году (по документам московских архивов)»

Ровенский Георгий Васильевич, председатель Общественного совета муниципального учреждения «Щелковский историко-краеведческий музей», канд. тех. наук (Щелково)

«Война 1812 года в Щелковском крае»

Казакевич Александр Николаевич, ведущ. научный сотрудник ЦГАМО (Москва)

«Память Русской Православной Церкви об Отечественной войне 1812 года. Московская губерния»

Малышкин Сергей Алексеевич, доц. кафедры технологии и организации туристической деятельности Российского государственного университета туризма и сервиса (Москва)

«Формирование Московского ополчения летом 1812 г. (по документам НИОР РНБ)»

Нестеров Сергей Борисович, зам. директора по научной работе ФГУП «Научно-исследовательский институт вакуумной техники им. С. А. Векшинского», член Совета СКР, д-р тех. наук, проф. (Поливаново)

«Генерал Андрей Иванович Гудович – воин и просвещенный патриот. Тарутинский маневр в Поливаново (на основе архивных материалов)»

Митрошенкова Лада Вадимовна, зав. отделом Музея-панорамы «Бородинская битва», член Совета МКО, канд. ист. наук (Москва)

«Документы по истории музея “Кутузовская изба” в Центральном государственном архиве Московской области»

Гончаров Валерий Валерьевич, преподаватель истории гимназии № 4 г. Подольска, канд. ист. наук (Подольск)

«Формирование исторической памяти о событиях Отечественной войны 1812 года через школьное историческое образование 1880–1916 гг. на примере Подольского уезда»

Николайченко Иван Иванович, директор СОШ с. Борисово, зам. председателя Можайского объединения краеведов (Можайск)

«Из истории подготовки и проведения юбилейных торжеств на Бородинском поле (по материалам электронного архива Можайской районной газеты)»

**Третьи областные историко-краеведческие архивные чтения
«Архивные документы по истории и культуре Московской
губернии и Московской области» (к 700-летию со дня
рождения преподобного Сергия Радонежского)**

*Микрорайон Мамонтовка, Пушкино (Московская обл.),
23 октября 2013 г.*

Торжественное открытие конференции

10.00

Антонова Лидия Николаевна, первый зам. Председателя Правительства Московской области

Приветственное слово

Петров Петр Михайлович, начальник Главного архивного управления Московской области

Приветственное слово

Протоиерей Иоанн Монаршек, благочинный городского округа Пушкино Московской области

Приветственное слово

Герасимова Юлия Николаевна, зам. директора ГКУ МО ЦГАМО

Презентация сборника материалов Первых и Вторых историко-краеведческих архивных чтений (Москва, 2013)

Пленарное заседание

10.30-12.00

Зубов Андрей Борисович (Москва), д-р ист. наук, проф., генеральный директор Центра «Церковь и Международные отношения», профессор МГИМО, зав. кафедрой истории религий Российского православного университета – Православного Института святого Иоанна Богослова, ведущ. научный сотрудник Института востоковедения РАН
Сергий Радонежский и духовное преобразование русского общества

Игумен Андроник (Трубачев) (Москва), канд. богословия, доц., директор Музея священника Павла Флоренского
Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг.

Козлов Владимир Фотиевич (Москва), канд. ист. наук, проф., зав. кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ, председатель СКР и МКО
История церковных памятников Сергиева Посада в 1918 – первой половине 1920-х гг. (по материалам московских архивохранилищ)

Смирнова Татьяна Васильевна (Сергиев Посад, Московская обл.), краевед, член Совета МКО
Из истории Троице-Сергиевой Лавры. 1921 г. Закрытие Троицкого собора (по материалам архива ФСБ)

Казакевич Александр Николаевич (Москва), ведущ. научный сотрудник ГКУ МО «Центральный государственный архив Московской области»
Архивное наследие о Лавре преподобного Сергия: прошлое и настоящее

Секция 1

Троице-Сергиева Лавра и Сергиев Посад в истории и культуре Подмосковья

Руководители секции:

Т. В. Смирнова, О. В. Розина

Ткаченко Владимир Александрович (Сергиев Посад, Московская обл.), канд. ист. наук, зав. историческим отделом Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника

Особенности развития землевладения Троице-Сергиевой Лавры нового времени (по материалам РГАДА)

Кривошеева Наталия Александровна (Москва), ст. научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского государственного университета

Святой Патриарх Тихон – священноархимандрит Троице-Сергиевой Лавры (по архивным материалам)

Суржик Ольга Сергеевна (Пушкино, Московская обл.), канд. ист. наук, гл. хранитель архивных фондов ГБУ МО «Государственный архив историко-политических документов Московской области»

«Мы от единого корня лавры Преподобного Сергия...». Письма К. П. Победоносцева А. В. Шаховскому

Розина Ольга Владимировна (Москва), канд. ист. наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени МГОУ

Нравственные уроки преподобного Сергия Радонежского в современном воспитании

Горожанина Светлана Валентиновна (Сергиев Посад, Московская обл.), зав. отделом «Русское народное и декоративно-прикладное искусство XVIII–XXI вв.» Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника

Роль мастерских Абрамцева и Сергиева Посада в возрождении и развитии промыслов края. Конец XIX – начало XX в.

Чернохвостов Александр Владимирович (Сергиев Посад, Московская обл.), лаборант учебно-научного центра исторического краеведения и москвоведения ИАИ РГГУ

История семьи Чернохвостовых по церковным книгам храма Вознесения Господня (Сергиев Посад) и материалам семейного архива

Королева Виктория Викторовна (Балашиха, Московская обл.), зам. руководителя Администрации городского округа Балашиха

План мероприятий по празднованию 700-летия преподобного Сергия Радонежского на территории городского округа Балашиха

Секция 2

Фонды архивных учреждений в историко-краеведческом изучении Московского региона

Руководители секции:

Л. В. Митрошенкова, О. Е. Думенко

Дубинский Андрей Юльевич (Москва), историк

Краткий обзор архивных фондов духовно-учебных заведений Московского региона

Шаблин Андрей Александрович (Луховицы, Московская обл.), канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории МГОСГИ, член Совета СКР, председатель Луховицкого районного историко-краеведческого общества

Документы Государственного архива Рязанской области (ГАРО) по истории храмов современного Подмосковья

Черныш Татьяна Петровна (Дмитров, Московская обл.), зав. архивом, ст. научный сотрудник Музея-заповедника «Дмитровский кремль»

Фонды личного происхождения в составе коллекции Музея-заповедника «Дмитровский кремль»

Соловьёв Ян Валерьевич (Москва), канд. ист. наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени

Историко-филологического института МГОУ Фонд Московской казённой палаты как источник по истории Московской губернии конца XVIII – начала XIX в.

Антонова Дарья Евгеньевна (Коломна, Московская обл.), аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории МГОСГИ

Документы фонда Московского гражданского губернатора в ЦГА г. Москвы как источник изучения полицейских учреждений города Коломны в 1820–1840-х гг.

Митрошенкова Лада Вадимовна (Чехов, Московская обл.), канд. ист. наук, зам. директора Музея-панорамы «Бородинская битва», член Совета МКО

Программа Великого князя Сергея Александровича по военно-патриотическому воспитанию служащих Московского военного округа (1897–1905). По материалам РГВИА

Дроздов Михаил Сергеевич (Черноголовка, Московская обл.), канд. физ.-мат. наук, ст. научный сотрудник ИнЭПХФ РАН, член Совета СКР

Куликова Светлана Викторовна (с. Стромьнь, Московская обл.), бухгалтер ИПХФ РАН
О составе и повседневной-служебной деятельности причта Успенского храма в с. Стромьнь Богородского уезда (по материалам ЦИАМ)

Дубинина Людмила Васильевна (Наро-Фоминск, Московская обл.), внештатный корреспондент Наро-Фоминской газеты «Основа»

История города Наро-Фоминска (1918–1923 гг.): по материалам ЦГАМО

Смирнова Александра Геннадьевна (Москва), канд. ист. наук, доц., и. о. зав. кафедрой москвоведения ИАИ РГГУ, первый зам. председателя СКР и председателя МКО

Материалы по истории подмосковных усадеб в личном фонде архитектора М. В. Дьяконова (1902–1980) в ОПИ ГИМ

Романова Светлана Николаевна (Москва), канд. ист. наук, сотрудник Фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

Личная информация о духовенстве Московской епархии в архивах Москвы

Маресева Галина Николаевна (п. Архангельское, Московская обл.), зав. Экскурсионным бюро Государственного музея-усадьбы «Архангельское»

История Музея-усадьбы «Архангельское» по материалам архива Санатория Министерства обороны «Архангельское»

Думенко Ольга Евгеньевна (Москва), канд. ист. наук, гл. специалист ГКУ МО ЦГАМО
К истории Московского областного совета (по документам ГКУ МО ЦГАМО)

Любина Татьяна Ивановна (Пушкино, Московская обл.), канд. ист. наук, доц., директор ГБУ МО ГАИПД МО

Источники личного происхождения в архивах Московской области: вопросы выявления, атрибуции, использования, публикации

Секция 3

Проблемы социоэкономического и социокультурного развития Московского края

Руководители секции:

В. В. Гончаров, А. В. Белов

Филимон Александр Николаевич (Москва), ст. научный сотрудник музея «Садовое кольцо» (музея истории Мещанского района)

Архивные исследования о Брюсовской усадьбе в Глинках. Неожиданные открытия

Бронских Ольга Игоревна (Электросталь, Московская обл.), архитектор «Арт-Реставрации»

Усадьба «Городище» (п. Свердловский, Щелковский район): проблемы охраны, реставрации и использования

Белов Алексей Викторович (Москва), канд. ист. наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Историко-филологического института МГОУ

Экономические последствия нашествия Наполеона для городского населения Московской губернии

Гончаров Валерий Валерьевич (Подольск, Московская обл.), канд. ист. наук, доцент Подольского социально-спортивного института

Публикация архивных материалов по истории города Подольска в рамках локальной исторической традиции

Маношкина Галина Ивановна (Королев, Московская обл.), экскурсовод

Использование архивных документов в изучении рода чаеоторговцев Перловых и истории двух дачных поселков – Перловка и Ново-Перловка

Семенихин Алексей Викторович (Подольск, Московская обл.), научный сотрудник Историко-мемориального музея-заповедника «Подолье», аспирант кафедры новейшей истории России Историко-филологического института МГОУ

Протоиерей Николай Сироткин (1842–1920) – благочинный церквей Подольского уезда: источниковедческий аспект

Роман Голубинский, протоиерей (Пушкино, Московская обл.), настоятель храма иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» мкр. Мамонтовка г. Пушкино

Храмы поселка (микрорайона) Мамонтовка: история и современность

Мамаев Сергей Юрьевич (Истра, Московская обл.), краевед, руководитель музея «Усадьба Рождествено» в православной школе «Рождество»

Использование архивных материалов в разработке краеведческого проекта «Утраченный Божий Дом». Церкви и часовни Истринского района, разрушенные в годы советской власти

Долгирева Галина Ивановна (Пушкино, Московская обл.), учитель СОШ № 5 г. Пушкино

Часовня в Тарасовке. К истории воссоздания

Парамонов Владимир Алексеевич (Пушкино, Московская обл.), член Пушкинского отделения СКР

Дар Ростова Великому Тарасовке: история передачи иконы Дмитрия Ростовского в часовню Сергия Радонежского, что в Тарасовке

Симакова Елена Алексеевна (Волоколамск, Московская обл.), методист Волоколамской централизованной библиотечной системы

«Почитай что – Пушкин...» Иван Пулькин: поэзия и судьба

Третьякова Татьяна Анатольевна (Углич, Ярославская обл.), директор филиала ГКУ Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» в г. Углич

По страницам одного издания: историко-культурологическое эссе (из опыта историка-архивиста)

Серегина Инна Геннадьевна (Тверь), канд. ист. наук, зав. кафедрой документо-ведения, архивоведения и историографии Тверского государственного университета

Материалы ЦГАМО о советско-болгарских отношениях 1920-х–1960-х гг.

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
МОСКВЫ, ПОДМОСКОВЬЯ И КРЫМА
В ДОКУМЕНТАХ АРХИВОВ
МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ**

*Материалы архивно-краеведческой
научно-практической конференции*

Редактор: *А. Г. Смирнова*

Корректор: *К. А. Смирнова*

Компьютерная верстка: *О. В. Ключенкова*

На 1-й странице обложки — палаты Аверкия Кириллова
на Берсеневке (здание Института Наследия), фотография 2021 г.

На шмуц-титулах — Колокольня Рогожского кладбища в Москве.

Фотография нач. XX в.; Воспоминание о Крыме. Кореиз.

Фото В. Н. Соконова. Изд. КрымГИЗ. Открытка нач. 1930-х гг.

Российский научно-исследовательский институт

культурного и природного наследия

имени Д. С. Лихачёва

129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

e-mail: info@heritage-institute.ru